

ВЕСЦІ НАЦЫЯНАЛЬнай АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК НАВУК. 2017. № 1

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2017. № 1

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя,
член-корреспондент, доктор исторических наук,
профессор

Редакционная коллегия:

- В. В. Гниломедов,** академик, доктор филологических наук,
профессор (*заместитель главного редактора*)
П. Г. Никитенко, академик, доктор экономических наук,
профессор (*заместитель главного редактора*)
М. С. Макрицкая (*ведущий редактор*)
- Е. М. Бабосов,** академик, доктор философских наук, профессор
Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор
В. В. Данилович, кандидат исторических наук
М. П. Костюк, академик, доктор исторических наук, профессор
И. В. Котляров, доктор социологических наук, профессор
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук
- А. И. Локотко,** академик, доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор
А. А. Лукашанец, член-корреспондент, доктор филологических наук, профессор
М. В. Мясникович, член-корреспондент, доктор экономических наук, профессор
Д. И. Широканов, академик, доктор философских наук, профессор

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко**, член-корреспондент, доктор филологических наук, профессор (*Республика Беларусь*)
В. И. Васильев, член-корреспондент, доктор исторических наук, доктор филологических наук, профессор (*Российская Федерация*)
П. А. Водопьянов, член-корреспондент, доктор философских наук, профессор (*Республика Беларусь*)
Герд Генцель, доктор habilitированный (*Федеративная Республика Германия*)
А. Е. Дайнеко, член-корреспондент, доктор экономических наук, профессор (*Республика Беларусь*)
А. И. Жук, доктор педагогических наук, профессор (*Республика Беларусь*)
В. И. Жук, доктор искусствоведения, профессор (*Республика Беларусь*)
В. П. Изотко, кандидат юридических наук (*Республика Беларусь*)
В. А. Ильин, доктор экономических наук, профессор (*Российская Федерация*)
С. П. Карпов, академик, доктор исторических наук, профессор (*Российская Федерация*)
И. Л. Копылов, кандидат филологических наук (*Республика Беларусь*)
Е. Мионович, доктор habilitированный (*Республика Польша*)
И. В. Саверченко, доктор филологических наук, профессор (*Республика Беларусь*)
А. А. Сатыбалдин, академик, доктор экономических наук, профессор (*Республика Казахстан*)
А. В. Смирнов, член-корреспондент, доктор философских наук, профессор (*Российская Федерация*)
Янг Хiong (*Китайская Народная Республика*)

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт журнала: vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2017. № 1.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *О. Л. Смольской, Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 23.01.2017. Выход в свет 30.01.2017. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 114 экз. Заказ 10.

Цена номера: индивидуальная подписка – 10,34 руб., ведомственная подписка – 25,29 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2017

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

SERIES OF HUMANITIES. 2017. № 1

The Journal was founded in 1956

Periodicity is 4 issues per annum

Founder is the National Academy of Sciences of Belarus

The journal is registered on May 18, 2009 by the Ministry of Information of the Republic of Belarus
in the State Registry of Mass Media, reg. No. 394

Editor-in-Chief

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya,
Corresponding Member, D. Sc. (Hist.), Professor

Editorial Board:

V. V. Gnilomedov, Academician, D. Sc. (Philol.), Professor (*Associate Editor-in-Chief*)

P. G. Nikitenko, Academician, D. Sc. (Econ.), Professor (*Associate Editor-in-Chief*)

M. S. Makritskaya (*Lead Editor*)

Ye. M. Babosov, Academician, D. Sc. (Philos.), Professor (*Republic of Belarus*)

G. A. Vasilevich, D. Sc. (Law), Professor (*Republic of Belarus*)

V. V. Danilovich, Ph. D. (Hist.) (*Republic of Belarus*)

M. P. Kostsiuk, Academician, D. Sc. (Hist.) Professor (*Republic of Belarus*)

I. V. Kotlyarov, D. Sc. (Sociol.), Professor (*Republic of Belarus*)

A. A. Lazarevich, Ph. D. (Philos.) (*Republic of Belarus*)

A. I. Lokotko, Academician, D. Sc. (Hist.), D. Sc. (Art Hist.), Professor (*Republic of Belarus*)

A. A. Lukashanets, Corresponding Member, D. Sc. (Philol.), Professor (*Republic of Belarus*)

M. V. Myasnikovich, Corresponding Member, D. Sc. (Econ.), Professor (*Republic of Belarus*)

D. I. Shirokanov, Academician, D. Sc. (Philos.), Professor (*Republic of Belarus*)

Editorial Council:

A. N. Bulyko, Corresponding Member, D. Sc. (Philol.), Professor (*Republic of Belarus*)

V. I. Vasiliev, Corresponding Member, D. Sc. (Hist.), D. Sc. (Philol.), Professor (*Russian Federation*)

P. A. Vodopyanov, Corresponding Member, D. Sc. (Philos.), Professor (*Republic of Belarus*)

Gerd Hentschel, Dr. habil. (*Federal Republic of Germany*)

A. Ye. Daineko, Corresponding Member, D. Sc. (Econ.), Professor (*Republic of Belarus*)

A. I. Zhuk, D. Sc. (Pedagog.), Professor (*Republic of Belarus*)

V. I. Zhuk, D. Sc. (Art Hist.), Professor (*Republic of Belarus*)

V. P. Izotko, Ph. D. (Law) (*Republic of Belarus*)

V. A. Ilyin, D. Sc. (Econ.), Professor (*Russian Federation*)

S. P. Karpov, Academician, D. Sc. (Hist.), Professor (*Russian Federation*)

I. L. Kopylov, Ph. D. (Philol.) (*Republic of Belarus*)
E. Mironovich, Dr. habil., Professor (*Republic of Poland*)
I. V. Saverchenko, D. Sc. (Philol.), Professor (*Republic of Belarus*)
A. A. Satybaldin, Academician, D. Sc. (Econ.), Professor (*Republic of Kazakhstan*)
A. V. Smirnov, Corresponding Member, D. Sc. (Philos.), Professor (*Russian Federation*)
Yang Xiong (*People's Republic of China*)

The Journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of Russian Science Citation Index (RSCI)

Address of the Editorial Office:
Akademicheskaya Str., room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDING OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian series, 2017, No. 1.

Printed in Russian and Belarusian languages

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *O. L. Smolskaya, L. I. Kuderko*

It is sent of the press 23.01.2017. Appearance 30.01.2017. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
The press digital. Printed pages 14,88. Publisher's signatures 16,4. Circulation 114 copies. Order 10.
Number price: individual subscription – 10,34 byn., departmental subscription – 25,29 byn.

Publisher and printing execution:
Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No.02330/455 dated December 30, 2013.
Address : F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanities, 2017

ISSN 0321-1649 (print)

ЗМЕСТ

Коваленя А. А., Левкович В. И. Гуманитарная наука белорусскому обществу: достижения и перспективы 7

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Сивицкий А. В. Применение метода анализа социальных сетей в мир-системном подходе 24

ГІСТОРЫЯ

Даніловіч В. В. Моладзь у індустрыяльным будаўніцтве БССР (1928–1939 гг.) 33

Кривуць В. І. Палітыка польскіх улад па ваеннай падрыхтоўцы моладзі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) ... 49

Матюшевская М. И. Оценка научного творчества В. О. Ключевского в российской историографии конца XIX – начала XXI века 55

МОВАЗНАЎСТВА

Елынцова И. В. Структурно-семантические особенности адъективных лексико-семантических групп колоративов русского и белорусского языков 62

Юшкевич О. С. Словообразовательные отношения в лексико-семантическом поле «Географический ландшафт» в русском и белорусском языках 71

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Агеева Л. Я. Асіметрычны элемент арнаменту віцебскага ручніка 79

Артёмова Е. В. Приемы интерпретации европейского искусства в живописи Китая 87

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Шаладонаў І. М. Генезіс беларускай аповесці XX стагоддзя 93

Новік Г. Ю. Феномен літаратуры нон-фікшн: аспекты тэорыі і верыфікацыі 99

ПРАВА

Василевич Д. Г. Соматические права человека и гражданина 106

Кочурко Ю. В. Становление и развитие судебной власти на территории Беларуси: исторический и правовые аспекты 113

ЭКАНОМІКА

Сибирская А. В. Перспективы валютной интеграции в условиях ЕАЭС: анализ критериев конвергенции 119

РЭЦЭНЗІІ

Василевич Г. А., Киселёва Т. М. Фундаментальные основы теории государства и права 127

CONTENTS

Kovalenya A. A., Levkovich V. I. Humanities to the Belarusian Society: Achievements and Prospects	7
--	---

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Sivitski A. V. Using the Social Network Analysis in the World-System Approach	24
--	----

HISTORY

Danilovich V. V. Youth in the BSSR Industrial Development (1928–1939)	33
Krivuts V. I. The Polish Authorities' Policy on Military Training for Young People in Western Belarus (1921–1939)	49
Matsiusheuskaya M. I. Evaluation of V. O. Klyuchevsky's Scientific Contribution by Russian Historiographers in the Late 19th and Early 21st Centuries	55

LINGUISTICS

Elyntseva I. V. Structural and Semantic Features of Lexical Semantic Groups of Colorative Adjectival Units in the Russian and Belarusian Languages	62
Yushkevich O. S. Word Formation Relations in the Lexical Semantic Field "Geographic Landscape" in the Russian and Belarusian Languages	71

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Ahejeva L. E. Asymmetrical Element in Ornamented Towels from Vitebsk Region	79
Artsiomava A. V. Interpreting European Art in China's Painting	87

LITERARY SCIENCE

Shaladonau I. M. Genesis of the 20th Century Belarusian Novel	93
Novik A. Y. Non-fiction Phenomenon: Theoretical and Verificational Aspects	99

LAW

Vasilevich D. G. Somatic Human and Civil Rights	106
Kochurko Ju. V. The formation and development of the judiciary in Belarus: historical and legal aspects	113

ECONOMICS

Sibirskaya A. V. Prospects of Monetary Integration within the Eurasian Economic Union: Convergence Criteria Analysis	119
---	-----

REVIEWS

Vasilevich G. A., Kiseliova T. M. Fundamentals of the Theory of the State and Law	127
--	-----

ISSN 0321-1649 (print)

УДК [1/3+7/9] (476)

Поступила в редакцию 15.11.2016

Received 15.11.2016

А. А. Коваленя, В. И. Левкович

*Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь*

ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА БЕЛОРУССКОМУ ОБЩЕСТВУ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассмотрены место и роль социально-гуманитарных наук в белорусском обществе. Проанализированы результаты выполнения государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» на 2011–2015 гг. Обращено внимание на важнейшие научные результаты, полученные при выполнении программы в области археологии, истории, экономики, философии, социологии, языкознания, литературы, искусствоведения, этнографии, права, педагогики. Указаны наиболее крупные фундаментальные труды, раскрывающие богатейший историко-культурный и духовный пласт белорусского народа и не имеющие аналогов за рубежом. Подчеркнуто, что главной задачей исследований ученых-гуманитариев является углубленное и аргументированное обеспечение исторической правомерности белорусской государственности, направленной на отстаивание национально-государственных интересов Республики Беларусь в мировом сообществе, сохранение духовных и материальных историко-культурных ценностей белорусского народа, укрепление международного престижа белорусского государства и белорусской гуманитарной науки в мире. Представлены количественные итоги работы ученых-гуманитариев Республики Беларусь при выполнении ГПНИ «История, культура, общество, государство».

Сделан вывод, что ученые-гуманитарии Беларуси, работая в единой программе научных исследований, в целом успешно обеспечивают научное сопровождение социально-экономического, политического, социального и культурного развития современного белорусского общества, содействуют поддержанию социальной стабильности, способствуют сохранению и развитию белорусской национальной культуры.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, программа, общество, государственность, развитие.

A. A. Kovalenya, V. I. Levkovich

Department of Humanities and Arts, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

HUMANITIES TO THE BELARUSIAN SOCIETY: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

The place and role of social sciences and humanities in the Belarusian society is addressed. Implementation results of the 2011–2015 State Program for Scientific Research in History, Culture, Society and the State are analyzed. The most important scientific results are specified which were achieved in the implementation of the Program in such areas as archaeology, history, economics, philosophy, sociology, linguistics, literature, art history, ethnology, law, and pedagogy. Major unique fundamental works are specified that unveil abundant historical, cultural and spiritual foundations of the Belarusian people. It is emphasized that the main tasks of humanitarian scholars are a) the advanced and reasonable justification of the historical legitimacy of the Belarusian statehood aimed to protect national interests of the Republic of Belarus in the world community; b) the preservation of spiritual and tangible historical and cultural values of the Belarusian people; and c) strengthening the international prestige of the Belarusian state and the Belarusian humanities in the world. Quantitative results of Belarusian humanitarian scholars' contribution in the implementation of the History, Culture, Society and the State Program are presented.

The conclusion is made that, working within the common scientific research program, humanitarian scholars in Belarus generally provide strong scientific support to the social, economic, political and cultural development of the modern Belarusian society, and contribute to maintaining social stability and preserving and developing Belarusian national culture.

Keywords: social sciences and humanities, program, society, statehood, development.

За четверть столетия независимого развития Республики Беларусь, а это мгновение в историческом измерении человеческой цивилизации, произошли очевидные позитивные сдвиги в общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизни белорусского

общества. Между тем сегодняшние реалии ярко свидетельствуют, что для дальнейшего успешного строительства государственной независимости уже недостаточно одного политического суверенитета. Геополитические вызовы требуют ставить на повестку дня и вопрос о суверенитете гуманитарного пространства – пространства духовных ценностей, смыслов и символов. Решение этой актуальной задачи требует углубленного изучения, сохранения и расширения духовно-культурного и материального наследия, накопленного и ежедневно создаваемого трудолюбивым белорусским народом.

Опыт свидетельствует, что главным условием для перехода страны к инновационному развитию является не только наличие новой техники и технологий, но и богатство интеллектуального капитала людей, их готовность благодарному служению Отечеству. Чтобы творить и совершать великие научные открытия, осуществлять значительные социально-экономические достижения, люди должны понимать, что они делают это для своей страны, для своего народа, для блага грядущих поколений. Гуманитарная наука всегда была призвана служить консолидации общества, искать научно обоснованные пути преодоления кризисов духовности, укреплять историческое сознание людей, гармонизировать социально-производственные отношения.

Несомненно, одной из важных функций гуманитарной науки является формирование в общественном сознании инновационной культуры. Инновационное развитие белорусского общества – по-своему уникальная, многоаспектная задача, которая включает в себя и сохранение традиционных социальных форм и связей, и внедрение новых технологических и организационных механизмов, и переориентацию системы производства знаний на актуальные проблемы национально-государственного строительства, и необходимую экологическую и этическую экспертизу современных технологий.

В целях создания комплекса современных средств гуманитарного познания, раскрывающего природу такой сложно организованной, многоуровневой, динамической социальной реальности, как современное белорусское общество, была разработана и принята государственная программа научных исследований на 2010–2015 гг. «История, культура, общество, государство». Программа включала шесть подпрограмм: «История и культура» (руководители В. В. Данилович, А. А. Коваленя, В. С. Кошелев, А. И. Локотко); «Экономика» (А. Е. Дайнеко, А. Н. Тур); «Социология и философия» (И. В. Котляров, А. А. Лазаревич, А. В. Рубанов); «Беларуская мова і літаратура» (А. А. Лукашанец, И. С. Ровда); «Право и управление» (С. А. Балашенко, В. И. Семенов); «Образование» (А. И. Жук, Г. В. Пальчик, Л. А. Худенко).

Основными целями программы являлись:

исследование духовной и материальной культуры белорусского народа на разных этапах его исторического развития и научное обоснование роли национальной культуры, языка и литературы в современных цивилизационных процессах;

научное обоснование механизмов роста конкурентоспособности белорусской экономики;

определение стратегии социокультурного развития белорусского общества, разработка философско-методологических, ценностно-мировоззренческих, правовых основ формирования постиндустриального общества в Республике Беларусь;

разработка научных основ совершенствования государственного управления и деятельности Национальной правовой системы;

научно-методическое сопровождение образовательного процесса в условиях инновационного развития национальной системы образования.

Для выполнения этой сложной и напряженной программы были привлечены лучшие научные силы страны. Исполнителями заданий являлись более трех тысяч исследователей из 39 научных организаций и высших учебных заведений. Среди исполнителей – 5 академиков, 14 членов-корреспондентов НАН Беларуси, 328 докторов и 1134 кандидата наук. Положительным моментом явилось и то, что к выполнению некоторых заданий программы были привлечены около одной тысячи аспирантов, магистрантов и студентов [1].

Творческое сотрудничество ученых-гуманитариев позволило достигнуть очевидных результатов. Так, за пять лет было опубликовано свыше 26 тыс. научных работ, из них более 3,5 тыс. – в зарубежных научных изданиях. Подготовлено и издано свыше 2 тыс. книжных изданий, в том

числе более 600 монографий, 141 справочник и энциклопедия, свыше 300 сборников научных трудов. На основе научных результатов, полученных в процессе выполнения программы, подготовлено свыше 900 учебников, учебных и методических пособий, рабочих тетрадей, учебных карт. Подготовлено и опубликовано свыше 20 тыс. научных статей и докладов, более 4,5 тыс. тезисов докладов. Важно подчеркнуть, что за этот период было защищено 28 докторских, 261 кандидатская и более 300 магистерских диссертаций. Кроме того, в процессе выполнения государственной программы исследователи установили 180 новых закономерностей и 116 новых зависимостей, 178 новых методов и методик, 35 макетов систем, комплексов и материалов, 6 экспериментальных образцов. Исполнители программы заключили: 1 лицензионный договор, 1 договор на предоставление права использования секретов производства, 35 договоров уступки [2].

Важным достижением отечественных гуманитариев явилось и то, что на основе результатов проведенных исследований подготовлен 21 проект заданий для их включения в другие научно-технические и государственные программы. В Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь подано и успешно реализовано 10 инновационных проектов. За прошедший период организации-исполнители программы заключили свыше 350 договоров на создание научно-технической продукции и оказание услуг на сумму свыше 38 млрд руб. Были выполнены более 200 зарубежных контрактов и грантов на создание научно-технической продукции и оказание услуг на сумму около 400 тыс. долларов США.

Плодотворную научно-исследовательскую работу осуществляли археологи и историки. Под руководством директора Института истории В. В. Даниловича были организованы и успешно осуществлены комплексные исследования материальной и духовной культуры белорусов на разных этапах исторического развития. Продолжалось изучение истоков славянской общности, этнических особенностей, эволюции национальных традиций как в социальной, духовной, так и в материальной культуре во взаимосвязи и взаимодействии с другими славянскими культурами. Много сделано по популяризации исторических знаний и формировании исторического сознания молодого поколения Беларуси.

Большую работу по организации археологических исследований осуществляли В. Л. Лакиза, О. Н. Левко, В. И. Кошман, П. Ф. Лысенко, И. А. Марзалюк, Д. В. Дук, А. А. Башков, А. В. Войтехович. С участием вузовских ученых-педагогов и студентов академические археологи успешно организовали комплексные археологические исследования в зоне строительства Белорусской АЭС, Витебской, Гродненской и Полоцкой ГЭС, Нежинского калийного комбината, второй минской кольцевой дороги. Впервые в археологической науке было исследовано городище милоградской культуры Обчин в Любанском районе. Изучен археологический комплекс X–XII вв. «Василевщина» в Дзержинском районе. В результате кропотливой работы были выявлены и систематизированы ранее неизвестные памятники историко-культурного наследия Беларуси. Результаты исследования археологического памятника «Василевщина» были номинированы в Топ-10 достижений НАН Беларуси за 2015 г. Многие новые археологические материалы позволили внести важные корректировки в устоявшиеся сведения о древней истории Беларуси, определить датировку образования ряда населенных пунктов. В музейные учреждения страны переданы многие уникальные артефакты.

Историки продолжали изучение формирования и функционирования социальных, политических, экономических, этнокультурных и конфессиональных структур на территории Беларуси в эпоху Средних веков и раннего Нового времени. Методологическим фундаментом освещения событий истории белорусской государственности стала сформулированная на основе принципа историзма коллективом ученых Института истории НАН Беларуси принципиально новая трактовка дефиниции «государственность». Это не только права этнонационального сообщества, но потенциальная способность и возможность его элиты (политической, экономической, научной, культурной) к длительному самостоятельному историческому существованию и развитию [3]. Государство в такой трактовке – это конкретно-историческое воплощение такого права, совокупность государствообразующих процессов. Новая трактовка дефиниции «государственность» – это значительное научное достижение отечественной исторической науки, которое имеет принципиально важное значение для ученых-обществоведов в процессе дальнейшей разработки идеологии

белорусской государственности. Большое внимание разработке истории государственности уделяют академик М. П. Костюк, доктора наук А. М. Литвин, В. В. Тугай, О. Н. Левко, В. Ф. Голубев, кандидаты наук Н. В. Смехович, В. В. Данилович, С. А. Третьяк.

На основе проведенных исследований подготовлена уникальная двухтомная коллективная монография «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.», где впервые основательно проанализированы предпосылки, которые содействовали формированию национально-государственной идеи белорусского народа, сложный процесс оформления белорусской государственности, комплексно освещены и обоснованы ее особенности на разных исторических этапах. В результате проведенной работы под руководством академика М. П. Костюка была подготовлена и издана коллективная монография «История Новогрудка – из глубин веков до наших дней» [4] и ряд других изданий, что убедительно демонстрирует целостную картину развития Беларуси в период Великого Княжества Литовского [5–13].

Много сделано по продолжению исследований трагических страниц истории в период войн и военных конфликтов, которые прокатились по многострадальной белорусской земле. Объективные научные исследования истории Второй мировой войны позволили противодействовать многочисленным попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны. Проведено исследование боевых действий Красной Армии на территории Беларуси летом 1941 г., проблем боевого взаимодействия партизанских сил Беларуси с войсками Красной Армии в период освобождения территории БССР (1943–1944 гг.). Впервые в исторической науке воссоздана целостная объективная картина подготовки и хода освобождения территории Беларуси Красной Армией в 1943–1944 гг., а также роль в этом процессе подпольщиков и партизан. К 70-летию Великой Победы создана целостная объективная картина участия белорусов и уроженцев Беларуси в важнейших событиях Великой Отечественной войны. На основе ранее неизвестных и неопубликованных документов, выявленных учеными в фондах архивов, показан общий вклад населения республики в Победу [14–18].

Результаты исследований отечественных историков широко используются при создании туристических центров, музейных экспозиций, реставрации памятников архитектуры. При их активном участии разработаны научные концепции экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, исторических экспозиций в краеведческих музеях деревни Лясковичи (центр Национального парка «Припятский») Житковичского района и деревни Мотоль Ивановского района. Совместно с Национальным историческим музеем Республики Беларусь создана уникальная мобильная выставка «Беларусь и белорусы», в которой на основе новейших научных разработок с использованием современных мультимедийных средств выразительно и ярко представлена богатая и уникальная история и культура Беларуси. Особо следует подчеркнуть, что результаты научных исторических исследований активно используются при подготовке учебников и учебно-методических пособий для высшей и средней школы, многие внедрены в учебный процесс в виде лекционных курсов, спецкурсов и факультативов.

Успешно работают ученые Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. Под руководством академика А. И. Локотко были продолжены масштабные исследования ученых-культурологов. Изучен огромный историко-культурный пласт наследия городов и сел Беларуси. Выявлены важнейшие тенденции, концептуальные идеи и социальные ориентиры современной мировой и отечественной архитектурной практики, способы их реализации, характер взаимодействия инновационных и традиционалистских направлений, дана оценка практического опыта по воплощению архитектурных и урбанистических концепций в современной архитектуре Беларуси.

Впервые в отечественной науке разработана научная концепция развития туризма в Беларуси на основе историко-культурного и туристического потенциала локальных районов комплексного историко-культурного наследия как основы для организации туристско-рекреационных зон, транзитных и меридиональных маршрутов на территории Беларуси. Концепция представлена в монографии «Туристическая мозаика Беларуси», в которой выделены 52 локальных района комплексного историко-культурного наследия Беларуси, сформулированы предложения и рекомендации по сохранению и использованию объектов историко-культурного наследия малых го-

родов и исторических сел страны. Результаты исследований успешно используются в учебной работе вузов, а также в организации и развитии туристической деятельности и инфраструктуры. Сегодня работа переведена на английский язык и станет полезным пособием для гостей Европейской олимпиады в 2019 г. [19].

Исследованы основные закономерности развития этноконфессиональной структуры Беларуси, комплексного развития традиций белорусского народа и культуры этнических общностей на территории Беларуси, их роль в формировании национальных традиций современного белорусского общества. По материалам исследования подготовлена и издана монография «Кто живет в Беларуси», которая активно используется органами государственного управления для формирования и пропаганды государственной политики в сфере национального и этнического развития. Большую научно-исследовательскую работу проводят член-корреспондент М. Ф. Пилипенко, доктора наук А. Викт. Гурко, А. Вл. Гурко, Л. В. Ракова. В фундаментальной серии «Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси» опубликована монография «Этнокультурные процессы Гродненского Поманья в прошлом и настоящем», подготовлена к изданию книга, посвященная комплексному этнологическому исследованию Центрального региона Беларуси [20].

Усилиями многих ученых подготовлено и издано фундаментальное научное 6-томное издание «Традиционная художественная культура белорусов», которое является основой для осмысления и развития традиций художественной культуры белорусов [21–24]. В результате исследований по истории, архитектурному и историко-культурному наследию населенных пунктов Гродненской и Минской областей опубликовано 5 книг многотомного научного энциклопедического издания «Города и деревни Беларуси» и многие другие работы [25–29].

Проведенные научные изыскания позволили разработать концепцию «Государственной программы возрождения технологий и традиций изготовления служских поясов и развития производства национальной сувенирной продукции “Служкія паясы”», которая утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 ноября 2012 г. № 1069.

Активную исследовательскую работу развернули языковеды. Под руководством члена-корреспондента А. А. Лукашанца и кандидата филологических наук И. Л. Копылова была организована целенаправленная работа по исследованию системы современного белорусского литературного языка и его места в современном коммуникативном пространстве. Изучены и теоретически осмыслены грамматический строй, фонетика, лексический состав современного белорусского литературного языка с учетом современных тенденций; исследованы этапы исторического развития белорусского языка и место народных говоров в системе диалектного произношения; изучены белорусско-русское языковое взаимодействие и связи белорусского языка с другими языками (прежде всего славянскими); подготовлен ряд словарей белорусского языка. Благодаря усилиям членов-корреспондентов А. А. Лукашанца, А. Н. Булыко, доктора наук В. П. Русак, кандидатов наук И. В. Кондратени, Л. П. Курцевич, В. Н. Курцовой подготовлен и издан ряд лексикографических работ и справочных изданий, среди которых комплекс научных работ, способствующих реализации положений Закона Республики Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», оптимизации процесса преподавания белорусского языка, а также поддержке орфографических норм белорусского языка в современной языковой практике. Это такие работы, как: «Граматычны слоўнік дзеяслова», «Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічэбніка, прыслоўя»; «Слоўнік беларускай мовы»; «Беларуска-рускі слоўнік=Белорусско-русский словарь» (в 3 т.); «Русско-белорусский словарь=Руска-беларускі слоўнік» (в 3 т.); Николаева О. М., Трухан Т. Н. «Современный русско-белорусский словарь»; Николаева О. М., Трухан Т. Н. «Русско-белорусский словарь для школьников младшего возраста»; «Сучасная беларуская арфаграфія: акадэмічны даведнік».

Изданные в процессе выполнения подпрограммы «Белорусский язык и литература» языковедческие труды способствуют сохранению, передаче и популяризации интеллектуального наследия белорусов, повышению культуры белорусского языка и установлению ее норм, делают известными научные достижения ученых-гуманитариев в Республике Беларусь и за ее пределами, а также укрепляют статус белорусского языкознания на международном уровне.

Научные разработки в области белорусского языкознания сегодня не только определяют развитие языковедческой науки в Беларуси, но и в целом всей белорусистике за пределами страны. Они обеспечивают статус белорусского языка как государственного языка Республики Беларусь и потребности современной языковой практики, способствуют повышению национального самосознания белорусского общества, играют большую роль в формировании национального имиджа государства и его престижа в мире.

Успешно продолжают научно-исследовательскую работу литераторы. В содружестве с учеными высших учебных заведений была изучена история белорусской литературы, подготовлены и изданы такие крупные фундаментальные труды, как «Беларуская літаратура XVI ст.», «Беларуская літаратура X–XV стст.», «Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў» в 2 т., «Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя» в 4 т., т. 4, кн. 3. Большую организаторскую и научно-исследовательскую работу осуществляют директор Института литературоведения И. В. Саверченко, члены-корреспонденты С. С. Лавшук и М. И. Мушинский, доктора наук Т. И. Шамякина и М. А. Тычино, кандидаты наук Е. А. Городницкий и С. В. Колядко. Литераторы подготовили и издали Собрание сочинений Якуба Коласа в 20 томах. В соответствии с распоряжением Президента Республики Беларусь «Об увековечении памяти народного писателя Беларуси Шамякина Ивана Петровича» проведено научно-текстологическое исследование произведений классика. Подготовлено и издано Собрание сочинений И. П. Шамякина в 23 томах.

Под руководством члена-корреспондента С. С. Лавшука проведено научно-текстологическое исследование произведений народного писателя Беларуси Ивана Яковлевича Науменко. Завершена работа по подготовке материалов всех томов 10-томного Собрания сочинений И. Я. Науменко.

Огромную творческую работу выполняет академик В. В. Гниломедов, подготовивший ряд глубоких произведений: «Уліс з Прускі», «Вайна», «Расія» [30–32]. Результаты литературоведческих исследований задействованы не только в области фундаментальной науки и учебно-педагогической практики, но и в деятельности информационно-аналитических и общественно-культурных учреждений Беларуси. Они способствуют росту международного авторитета белорусской национальной культуры и Республики Беларусь в целом, укреплению ее интеграции в мировое культурно-цивилизационное пространство, развитию добрососедских отношений между народами.

В соответствии с требованиями социально-экономического развития страны осуществляют деятельность ученые экономисты. В результате выполнения заданий исследований по подпрограмме «Экономика» получен комплекс теоретических и научно-методических разработок, обеспечивающих научное обоснование механизмов роста конкурентоспособности белорусской экономики в условиях глобализации [33–38].

Определена зависимость конкурентоспособности белорусской экономики от уровня развития институциональной среды, а также эмпирически установлены взаимосвязи эффективности государственного регулирования и качества правовых, регулятивных, распределительных и социальных институтов.

Разработаны теоретико-методологические подходы и обоснованы практические рекомендации по совершенствованию системы макроэкономического регулирования национальной экономики, включающие предложения по развитию бюджетно-налогового регулирования, рекомендации по улучшению сбалансированности денежно-кредитного рынка, повышению эффективности инвестиционной политики, в т. ч. привлечения прямых иностранных инвестиций.

Разработана Концепция внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь, определяющая принципы, цели, задачи, основные приоритеты развития внешнеэкономических связей страны и включающая предложения по совершенствованию механизма их реализации. На основе научных исследований в Институте экономики НАН Беларуси подготовлена Национальная программа поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 гг.

Обоснованы базовые положения разработки интеграционной политики на региональном уровне в ЕАЭС, а также стратегические приоритеты регионов Беларуси во внешнеэкономической деятельности.

Разработана Стратегия развития национальной инновационной системы Республики Беларусь, включающая концептуальные основы ее построения, направления государственной политики по развитию национальной инновационной системы и основные меры по их реализации.

Итоги выполнения подпрограммы «Экономика» обеспечивают обоснование механизмов институциональной модернизации белорусской экономики, способствуют выбору более эффективных параметров использования инструментов макроэкономического регулирования в посткризисной модели развития национальной экономики.

Данные научные исследования являются основой для разработки стратегии и механизмов обеспечения сбалансированности посткризисного экономического развития, формируют научные основы стратегии специализации белорусской экономики и экономической транснационализации страны, содействуют практическому формированию стратегии развития национальной инновационной системы, а также стратегии развития сферы услуг в Республике Беларусь.

Полученные научные результаты соответствуют современному уровню развития экономической науки и являются научно-методологической основой для совершенствования экономической политики Беларуси.

Развитие белорусского общества требует глубокого теоретического осмысления. Его проблемы, направления, важнейшие результаты, полученные на сегодняшний день, были наглядно раскрыты в процессе выполнения подпрограммы «Социология и философия». Совместными усилиями ученых была разработана концептуальная модель интеллектуально-культурной субъектности Беларуси как суверенного центра в системе геокультурного развития. Модель разработана на основе комплексного изучения истоков, путей становления и развития философской и общественно-политической мысли нашей страны. Обоснован многоканальный характер формирования интеллектуальной культуры Беларуси: наука и инновации, философское постижение мира, социальная доктрина, культурное наследие и каноны нравственности, религиозное мышление. Раскрыта роль фактора толерантности и сотрудничества этноконфессиональных групп в решении общих вопросов социокультурного развития Беларуси. Разработка направлена на повышение качества подготовки кадров государственного управления, служит основой для создания нового поколения учебников и учебных пособий по дисциплинам гуманитарного профиля. Она может быть использована в идеологической работе и гражданско-патриотическом воспитании; при регулировании процессов государственно-конфессионального сотрудничества; в совершенствовании странового имиджа Беларуси; повышении привлекательности для инвестиций и въездного туризма, а также в сфере общественных коммуникаций. Материалы исследований легли в основу выпущенных в рассматриваемый период 2, 3, 4-го томов 6-томной «Истории философской и общественно-политической мысли Беларуси», монографий А. А. Лазаревича, И. Я. Левяша «Беларусь: культурно-цивилизационный выбор» (Минск: Беларуская навука, 2014), В. Б. Евароўскага «Нацыянальная філасофія Беларусі: тэорыя, археалогія, гісторыя, генеалогія, школа» (Минск: Беларуская навука, 2014), И. Я. Левяша «Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение»: в 2 кн. (Минск: Беларуская навука, 2012), а также серии книг по философии глобализации, проблематике сотрудничества Республики Беларусь с европейскими и евразийскими интеграционными объединениями, по роли традиций, религии и культуры Беларуси в формировании устойчивого духовно-культурного пространства современного белорусского общества. Эти книги издавались на белорусском, русском, английском языках как в нашей стране, так и за рубежом.

Разработанная учеными Института философии методологическая концепция изучения и прогнозирования динамики индивидуального и общественного сознания в условиях формирования информационного общества эксплицирует матрицу позитивных возможностей и рисков функционального и социально-мировоззренческого освоения высоких технологий. С применением разработанного методологического инструментария получены выводы и рекомендации, отражающие позитивный потенциал и риски информатизации, угрозы информационной безопасности общества и пути их преодоления. Данные рекомендации используются в системе образования и повышения квалификации (журналисты, менеджеры IT-сектора, специалисты по связям с общественностью). Использованные научные подходы и разработки нашли отражение в аналити-

ческом докладе «Человек в пространстве электронных сетевых коммуникаций: проблемы адаптации, риски, принципы общественно-государственного управления», представленном в Совет Министров Республики Беларусь, в монографиях А. А. Лазаревича «Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания» (Минск: Беларуская навука, 2015), «Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь» (Минск: Беларуская навука, 2015).

Чтобы не потерять национальную самобытность, сохранить настоящее и уверенно двигаться вперед, важно не только изучать прошлое, но и постоянно соотносить его с окружающим нас миром, своевременно прогнозировать перспективы общественного развития в современном глобализирующем мире. Под руководством директора Института социологии И. В. Котлярова осуществлялась целенаправленная работа по объединению научных усилий ученых-социологов для успешного решения поставленных задач. Творческими усилиями социологов разработаны теоретико-методологические основы и социологические методики изучения социодинамики гражданско-патриотических, политических, электоральных и социокультурных жизненных ценностей и установок различных социально-демографических групп населения Беларуси. Полученные результаты уже используются республиканскими органами государственного управления при разработке программ социально-экономического, социокультурного и инновационного развития страны, а также для совершенствования эффективности государственного управления в целом [39–41].

На повышение эффективности управленческих решений в сфере труда и занятости населения направлена разработанная академическими учеными концептуально-социологическая модель изучения состояния, динамики изменений и эффективности функционирования рынка труда. Благодаря целенаправленной работе доктора наук Г. Н. Соколовой, кандидатов наук Е. В. Тарановой и Н. Н. Сечко была успешно решена поставленная задача. Созданная модель позволяет выявлять особенности адаптации рынка труда через механизмы количественной, качественной, ценовой и институциональной подстройки; содержит социологические методики измерения социальной эффективности занятости и анализа нестабильной занятости, в том числе в периоды кризисных явлений в экономике [42].

Академиком Е. М. Бабосовым разработаны теоретико-методологические принципы философского, социологического, психологического и культурологического исследования сущности и предназначения человека, особенности его многогранной деятельности в различных социальных системах [43–46].

Под руководством доктора наук Р. А. Смирновой и кандидата наук Т. В. Кузьменко разработана новая методика анализа региональных различий, основанная на построении профилей регионов с определением интегральных индексов по таким показателям, как функция жизнеобеспечения, социальное самочувствие населения, экономическая, профессиональная и гражданская активность жителей, миграционные настроения, которая позволяет осуществлять корректную сопоставимость сельских регионов. Данная разработка дает возможность проводить измерение, оценку, анализ темпов и эффективности регионального развития и, в случае необходимости, корректировать общую политику таким образом, чтобы направить развитие в нужное русло [47–53].

Ученые-правоведы сосредоточили научные усилия на проведении комплексного исследования национальной правовой системы и разработке научных основ совершенствования государственного управления. Под руководством руководителей подпрограммы члена-корреспондента В. И. Семенкова и доктора юридических наук С. А. Балашенко были успешно организованы исследования в области совершенствования законодательной базы страны. Изучены вопросы оптимизации функций, организационно-правовых форм и упорядочения нормотворчества республиканских органов государственного управления, правового регулирования осуществления и защиты прав участников гражданских правоотношений в контексте реформирования гражданского законодательства. В работах ученых-правоведов В. И. Шабайлова, Г. А. Василевича, Л. М. Рябцева, В. Н. Годунова, Т. С. Тарановой и многих других разработаны концептуальные основы и стратегия развития конституционного, административного права, международного частного права в свете современных интеграционных процессов, международно-правовые механизмы обеспе-

чения устойчивого развития Республики Беларусь. Рассмотрены вопросы формирования новой правоохранительной политики как основы эффективной стратегии противодействия правонарушениям и обеспечения стабильности социально-экономических преобразований.

Результаты научных исследований в области права направлены на совершенствование правового регулирования общественных отношений и использованы в законопроектной деятельности НЦЗПИ, деятельности Европейской экономической комиссии ООН, Секретариата ОДКБ, Суда ЕАЭС, Министерства иностранных дел, Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, Генеральной прокуратуры, иных государственных органов и организаций, а также в образовательном процессе высших учебных заведений [54–56].

В рамках подпрограммы «Образование» ученые-педагоги разработали основные элементы стратегий развития образования в правовом, содержательном, методическом, средовом, управленческом аспектах. В результате выполнения заданий подпрограммы, руководителями которых являлись доктора педагогических наук В. В. Казаченок, В. Ф. Русецкий, А. В. Торхова, Ф. В. Кадол, доктор философских наук А. С. Лаптёнок и другие ученые, разработаны механизмы инновационного развития потенциала дошкольного, общего среднего, высшего педагогического и дополнительного образования педагогических работников в условиях информационного общества, в том числе научные основы отбора и структурирования содержания образования в электронных информационно-образовательных ресурсах, организации и проведения экспертизы и опытно-экспериментальной апробации информационно-образовательных ресурсов [57–58].

Концептуально обоснованы и разработаны стратегические направления и механизмы инновационного развития воспитательного потенциала образовательных систем в условиях информационного общества.

Определены и систематизированы исторические условия и этнические факторы формирования нравственной культуры личности в отечественной педагогической традиции. Выявлен и проанализирован ценностный контент нравственной культуры личности, представленный в этико-педагогическом наследии Беларуси. Определены методологические основания построения этнокультурной прогностической модели формирования нравственной культуры личности [59–60].

Названные и многие другие фундаментальные труды гуманитариев – это действительно гордость национальной научной мысли. Их исследования являются очевидным вкладом в формирование национального и духовно-культурного облика белорусского общества. Лучшие достижения белорусской гуманитарной науки вписаны в сокровищницу отечественной и мировой культуры и выступают ярким и убедительным свидетельством безграничного таланта белорусского народа, его неиссякаемой духовной силы. Они не только имеют непреходящее значение, но и выполняют институциональную функцию. В них изложены выверенные и обоснованные факты и события, которые объективно освещают прошлое и современную жизнь белорусского общества. Сделанные в них выводы направлены на укрепление политической системы Республики Беларусь, аргументированное обеспечение исторической правомерности белорусской государственности, отстаивание национально-государственных интересов в мировом сообществе, сохранение духовных и материальных историко-культурных ценностей белорусского народа и укрепление международного престижа белорусского государства и белорусской гуманитарной науки в мире.

Бесспорно, и это следует особо подчеркнуть, что за непростой период 25-летнего пути независимости отечественные гуманитарии не просто сделали научный прорыв, но и создали собственную национальную гуманитаристику – это наше общее национальное достояние. Конечно, было непросто, пришлось преодолевать как методологические, так и археографические сложности. Эти и другие проблемы были не только успешно преодолены, но и позволили укрепить творческое содружество отечественных и зарубежных гуманитариев.

В 2013 г. впервые в Республике Беларусь ученые-языковеды совместно с историками, литераторами, этнографами провели XV Международный съезд славистов, который стал крупным научно-культурным событием государственного уровня. В работе съезда приняли участие свыше 500 ученых-специалистов в области славянских языков, литератур, культур из 34 стран мира. Мероприятия такого масштаба способствуют повышению престижа Республики Беларусь как

независимой славянской страны в мире, а также расширению знаний о Беларуси, ее науке, культуре, истории.

Следует подчеркнуть и тот факт, что гуманитарии не стоят в стороне от политической жизни страны. Так, в период президентской избирательной кампании и выборов в Палату представителей был организован ряд научно-методических семинаров, социологических опросов, «круглых столов», которые состоялись во многих городах и районах Беларуси. Например, в 2015 г. проведено около 40 научно-практических мероприятий и организовано более 300 выступлений в средствах массовой информации.

Сегодня научные наработки гуманитариев востребованы в общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной сфере белорусского общества, многие имеют инновационную направленность. Убедительным примером необходимости научных исследований гуманитариев является тесное взаимодействие с местными органами власти, учреждениями образования, краеведами по популяризации достижений исторической науки и историко-культурного наследия белорусского народа в средствах массовой информации. Многолетнее сотрудничество установлено с администрациями Минска, Пинска, Орши, Полоцка, Бреста, Ошмянского, Новогрудского, Копыльского, Кореличского, Каменецкого, Несвижского, Слуцкого, Сморгонского и других районов. При активном участии местных краеведов, учителей и школьной молодежи ученые организуют совместные научные конференции, «круглые столы», археологические исследования, языковые и фольклорно-этнографические экспедиции. В 2011–2015 гг. проведено более 120 таких мероприятий. Совместные научные наработки позволяют издавать фундаментальные труды по истории регионов Беларуси [61–63].

Бесспорно, экономическое процветание и военное могущество любого государства невозможны без ясных политических и социальных идей и идеалов, которые формулируются в гуманитарной научно-интеллектуальной среде. Невозможно создать гражданскую нацию без гражданина, без формирования правовой культуры, гражданского самосознания, патриотического воспитания и политического образования широких масс общества. Национальная история и культура, язык и литература, философия и социология – не только важнейший идеологический скреп государства, но и инструмент формирования гражданственности, патриотизма и духовно-мировоззренческого начала человека. Сегодня чрезвычайно важно не только добывать новые знания, но и осуществлять работу, направленную на укрепление межнационального, межконфессионального, духовно-культурного и социального единства белорусского общества, дружеских отношений со всем мировым сообществом.

Как видим, осмысление духовно-культурного опыта, достижений народа – это базовая основа, которая позволяет понимать нас сегодняшних и нас завтрашних, соответствовать требованиям национальной идеологии, духовной природе и традициям, выработанным за многие столетия формирования белорусского народа. Сегодня, без сомнений, можно утверждать, что граждане Республики Беларусь не только могут, но и должны гордиться достижениями отечественных ученых, которые вносят определяющий вклад в научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие страны.

Успешное выполнение государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» является прочной основой успешной реализации новой программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. Предполагается впервые в истории белорусской науки осуществить ряд крупных научных проектов, которые обогатят и пополнят научную мысль новыми теоретическими знаниями. Продолжится работа над фундаментальной 6-томной «Историей философской и общественно-политической мысли Беларуси», 3-томной «Историей эстетической мысли Беларуси». Будет развернута работа по созданию «Антологии философской мысли Беларуси», «Антологии белорусского религиоведения». Планируется завершить работу над многотомным «Гістарычным слоўнікам беларускай мовы», «Этымалагічным слоўнікам беларускай мовы» в 16 томах. Также планируется разработка «Свода движимых памятников истории и культуры Беларуси»; «Свода памятников духовной культуры Беларуси»; «Беларускага фальклорна-этналінгвістычнага атласа», будет окончена работа по подготовке и изданию четвертого тома «Вялікага гістарычнага

атласа Беларусі» і многотомной «Історыі беларускай дзяржаўнасці». Будзе працягнутае вывучэнне гісторыка-культурнага наследзя Нацыянальнага парка «Браслаўскія возера», «Брэстская крэпасць 2019». Працягваюцца даследаванні ў частцы рэалізацыі дзяржаўнай праграмы «Замкі Беларусі», работа над серіяй арыгінальных кніг «Дзевяць гарадоў Беларусі» (Мінск, Заслаўль, Орша, Брэст і др.). У іх будзе раскрыта не толькі гісторыя месці, але і прадставіць выгляд арыгінальных застраоек, што дазволіць зрыма прадэманстравать гарадскую культуру і быт многіх рэгіёнаў рэспублікі.

Навуковыя нарабкі гуманітарыеў пераконліва сведчаць, што ў сучасных умовах адной з важнейшых задач сацыяльна-гуманітарных навук з'яўляецца аказанне неабходнай дапамогі органам дзяржаўнага ўпраўлення ў выработцы навукова абгрунтаваных прапановаў, накіраваных на ўспешнае сацыяльна-эканамічнае, духоўна-культурнае і грамадзянска-політычнае развіццё краіны. Сёння навуковцы-гуманітарыі Беларусі, работаючы ў адзінай праграме навуковых даследаванняў, у цэлым перамагаюць навукова суправаджэнне развіцця сучаснага беларускага грамадства. Іх дзейнасць і ў будучым будзе накіравана на забеспячэнне сацыяльнай стабільнасці, ўмацаванне міжнароднага і міжканфесійнага міру і згоды, а таксама на захаванне і развіццё беларускай нацыянальнай культуры.

Спісак выкарыстаных крыніц

1. Адагаванне дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2011–2015 гг. «Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава» (заклучальны). – Мінск, 2016.
2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. Кн. 1. рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011.
3. Гісторыя Навагрудка – з глыбін векаў да нашых дзён / М. П. Кастюк [і др.]; рэдкал.: М. П. Кастюк (гл. рэд.). – Мінск: Белстан, 2014.
4. Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы / А. Шаланда. – Мінск: Беларус. навука, 2012.
5. Салівон, І. І. Фізічны тып старага насельніцтва Беларусі / І. І. Салівон, О. В. Марфіна. – Мінск: Беларус. навука, 2013.
6. Мяцельскі, А. А. Месціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А. А. Мяцельскі. – 2-е выд., выпр. – Мінск: Беларус. навука, 2014.
7. Вялікае Княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Гродна, 8–9 ліп. 2010 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; Гродз. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; уклад.: А. І. Груша, С. В. Марозава; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск: Беларус. навука, 2014.
8. Вялікі гістарычны атлас Беларусі: у 3 т. – Т. 1; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Белкартаграфія, 2009. – 249 с.
9. Вялікі гістарычны атлас Беларусі: у 3 т. – Т. 2; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Белкартаграфія, 2013. – 351 с.
10. Вялікі гістарычны атлас Беларусі: у 3 т. – Т. 3 ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.].— Мінск: Белкартаграфія, 2016. – 352 с.
11. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. Кн. 1; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011.
12. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. Кн. 2; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2012.
13. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск : Беларус. навука, 2015. – 496 с.
14. 1941 год: Страна ў агні: у 2 кн. Кн. 1. Адагаванне. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
15. Адагаванне Беларусі. 1943–1944 / рэдкал.: І. І. Басік, А. А. Каваленя [і др.]. – Мінск: Беларус. навука, 2014.
16. Беларусь: памятнае лета 1944 года: матэрыялы Міжнар. навуц.-практ. канф., прысв. 70-летню адагавання Беларусі ад нем.-фашыст. захватчыкаў (Мінск, 19–20 чэрвеня 2014 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, М-во абароны Респ. Беларусь; рэдкал.: А. А. Каваленя [і др.]. – Мінск : Беларус. навука, 2015.
17. Вклад беларускага народа ў Перамогу ў Вялікай Айчыннай вайне / А. М. Літвін [і др.]; рэдкал.: А. А. Каваленя (гл. рэд.) [і др.]. – Мінск : Беларус. навука, 2015.
18. Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны : зб. навук. арт. / склад.: А. А. Крыварот [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 311 с.
19. Турыстычная мозаіка Беларусі / А. І. Локотко [і др.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011.
20. Этнакультурныя працэсы Гродзенскага Понеманья ў мінулым і сённяшнім / А. В. Гурко [і др.]; рэдкал.: А. В. Гурко, Л. В. Ракова, А. В. Гурко ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр дасл. беларус. культуры, мовы і літ. – Мінск: Беларус. навука, 2014.

21. Традиційная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь: у 2 кн. Кн. 1 / В. І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2010. – 847 с.
22. Традиційная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь: у 2 кн. Кн. 2 / В. І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2011. – 911 с.
23. Традиційная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе: у 2 кн. Кн. 1 / Т. В. Валодзіна [і інш.]; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 910 с.
24. Традиційная мастацкая культура Беларусі: у 6 т. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе: у 2 кн. Кн. 2 / Т. В. Валодзіна [і інш.]; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 910 с.
25. Гарады і вёскі Беларусі: энцыкл. Т. 8. Мінская вобласць. Кн. 2 / рэдкал.: Т. У. Бялова (дырэктар) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – 462 с.: іл.
26. Гарады і вёскі Беларусі: энцыкл. Т. 8. Мінская вобласць. Кн. 3 / рэдкал.: Т. У. Бялова (дырэктар) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – 624 с.: іл.
27. Гарады і вёскі Беларусі: энцыкл. Т. 8. Мінская вобласць. Кн. 4 / рэдкал.: Т. У. Бялова (дырэктар) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі; Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. – 528 с.: іл.
28. Гарады і вёскі Беларусі: энцыкл. Т. 8. Мінская вобласць. Кн. 5 / рэдкал.: У. Ю. Аляксандраў (дырэктар) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі; Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2014. – 360 с.: іл.
29. Гарады і вёскі Беларусі: энцыкл. Т. 9. Гродзенская вобласць. Кн. 1 / рэдкал.: У. У. Андрэевіч (дырэктар) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі; Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 656 с.: іл.
30. Гніламедаў, У. Уліс з Прускі / У. Гніламедаў. – Мінск: Маст. літ., 2006. – 382 с.
31. Гніламедаў, У. Вайна / У. Гніламедаў. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 626 с.
32. Гніламедаў, У. Расія / У. Гніламедаў. – Мінск: Харвест, 2007. – 671 с.
33. Социально-экономическая модель: становление и развитие: теория, методология, практика / под общ. ред. В. Г. Гусакова: в 2 кн. Кн. 1 / В. Г. Гусаков [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 554 с.
34. Социально-экономическая модель: становление и развитие: теория, методология, практика: в 2 кн. Кн. 2 / под общ. ред. В. Г. Гусакова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 401 с.
35. Беларусь 2020: наука и экономика: Концепция комплексного прогноза научно-технического прогресса и приоритетных направлений научно-технической деятельности в Республике Беларусь на период до 2020 года / В. Г. Гусаков [и др.]; под ред. В. Г. Гусакова. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 211 с.
36. Научный прогноз экономического развития Республики Беларусь до 2030 года / В. Г. Гусаков [и др.]; под ред. акад. В. Г. Гусакова. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 243 с.
37. Внешнеторговая политика и конкурентоспособность Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко [и др.]; науч. ред. А. Е. Дайнеко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 228 с.
38. Макроэкономические аспекты обеспечения сбалансированности национальной экономики / А. И. Лученок [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 371 с.
39. Барановский, Н. А. Антидевиантная политика: теория и социальная практика / Н. А. Барановский. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 270 с.
40. Бабосов, Е. М. Социологические очерки устойчивого развития Беларуси / Е. М. Бабосов. – Минск: РИВШ, 2011. – 348 с.
41. Бабосов, Е. М. Человекомерность социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 392 с.
42. Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / под науч. ред. Г. Н. Соколовой. – Минск: Беларус. навука, 2014. – 320 с.
43. Бабосов, Е. М. Теоретическая социология Толкота Парсонса / Е. М. Бабосов, Е. С. Бабосова, А. К. Мамедов. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 264 с.
44. Бабосов, Е. М. Социология: учеб. / Е. М. Бабосов. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 288 с.
45. Бабосов, Е. М. Социология управления: учеб. пособие: для системы корпоративной учебы / Е. М. Бабосов, В. П. Бабкин, А. К. Мамедов. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 312 с.
46. Бабосов, Е. М. Управление персоналом / Е. М. Бабосов, Э. Г. Вайнилович, Е. С. Бабосова. – Минск: ТетраСистемс, 2012. – 288 с.
47. Смирнова, Р. А. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Витебская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск: Право и экономика, 2012. – 162 с.
48. Смирнова, Р. А. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Брестская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск: Право и экономика, 2012. – 163 с.
49. Смирнова, Р. А. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Гродненская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск: Право и экономика, 2012. – 163 с.
50. Смирнова, Р. А. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Гомельская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск: Право и экономика, 2012. – 163 с.

51. Смирнова, Р. А. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Минская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск: Право и экономика, 2012. – 163 с.
52. Смирнова, Р. А. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Могилевская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск: Право и экономика, 2012. – 163 с.
53. Судьба белорусской провинции / Р. А. Смирнова [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 435 с.
54. Vasilevich, G. A. Constitutional Law in Belarus / G. A. Vasilevich. – Wolters Kluwer Law and Business, 2012. – 239 p.
55. Василевич, Г. А. Административная ответственность за нарушения прав и свобод человека и гражданина / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич. – Минск : Амалфея, 2012. – 152 с.
56. Административное право: учеб. / Л. М. Рябцев [и др.] / под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск: Амалфея, 2011. – 319 с.
57. Научно-методические рекомендации по организации и проведению экспертизы и опытно-экспериментальной апробации информационно-образовательных ресурсов для дошкольного и общего среднего образования, специального образования [Электронный ресурс] / Е. Н. Балыкина [и др.]; под ред. В. Ф. Русецкого, В. В. Казаченка. – Минск: Нац. ин-т образования, 2015. – 518 с. – Режим доступа: <http://www.adu.by>.
58. Гуляева, Е. Г. Стратегические ориентиры развития художественного образования в странах СНГ / Е. Г. Гуляева. – М.: МГУКИ, 2013. – 168 с.
59. Болбас, В. С. Эстетичная педагогіка беларусаў / В. С. Болбас, И. С. Сычева. – Мазыр : Белы вечер, 2011. – 197 с.
60. Салеев, В. А. Эстетика. Краткий курс / В. А. Салеев. – Минск: Тетрасистемс, 2012.
61. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А. М. Літвін [і інш.]. – Мінск: Выш. шк., 2012.
62. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О. Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2012.
63. Друцк: Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX–XII вв., летопись древних слоев, князя Друцкие и их владельцы в XIII–XVIII вв., ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников), памятники архитектуры и объекты туризма / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О. Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2014.

References

1. (2016), *Otchet o vypolnenii gosudarstvennoi programmy nauchnykh issledovaniy na 2011–2015 gg. «Istoriya, kul'tura, obshchestvo, gosudarstvo» (zaklyuchitel'nyi)* [Report on the Implementation of the 2011–2015 State Programme for Scientific Research in History, Culture, Society and the State (Final)], Minsk, BY.
2. Kavalenya, A. A., Smyakhovich, M. U., Kastsyuk, M. P., Danilovich, V. V., Zhyllinski, M. G., Zabaŭski, M. M., Nestsyarovich, M. B., Filatava, A. M., Golubeŭ, V. F., Yanoŭski, A. A. and Yarmusik, E. S. (ed.) (2011), *Gistoryya belaruskaj dzjarzhajnasci ŭ kantsy XVIII – pachatku KhKhI st. : u 2 kn. Kn. 1.* [History of the Belarusian Statehood in the Late 18th and Early 19th Centuries: in 2 Books, Book 1], Belarusian science, Minsk, BY.
3. Kastsyuk, M. P., Golubeŭ, V. F., Danilovich, V. V., Doŭnar, A. B., Kavalenya, A. A., Lakiza, V. L., Markevich, A. M., Unuchak, A. U. and Yanoŭskaya, V. V. (ed.) (2014), *Gistoryya Navagrudka – z glybin' vyakoŭ da nashykh dzen* [History of Novogrudok: From Ancient to Present Times], Belstan, Minsk, BY.
4. Shalanda, A. (2012), *Simvaly i gerby zyamel' Belarusi ŭ Kh – KhVIII stst.: geraldychna-sfragistychnyya narysy* [Symbols and Coat of Arms of Belarusian Lands in the 10th to 18th Centuries: Historical and Sphragistic Sketches], Belarusian science, Minsk, BY.
5. Salivon, I. I. and Marfina, O. V. (2013), *Fizicheskii tip drevnego naseleniya Belarusi* [Physical Type of Belarus' Ancient Inhabitants], Belarusian science, Minsk, BY.
6. Myatsel'ski, A. A. (2014), *Mstislav'skay knyastva i vayavodstva ŭ KhII–KhVIII stst.* [Principality and Voivodeship of Mstislavl in the 12th to 18th Centuries], 2nd ed., Belarusian science, Minsk, BY.
7. Grusha, A. I., Marozava, S. V., Kavalenya, A. A., Danilovich, V. V., Kiturka, Yu. V., Roŭba, Ya. A., Khatskevich, G. A. and Yarmusik, E. S. (ed.) (2014), *Vyalikay knyastva Litoŭskay i yago susedzi ŭ XIV–XV stst.: sapernitstva, supratsoŭnitstva, uroki: Da 600-goddzya Grunval'dskaj bitvy: materyyaly Mizhnar. navuk. kanf. (Grodna, 8–9 lip. 2010 g.)* [The Grand Duchy of Lithuania and Its Neighbours in the 14th to 15th Centuries: Rivalry, Cooperation and Lessons: To the 600th Anniversary of the Battle of Grunwald: Proceedings of the International Scientific Conference (Grodno, 8–9 July 2010)], 2nd ed., Belarusian science, Minsk, BY.
8. Nasevich, V. L., Kuznyatsoŭ, G. I., Adamushka, U. I., Kavalenya, A. A., Yanoŭskaya, V. V., Bandarenka, K. M., Verzun, M. A., Danilovich, V. V., Kastsyuk, M. P. and Varachkina, T. I. (ed.) (2009), *Vyaliki gistarychny atlas Belarusi, T. 1* [Large Historical Atlas of Belarus, Vol. 1], Belkartografiya, Minsk, BY.
9. Nasevich, V. L., Kuznyatsoŭ, G. I., Adamushka, U. I., Kavalenya, A. A., Yanoŭskaya, V. V., Bandarenka, K. M., Verzun, M. A., Danilovich, V. V., Kastsyuk, M. P. and Varachkina, T. I. (ed.) (2013), *Vyaliki gistarychny atlas Belarusi, T. 2* [Large Historical Atlas of Belarus, Vol. 2], Belkartografiya, Minsk, BY.
10. Nasevich, V. L., Kuznyatsoŭ, G. I., Adamushka, U. I., Kavalenya, A. A., Yanoŭskaya, V. V., Bandarenka, K. M., Verzun, M. A., Danilovich, V. V., Kastsyuk, M. P. and Varachkina, T. I. (ed.) (2016), *Vyaliki gistarychny atlas Belarusi, T. 3* [Large Historical Atlas of Belarus, Vol. 3], Belkartografiya, Minsk, BY.

11. Kavalenya, A. A., Smyakhovich, M. U., Kastsyuk, M. P., Danilovich, V. V., Zhyllinski, M. G., Zabaŭski, M. M., Nestsyarovich, M. B., Filatava, A. M., Golubeŭ, V. F., Yanoŭski, A. A. and Yarmusik, E. S. (ed.) (2011), *Gistoryya belaruskaj dzyarzhajŭnastsy ŭ kantsy XVIII – pachatku KhKhI st.: u 2 kn., kn. 1* [History of the Belarusian Statehood in the Late 18th and Early 19th Centuries: in 2 Books, book 1], Belarusian science, Minsk, BY.
12. Kavalenya, A. A., Smyakhovich, M. U., Kastsyuk, M. P., Danilovich, V. V., Zhyllinski, M. G., Zabaŭski, M. M., Nestsyarovich, M. B., Filatava, A. M., Golubeŭ, V. F., Yanoŭski, A. A. and Yarmusik, E. S. (ed.) (2012), *Gistoryya belaruskaj dzyarzhajŭnastsy ŭ kantsy XVIII – pachatku KhKhI st.: u 2 kn., kn. 2* [History of the Belarusian Statehood in the Late 18th and Early 19th Centuries: in 2 Books, book 2], Belarusian science, Minsk, BY.
13. Yanoŭskaya, V. V. (2015), *Kanfesiiny faktar u satsyyal'nyh razvitstsi Belarusi (kanetsy KhVIII – pachatka KhKhI st.)* [Confessional Factor in the Social Development of Belarus (Late 18th – Early 20th Centuries)], Belarusian science, Minsk, BY.
14. (2011), *1941 god: Strana v ognе: v 2 kn. Kn. 1. Ocherki* [1941: The Country on Fire: In 2 Books, Book 1, Essays], OLMA Media Grupp, Moscow, RU.
15. Abaturon, V. V., Litvin, A. M., Kiknadze, V. G., Basik, I. I., Kovalenya, A. A. and Nikiforov, N. I. (ed.) (2014), *Osvo-bozhdenie Belarusi. 1943–1944* [Liberation of Belarus. 1943–1944], Belarusian science, Minsk, BY.
16. Kovalenya, A. A., Reginya, A. L., Litvin, A. M., Danilovich, V. V., Lakiza, V. L., Solov'yanov, A. P. and Voronkova, I. Yu. (ed.) (2015), *Belarus': pamyatnoe leto 1944 goda: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, pos- vyashchennoi 70-letiyu osvobozhdeniya Belarusi ot nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov (Minsk, 19–20 iyunya 2014 g.)* [Belarus: The Unforgettable Deed of 1944: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Devoted to the 70th Anniversary of the Liberation of Belarus from the Nazi Invaders], Belarusian science, Minsk, BY.
17. Litvin, A. M., Bezlepkina, Ya. P., Voronkova, I. Yu., Dolgotovich, B. D., Zdanovich, V. V., Kovalenya, A. A., Kozak, K. I., Krivorot, A. A., Timonova, A. V., Kuz'menko, V. I., Pavlov, V. P. and Smekhov, N. V. (2015), *Vklad belorusskogo naroda v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine* [The Belarusian People's Contribution to the Victory in the Great Patriotic War], in Kovalenya, A. A., Litvin, A. M., Danilovich, V. V. and Zhilinskii, M. G. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.
18. Kavalenya, A. A., Danilovich, V. V., Dulaŭ, A. M., Kosaŭ, A. P., Litvin, A. M., Nikalaeva, I. U., Padgurski, P. M., Savitski, G. U. and Yakaŭleva, G. M. (ed.) (2015), *Vitsebskaya ŭ gady Vyalikai Aichynnai vainy : zbornik navukovykh artykulay* [Vitebsk Land in the Years of the Great Patriotic War: A Collection of Scientific Articles], Belarusian science, Minsk, BY.
19. Lokotko, A. I., Knyazeva, O. N., Morozov, E. V. and Izotova, O. V. (2011), *Turisticheskaya mozaika Belarusi* [A Mo- saic of Tourist Attractions in Belarus], Belarusian science, Minsk, BY.
20. Gurko, A. V., Uleichik, N. L., Gruntov, S. V., Rakova, L. V., Bokhan, L. V., Kukharonak, T. I., Gurko, A. V., Shei- bak, V. V., Sakuma, S. L., Bunkevich, N. S., Popov, I. A., Martynova, M. Yu. and Grigor'eva, R. A. (2014), *Etnokul'turnye protsessy Grodnenskogo Poneman'ya v proshlom i nastoyashchem* [Past and Present Ethnocultural Processes in the Neman Area of Grodno Oblast], in Gurko, A. V., Rakova, L. V. and Gurko, A. V. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.
21. Bas'ko, V. I., Valodzina, T. V., Varfalameeva, T. B., Kozenka, M. A., Kukharonak, T. I., Smirnova, I. Yu. and Tsitoŭ, V. S. (2010), *Traditsyynaya mastatskaya kul'tura belarusay: u 6 t. T. 5. Tsentral'naya Belarus': u 2 kn. Kn. 1* [Traditional Art Culture of Belarusians: In 6 Vol., Vol. 5: Central Belarus: In 2 Books, Book 1], in Varfalameeva, T. B. (ed.), High school, Minsk, BY.
22. Boganeva, A. M., Valodzina, T. V., Kozenka, M. A., Labacheŭskaya, V. A. and Smirnova, I. Yu. (2011), *Traditsyynaya mastatskaya kul'tura belarusay: u 6 t. T. 5. Tsentral'naya Belarus': u 2 kn. Kn. 2* [Traditional Art Culture of Belarusians: In 6 Vol., Vol. 5: Central Belarus: In 2 Books, Book 2], in Varfalameeva, T. B. (ed.), High school, Minsk, BY.
23. Mazyuk, I. V., Valodzina, T. V., Varfalameeva, T. B., Kozenka, M. A., Kukharonak, T. I., Smirnova, I. Yu. and Tsitoŭ, V. S. (2012), *Traditsyynaya mastatskaya kul'tura belarusay: u 6 t. T. 6. Gomel'skay Palesse i Padnyaproye: u 2 kn. Kn. 1* [Traditional Art Culture of Belarusians: In 6 Vol., Vol. 6: Palesie and the Dneper Area in Gomel Oblast: In 2 Books, Book 1], in Varfa- lameeva, T. B. (ed.), High school, Minsk, BY.
24. Boganeva, A. M., Valodzina, T. V., Kozenka, M. A., Labacheŭskaya, V. A. and Smirnova, I. Yu. (2012), *Traditsyynaya mastatskaya kul'tura belarusay: u 6 t. T. 6. Gomel'skay Palesse i Padnyaproye: u 2 kn. Kn. 2* [Traditional Art Culture of Belarusians: In 6 Vol., Vol. 6: Palesie and the Dneper Area in Gomel Oblast: In 2 Books, Book 2], in Varfalameeva, T. B. (ed.), High school, Minsk, BY.
25. Batvinnik, M. B., Byan'ko, U. U., Kulagin, A. M., Prakaptoŭ, U. I., Knyazeva, V. M., Budz'ko, U. D. and Churakova, T. R. (2011), *Garady i veski Belarusi: entsykl. T.8. Minskaya voblasts'. Kn. 2* [Towns and Villages in Belarus: An Enciclopedia. Vol. 8. Minsk Oblast, Book 2], in Lakotka, A. I., Byalova, T. U., Yazykovich, L. U., Kavalenya, A. A., Bazhenay, Yu. V., Zhukoŭskaya, T. I., Malei, G. M., Nikitsin, M. G., Pilipenka, M. F., Shchats'ko, V. U. and Kalistratava, V. V. (ed.), Belarusian Encyclopedia named after P. Brovki, Minsk, BY.
26. Vitaleva, V. V., Kazloŭskaya, M. M., Udaltsoŭ, V. M., Badakoŭ, V. A., Knyazeva, V. M., Martseleŭ, S. V., Filatava, A. M. and Charnyaŭskaya, T. I. (2012), *Garady i veski Belarusi: entsykl. T.8. Minskaya voblasts'. Kn.3* [Towns and Villages in Belarus: An Enciclopedia. Vol. 8. Minsk Oblast, Book 3], in Lakotka, A. I., Byalova, T. U., Yazykovich, L. U., Shchats'ko, V. U., Kavalenya, A. A., Aksenava, K. S., Kalistratava, V. V., Danilovich, V. V., Bazhenay, Yu. V., Zhukoŭskaya, T. I., Malei, G. M., Nikitsin, M. G., Pilipenka, M. F. and Roslik, T. F. (ed.), Belarusian Encyclopedia named after P. Brovki, Minsk, BY.
27. Knyazeva, V. M., Charnyaŭskaya, T. I., Ramanaŭ, G. F., Udaltsoŭ, V. M., Shamruk, A. S., Vitaleva, V. V., Gabrus', T. V., Kudraŭtsay, I. F., Shcharbataŭ, A. G., Duleba, G. I., Mal'tsay, U. V. and Pyatrosava, A. Yu. (2013), *Garady i veski Belarusi: entsykl. T.8. Minskaya voblasts'. Kn.4* [Towns and Villages in Belarus: An Enciclopedia. Vol. 8. Minsk Oblast, Book 4], in Byalova, T. U., Yazykovich, L. U., Shchats'ko, V. U., Kavalenya, A. A., Kalistratava, V. V., Danilovich, V. V., Lakotka, A. I., Bazhenay, Yu. V., Zhukoŭskaya, T. I., Malei, G. M., Nikitsin, M. G., Pilipenka, M. F. and Roslik, T. F. (ed.), Belarusian Encyclopedia named after P. Brovki, Minsk, BY.

28. Malynava, N. P., Mal'tsaŭ, U. V., Ramanaŭ, G. F., Prakaptoŭ, U. I., Knyazeva, V. M., Kulagin, A. M., Shcharbataŭ, A. G., Duleba, G. I., Pyatrosava, A. Yu. and Byan'ko, U. U. (2014), *Garady i veski Belarusi: entsykl. T. 8. Minskaya voblasts'. Kn. 5* [Towns and Villages in Belarus: An Enciclopedia. Vol. 8. Minsk Oblast, Book 5], in Alyaksandraŭ, U. Yu., Shchats'ko, V. U., Kavalenya, A. A., Kalistratava, V. V., Yazykovich, L. U., Danilovich, V. V., Lakotka, A. I., Bazhenay, Yu. V., Zhukoŭskaya, T. I., Malei, G. M., Nikitsin, M. G., Pilipenka, M. F. and Roslik, T. F. (ed.), Belarusian Encyclopedia named after P. Brovki, Minsk, BY.
29. Knyazeva, V. M., Vitaleva, V. V., Shcharbataŭ, A. G., Pyatrosava, A. Yu., Batsyaey, V. F., Budz'ko, U. D., Udal'tsoŭ, V. M. and Shamruk, A. S. (2015), *Garady i veski Belarusi: entsykl. T.9. Grodzenskaya voblasts'. Kn.1* [Towns and Villages in Belarus: An Enciclopedia. Vol. 9. Grodno Oblast, Book 1], in Kraŭtsoŭ, U. V., Ananich, L. S., Andryevich, U. U., Agei, A. A., Goi, M. B., Dzyashko, U. I., Zhuk, I. A., Kaval'ko, A. D., Kulisevich, A. S., Liskovich, V. A., Rozum, M. A., Sarasek, M. E., Sits'ko, M. M., Shuleika, Yu. V., Kavalenya, A. A., Lakotka, A. I., Danilovich, V. V., Lukashanets, A. A., Pilipenka, M. F., Kalistratava, V. V., Baranaŭ, P. V., Zhukoŭskaya, T. I., Malei, G. M., Nikitsin, M. G., Roslik, T. F. and Yazykovich, L. U. (ed.), Belarusian Encyclopedia named after P. Brovki, Minsk, BY.
30. Gnilameday, U. (2006), *Ulis z Pruski* [Ulysses from Pruska], Imaginative literature, Minsk, BY.
31. Gnilameday, U. (2014), *Vaina* [War], Belarusian science, Minsk, BY.
32. Gnilameday, U. (2007), *Rasiya* [Russia], Kharvest, Minsk, BY.
33. Luchenok, A. I., Gusakov, V. G., Daineko, A. E., Pekut'ko, P. N., Vardevanyan, G. L., Dedkov, S. M., Goncharov, V. V., Korshunov, A. N., Kolotukhin, V. A., Laevskaya, N. O., Mel'nikova, I. N., Medvedev, V. F., Pochekina, V. V., Medvedev, E. K., Griboedova, I. A., Sadovskaya, T. V., Motorina, O. I., Pashkevich, I. V., Shamshur, A. V., Popkova, A. S., Shuleiko, O. L., Dorozhkin, S. Yu., Razorenova, L. V., Pilyutik, A. A., Shpak, A. P., Bulko, O. S., Gavrilenko, D. A., Kuz'menok, V. I., Yakubuk, Yu. P., Andilevko, T. V., Veremeichik, T. V., Ivanov, F. F., Padalko, L. P., Tsilibina, V. M., Piletskii, K. V., Trubitsyna, E. V., Tsedrik, A. V., Nikitenko, P. G., Levkevich, V. E. and Khorobrykh, E. V. (2015), *Sotsial'no-ekonomicheskaya model': stanovlenie i razvitie: teoriya, metodologiya, praktika: v 2 kn. Kn. 1* [Socio-economic Model: Formation and Development: Theory, Methodology and Practice: In 2 Books, Book 1], in Gusakov, V. G. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.
34. Luchenok, A. I., Shuleiko, O. L., Presnyakova, E. V., Kolesnikova, I. I., Goncharov, V. V., Korshunov, A. N., Kolotukhin, V. A., Laevskaya, N. O., Mel'nikova, I. N., Rogatko, D. A., Shakhot'ko, L. P., Bobrova, A. G., Daineko, A. E., Griboedova, I. A., Sadovskaya, T. V., Motorina, O. I., Nesterovich, D. A., Abramchuk, N. A., Beresnev, D. V., Khorobrykh, E. V., Aksyuchits, A. V., Gerasimovich, A. A., Litvinchuk, A. A., Shvedko, P. V., Abramchuk, N. A., Bulko, O. S., Gavrilenko, D. A., Andilevko, T. V., Milashevich, E. A., Pashkevich, I. V., Chervinskii, E. A., Gusakov, V. G., Vertinskaya, T. S. and Kalinkovich, V. A. (2015), *Sotsial'no-ekonomicheskaya model': stanovlenie i razvitie: teoriya, metodologiya, praktika: v 2 kn. Kn. 2* [Socio-economic Model: Formation and Development: Theory, Methodology and Practice: In 2 Books, Book 2], in Griboedova, I. A., Gusakov, V. G. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.
35. Gusakov, V. G., Daineko, A. E., Dedkov, S. M., Goncharov, V. V. and Griboedova, I. A. (2015), *Belarus' 2020: nauka i ekonomika : kontseptsiya kompleksnogo prognoza nauchno-tekhnicheskogo progressa i prioritetnykh napravlenii nauchno-tekhnicheskoi deyatel'nosti v Respublike Belarus' na period do 2020 goda* [Belarus 2020: Science and Economy: A Concept for Integrated Forecating of Scientific and Technical Progress and PriorityAreas for Scientific and Technical Activity in the Republic of Belarus up to 2020], in Gusakov, V. G. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.
36. Gusakov, V. G., Daineko, A. E., Dedkov, S. M., Beresnev, D. V., Bogdan, N. I., Bulko, O. S., Vertinskaya, T. S., Goncharov, V. V., Griboedova, I. A., Levkovich, A. P., Luchenok, A. I., Motorina, O. I., Polonik, S. S., Sadovskaya, T. V., Sapelkin, E. P., Turko, V. A. and Shpak, A. P. (2015), *Nauchnyi prognoz ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Belarus' do 2030 goda* [A Scientific Forecast of Economic Development in the Republic of Belarus up to 2030], in Gusakov, V. G. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.
37. Daineko, A. E., Medvedev, V. F., Vertinskaya, T. S., Beresnev, D. V., Abramchuk, N. A., Shvedko, P. V., Chervinskii, E. A., Mochalov, M. E., Trubitsyna, E. V. and Khorobrykh, E. V. (2014), *Vneshnetorgovaya politika i konkurentosposobnost' Respubliki Belarus'* [The Foreign Trade Policy and Competitiveness of the Republic of Belarus], in Daineko, A. E. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.
38. Luchenok, A. I., Shuleiko, O. L., Presnyakova, E. V., Popkova, A. S., Rumyantseva, O. I., Gerasimova, V. G., Markusenko, M. V., Mateichuk, T. S., Osmolovets, S. S., Kolesnikova, I. V., Mukha, D. V., Zaitseva, E. V., Korob, A. N., Kuz'menkova, N. S., Nikiforova, S. L. and Osmolovskaya, N. L. (2015), *Makroekonomicheskie aspekty obespecheniya sbalansirovannosti natsional'noi ekonomiki* [Macroeconomic Aspects of Balancing an National Economy], in Luchenok, A. I. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.
39. Baranovskii, N. A. (2011), *Antideviantnaya politika: teoriya i sotsial'naya praktika* [Anti-deviation Policy: A Theory and Social Practice], Belarusian science, Minsk, BY.
40. Babosov, E. M. (2011), *Sotsiologicheskie ocherki ustoichivogo razvitiya Belarusi* [Sociological Essays on Belarus' Sustainable Development], RIVSh, Minsk, BY.
41. Babosov, E. M. (2015), *Chelovekomernost' sotsial'nykh system* [Human Measuredness of Social Systems], Belarusian science, Minsk, BY.
42. Sokolova, G. N. (ed.) (2014), *Rynok truda Respubliki Belarus' v sotsiologicheskoy izmerenii* [The Labour Market in the Republic of Belarus in the Sociological Dimention], Belarusian science, Minsk, BY.
43. Babosov, E. M., Babosova, E. S. and Mamedov, A. K. (2013), *Teoreticheskaya sotsiologiya Tolkota Parsonsa* [Talcott Parsons' Theoretical Sociology], MAKS Press, Moscow, RU.
44. Babosov, E. M. (2011), *Sotsiologiya: uchebnik* [Sociology: A Textbook], TetraSistems, Minsk, BY.
45. Babosov, E. M., Babkin, V. P. and Mamedov, A. K. (2012), *Sotsiologiya upravleniya: ucheb. posobie: dlya sistemy korporativnoi ucheby* [Sociology of Management: A Textbook for Corporate Training], MAKS Press, Moscow, RU.

46. Babosov, E. M., Vainilovich, E. G. and Babosova, E. S. (2012), *Upravlenie personalom* [Personnel Management], TetraSistems, Minsk, BY.
47. Smirnova, R. A., Kuz'menko, T. V. and Balakireva, T. S. (2012), *Sotsial'no-kul'turnyi portret sel'skikh regionov Belarusi. Vitebskaya oblast'* [A Social and Cultural Portrait of Rural Belarus. Vitebsk Oblast], Law and Economics, Minsk, BY.
48. Smirnova, R. A., Kuz'menko, T. V. and Balakireva, T. S. (2012), *Sotsial'no-kul'turnyi portret sel'skikh regionov Belarusi. Brestskaya oblast'* [A Social and Cultural Portrait of Rural Belarus. Brest Oblast], Law and Economics, Minsk, BY.
49. Smirnova, R. A., Kuz'menko, T. V. and Balakireva, T. S. (2012), *Sotsial'no-kul'turnyi portret sel'skikh regionov Belarusi. Grodnenskaya oblast'* [A Social and Cultural Portrait of Rural Belarus. Grodno Oblast], Law and Economics, Minsk, BY.
50. Smirnova, R. A., Kuz'menko, T. V. and Balakireva, T. S. (2012), *Sotsial'no-kul'turnyi portret sel'skikh regionov Belarusi. Gomel'skaya oblast'* [A Social and Cultural Portrait of Rural Belarus. Gomel Oblast], Law and Economics, Minsk, BY.
51. Smirnova, R. A., Kuz'menko, T. V. and Balakireva, T. S. (2012), *Sotsial'no-kul'turnyi portret sel'skikh regionov Belarusi. Minskaya oblast'* [A Social and Cultural Portrait of Rural Belarus. Minsk Oblast], Law and Economics, Minsk, BY.
52. Smirnova, R. A., Kuz'menko, T. V. and Balakireva, T. S. (2012), *Sotsial'no-kul'turnyi portret sel'skikh regionov Belarusi. Mogilevskaya oblast'* [A Social and Cultural Portrait of Rural Belarus. Mogilev Oblast], Law and Economics, Minsk, BY.
53. Smirnova, R. A., Kuz'menko, T. V., Smirnov, V. E. and Balakireva, T. S. (2015), *Sud'ba belorusskoi provintsii : sotsiologicheskii analiz* [The Lot of Belarusian Boondocks : A Sociological Analysis], in Smirnova, R. A. (ed.), *Belarusian science*, Minsk, BY.
54. Vasilevich, G. A. (2012), *Constitutional Law in Belarus*, Wolters Kluwer Law and Business.
55. Vasilevich, G. A. and Vasilevich, S. G. (2012), *Administrativnaya otvetstvennost' za narusheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [Administrative Liability for Breaching Human and Civil Rights and Freedoms], Amalfeya, Minsk, BY.
56. Ryabtsev, L. M., Vasilevich, G. A., Tikovenko, A. G., Shishko, G. B., Telyatitskaya, T. V. and Shklyarevskii, A. N. (2011), *Administrativnoe pravo : uchebnik dlya uchashchikhsya spetsial'nosti "Pravovedenie" uchrezhdenii, obespechivayushchikh poluchenie srednego spetsial'nogo obrazovaniya* [Administrative Law: a Textbook], in Ryabtsev, L. M. (ed.), Amalfeya, Minsk, BY.
57. Balykina, E. N., Baranova, N. P., Bel'nitskaya, E. A., Berkov, V. F., Borshchevskaya, E. V., Butkevich, V. V., Varaksa, I. N., Vasil'eva, I. N., Vishnevskii, M. I., Volochko, A. M., Vorotnitskaya, T. I., Galynskii, V. M., Gancherenok, I. I., Ginchuk, V. V., Goryachkin, V. V., Grabchikova, E. S., Gromko, N. I., Gulyaeva, E. G., Zhogol'-Labzeva, I. P., Zen'ko, S. I., Kazachenok, V. V., Kapranova, V. A., Kovalets, I. V., Komik, V. I., Kostyukovich, N. V., Kulinkovich, V. A., Mychko, D. I., Nikashina, G. A., Novik, I. A., Ostroumova, S. M., Pavlovskii, I. I., Poleiko, E. A., Popok, R. P., Pun'ko, D. I., Puchkovskaya, T. O., Repnikov, V. I., Rusetskii, V. F., Smirnova, E. Yu., Starzhinskaya, N. S., Suleimanov, V. Z., Temushev, S. N., Tirinova, O. I., Torkhova, A. V., Ukleiko, S. V., Khudenko, L. A., Shevlyakova-Borzenko, I. L. Shkel', L. V. (2015), *Nauchno-metodicheskie rekomendatsii po organizatsii i provedeniyu ekspertizy i opytно-eksperimental'noi aprobatzii informatsionno-obrazovatel'nykh resursov dlya doshkol'nogo i obshchego srednego obrazovaniya, spetsial'nogo obrazovaniya* [Scientific and Methodological Recommendations to Arrange and Conduct an Expert Assessment and Pilot Testing of Informative and Educational Resources for Primary, General Secondary Education and Special Education], in Rusetskii, V. F. and Kazachenok, V. V. (ed.), *Natsional'nyi institut obrazovaniya*, Minsk, BY, Available at: http://adu.by/wp-content/uploads/2014/issledovaniya_nio/nauchno-metod-rekomendatsii.pdf, (Accessed 28.07.2016).
58. Gulyaeva, V. G. (2013), *Strategicheskie orientiry razvitiya khudozhestvennogo obrazovaniya v stranakh SNG* [Strategic Benchmarks for the Development of Art Education in the CIS Countries], MGUKiI, Moscow, RU.
59. Bolbas, V. S. and Sycheva, I. S. (2011), *Estetichnaya pedagogika belarusay : managrafiya* [Aesthetic Pedagogy of the Belarusians: A Monograph], Bely vetser, Mazyr, BY.
60. Saleev, V. A. (2012), *Estetika. Kratkii kurs* [Aesthetics. A Short Course], Tetrasistems, Minsk, BY.
61. Litvin, A. M., Bokhan, Yu. M., Vabishchevich, A. M., Varankova, I. Yu., Galenchanka, G. Ya., Golubev, V. F., Grusha, A. I., Danilovich, V. V., Doynar, A. B., Kryvashei, D. A., Lysenka, P. F., Lyakhoyski, U. V., Matsuk, A. U., Skep'yan, A. A., Strenkoyski, S. P., Trubchik, A. G., Firynovich, A. E., Fyadzechka, S. A., Yalenskaya, I. E. and Yanoyskaya, V. V. (2012), *Gistoryya Pinska. Ad starazhytnastsy da suchasnastsy: da 915-i gadaviny z pershaga letapisnaga ypaminannya* [History of Pinsk. From Ancient Times to the Present: To the 915th Anniversary of the First Mention in the Chronicles], High school, Minsk, BY.
62. Levko, O. N., Shtykhov, G. V., Gabrus', T. V., Duk, D. V., Tarasov, S. V., Grusha, A. I., Bektineev, Sh. I., Voronin, V. A., Skep'yan, A. A., Matsuk, A. V., Klimov, M. V., Voitekhovich, A. V., Emel'yanchik, O. A., Solov'ev, A. A., Magalinskii, I. V. and Cherevko, V. V. (2012), *Polotsk: Polotsk i Polotskoe knyazhestvo (zemlya) v IX–XIII vv., letopis' drevnikh sloev, Polotsk i ego okrug v XIV–XVIII vv., remeslo, denezhnoe obrashchenie i torgovye svyazi Polotska v srednevekove (po dannym arkheologii, numizmatiki i pis'mennykh istochnikov), kul'tura i prosveshchenie v srednevekovom Polotske* [Polotsk: Polotsk and Polotsk Principality (Land) in the 9th to 13th Centuries, Ancient Chronicles, Polotsk and Its Suburbs in the 14th to 18th Centuries, Crafts, Money Circulation and Polotsk's Trade Ties in the Middle Ages (based on archeological and numismatical data and written sources), Culture and Education in Medieval Polotsk], in Kovalenya, A. A., Zagorul'skii, E. M., Lysenko, P. F., Makushnikov, O. A., Marzalyuk, I. A., Medvedev, A. M., Levko, O. N. and Shtykhov, G. V. (ed.), *Belarusian science*, Minsk, BY.
63. Levko, O. N., Dovnar, A. B., Matsuk, A. V., Golubev, V. F., Voitekhovich, A. V., Buben'ko, T. S., Ken'ko, P. M., Salivon, I. I., Pomazanov, N. N., Tegako, O. V., Marfina, O. V., Voronin, V. A., Rybchonok, S. A., Olekhovich, R. A., Skep'yan, A. A., Shalanda, A. I., Magalinskii, I. V., Narkevich, N. I., Plavinskii, N. A., Vlasovets, E. V., Kostyukovich, A. V., Sharkovskaya, N. Yu., Medvedeva, O. V., Lyashkevich, E. A., Bektineev, Sh. I., Gabrus', T. V., Filatova, E. N., Pikulik, I. N. and Zaitsev, V. F. (2014), *Drutsk: Drutsk i Drutskaya volost' (knyazhestvo) v IX–XII vv., letopis' drevnikh sloev, knyaz'ya Drutskie i ikh vladel'tsy v XIII–XVIII vv., remeslo, promysly, torgovlya (po dannym arkheologii, numizmatiki, pis'mennykh istochnikov), pamyatniki*

arkhitektury i ob"ekty turizma [Drutsk: Drutsk and Drutsk Volost (Principality) in the 9th to 12th Centuries, Ancient Chronicles, Princes of Drutsk and Their Property in the 13th to 18th Centuries, Crafts, Undertakings and Trade (based on archaeological and numismatical data and written sources), Architectural Heritage and Tourist Attractions], in Kovalenya, A. A., Danilovich, V. V., Duk, D. V., Lysenko, P. F., Makushnikov, O. A., Marzalyuk, I. A., Shtykhov, G. V., Levko, O. N. and Golubev, V. F. (ed.), Belarusian science, Minsk, BY.

Информация об авторах

Коваленя Александр Александрович – чл.-кор., д-р ист. наук, проф., академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств. Национальная академия наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : nasb@presidium.bas-net.by.

Левкович Василий Иванович – канд. филос. наук, зам. академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств. Национальная академия наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by.

Для цитирования

Коваленя, А. А., Левкович, В. И. Гуманитарная наука белорусскому обществу: достижения и перспективы / А. А. Коваленя, В. И. Левкович // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 7–23.

Information about the authors

Kovalenya Aleksandr Aleksandrovich, Corresponding Member, D. Sc. (Hist.), Professor, Academic Secretary, Department of Humanities and Arts, National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by.

Levkovich Vasili Ivanovich, Ph. D. (Philos.), Associate Academic Secretary, Department of Humanities and Arts, National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by.

For citation

Kovalenya A. A., Levkovich V. I. Humanities to the Belarusian Society: Achievements and Prospects. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 7–23.

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 167.7

Поступила в редакцию 11.10.2016

Received 11.10.2016

А. В. Сивицкий*Институт философии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь*

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
В МИР-СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ**

Проанализированы результаты исследований в рамках мир-системного подхода, в основе которых лежит применение метода анализа социальных сетей как методологического инструментария для определения структурных характеристик мир-систем, выходящих за пределы традиционной для мир-системного подхода дифференциации на «ядро – полупериферию – периферию». Благодаря этому категориально-понятийный аппарат мир-системного подхода усложняется за счет категорий слабой и сильной периферии и полупериферии и др. Применение анализа социальных сетей наделяет мир-системный подход дополнительным эвристическим потенциалом, позволяющим описывать сложноорганизованную структуру и динамику мир-системы. Однако во многом этот метод апплицируется с целью проверки базовых интуитивных положений мир-системного подхода структуралистского характера. При этом сеть выступает лишь методологическим инструментарием концептуализации мир-системы и не наделяется онтологической самодостаточностью, как это происходит в сетевом подходе.

Ключевые слова: сеть, мир-системный подход, анализ социальных сетей, ядро, периферия, полупериферия, мир-система.

V. Sivitski*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus*

USING THE SOCIAL NETWORK ANALYSIS IN THE WORLD-SYSTEM APPROACH

The article reviews world-system approach research results based on the social network analysis as a methodological tool to identify structural characteristics of world-systems that go beyond the differentiation between core, semi-periphery and periphery, as is traditional for the world-system approach. This leads to a more complex set of categories and concepts in the world-system approach which included the categories of weak and strong periphery/semi-periphery etc. Using the social network analysis gives the world-system approach additional heuristic potential to describe the highly organized structure and dynamics of a world-system; however, this method is largely used to verify basic intuitive structuralist provisions of the world-system approach. At the same time, a network is used as methodological tool to conceptualize a world-system and is not regarded ontologically self-sufficient as in the network approach.

Keywords: network, world-system approach, social network analysis, core, periphery, semi-periphery, world-system.

По мере становления постнеклассической науки и трансформации научного знания под влиянием так называемой четвертой глобальной научной революции происходит трансформация философско-методологических оснований мир-системного подхода. Поскольку стремление к трансдисциплинарности и парадигмальному синтезу различных сфер научного знания является важным идеалом и нормативом исследовательской деятельности, а объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные открытые и саморазвивающиеся системы [1, с. 626–633], в мир-системный подход под воздействием «парадигмальных прививок», прежде всего из синергетики, постепенно проникает представление о мир-системе как сложноорганизованном саморазвивающемся объекте. Для фиксации и описания структурных характеристик такого типа объектов активно используется концепт сети, а также метод анализа социальных сетей, что в наибольшей степени проявляется в западной традиции.

Так, весьма популярной версией мир-системного подхода сегодня является представление о мир-системах как совокупности сетей различных взаимодействий (торговля, война, информационный обмен, заключение браков) [2, р. 41–56]. К. Чейз-Данн и Т. Холл, объясняя процесс возникновения и эволюции автономных мир-систем в одну иерархически организованную современную глобальную мир-систему, прибегают к изучению ее структурообразующих связей между отдельными социальными общностями. Для описания этих связей К. Чейз-Данн и Т. Холл вводят четыре типа сетей, которые являются критериями для определения границ мир-систем:

- сеть обмена оптовыми товарами;
- сеть обмена престижными товарами;
- военно-политическая сеть;
- сеть обмена информацией.

Таким образом, мир-системы могут состоять из нескольких или вышеуказанных сетей. Иногда, как, например, в современной глобальной мир-системе или некоторых ранних географически изолированных системах (Гавайские острова) все четыре типа сетей совпадают. Подобное совпадение может быть важной характеристикой, отличающей одну мир-систему от другой.

На концептуальном уровне К. Чейз-Данн и Т. Холл подразделяют отношения «ядро–периферия» на две аналитически выделяемые составляющие: дифференциация и иерархизация. Дифференциация в системе «ядро–периферия» возникает, когда две социальные общности регулярно взаимодействуют и одна из них имеет большую плотность населения и/или большую сложность, чем другая. Иерархия возникает, когда одна социальная общность господствует над другой или эксплуатирует ее.

В рамках отношений «ядро–периферия», которые влияют на отношения между социальными общностями и процессы социальных изменений, различаются два типа взаимодействия. Во-первых, эффекты распространения, схожие с процессом диффузии, которые обуславливают то, что в ходе взаимодействия «ядро–периферия» периферийные области приобретают черты сходства с ядром. Во-вторых, эффекты отката, определяющие то, что в ходе взаимодействия «ядро–периферия» периферийные районы становятся менее сходны с ядром. Обычно это называется «развитием отсталости». Обстоятельства, которые обуславливают то, что одни эффекты преобладают над другими, их относительная частота и, что более важно, их роль в определении степени неравенства социальных общностей и обеспечении стабильности отношений «ядро–периферия» являются фундаментальными вопросами эмпирических исследований.

Как показывают результаты теоретико-методологических дискуссий в рамках мир-системного подхода, анализ социальных сетей претендует сегодня на роль доминирующего инструмента при структурном описании мир-системы по модели «ядро–периферия». П. Ллойд, М. Махутта и Дж. Леу проделали огромную работу по систематизации результатов этих дискуссий и выделили четыре основных направления с использованием метода анализа социальных сетей. Среди них исследования, которые: 1) разграничивают «ядро», «периферию» и «полупериферию»; 2) показывают, в какой степени межнациональные реляционные данные позволяют выявить структуру «ядро–периферия»; 3) решают вопрос о том, является ли переход между «ядром» и «периферией» резким или постепенным; 4) анализируют некоторые формы «неэквивалентного обмена», т. е. устойчивого нарушения пропорций между затратами на производство товаров и услуг и их возмещением при экспорте и импорте, имеют место в различных регионах мир-системы. Ряд исследований совмещает одно или несколько направлений с попытками оценить уровень мобильности и экономического роста государств с течением времени.

Четыре вышеуказанных направления соотносятся с двумя общими методологическими подходами к выявлению структуры мир-системы, которая различается в зависимости от используемых реляционных данных. Первый подход соединяет в себе экономические (торговый оборот) и неэкономические (совместное участие в договорах, военная интервенция, обмен дипломатическими нотами) данные. Второй подход основывается на анализе различных видов торговли товарами [3, р. 49].

Методология мир-системного анализа в целом основывается на интуиции приоритета структуры, типичной для парадигмы социально-гуманитарных исследований второй половины XX века

в Западной Европе (К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, Ю. Кристева, Р. Барт и др.). Исходя из этого, И. Валлерстайн подчеркивает, что сосредоточение внимания на социальной структуре ведет к коренным изменениям в методологии анализа: «Как только мы допускаем, что единицей анализа является мир-система, а не отдельное государство, нация или народ, результаты анализа значительно меняются. В первую очередь мы переносим центр тяжести с атрибутивных (описательных) характеристик государств на релятивные (относительные, сопоставительные) характеристики» [4, р. ix].

Релятивные, или реляционные данные, это данные, которые отражают наличие, отсутствие или степень связанности отношений (будь то в торговле, инвестициях, военной интервенции и т. д.) между, по крайней мере, двумя субъектами. Атрибутивные данные, с другой стороны, это данные, собранные на уровне отдельного объекта и которые отражают относительный уровень проявления той или иной характеристики (атрибута) – ВВП на душу населения, объем иностранных инвестиций, показатель экономического роста, неравенство доходов и т.п. Таким образом, в то время как реляционные данные отражают отношения между, по крайней мере, двумя субъектами, атрибутивные данные отражают характеристики отдельных объектов [3, р. 57–58].

Если и есть какое-либо фундаментальное положение в мир-системном анализе, то это интуитивно постигаемая структура мир-системы, в которой страны находятся на разных уровнях – ядро, периферия и полупериферия. Хотя и ведутся споры о том, являются ли указанные уровни качественно различными позициями или идеальными типами (категориями), отражающими подлежащий иерархический континуум [5; 6], они полностью затмеваются широко распространенным убеждением, что мир-система представляет собой иерархически организованную систему государств, в которой страны ядра – наиболее развитые, страны периферии – наименее развитые, а страны полупериферии занимают промежуточную позицию.

Далее структура мир-системы рассматривается как важнейший источник вариабельности в распределении доходов капиталистических предприятий. Несмотря на то что были предложены многие механизмы данного явления, основная идея заключается в том, что линии, разграничивающие ядро, периферию и полупериферию мир-системы, определяют различные роли в международном разделении труда и что мировая экономика систематически перераспределяет богатство с периферии и полупериферии в пользу ядра. Конкретные формы экономической деятельности, определяющие ядро и периферию, изменяются в ходе развития мир-системы. Тем не менее аналитическое разделение на промышленно развитое производящее товары ядро и поставляющую сырье периферию дало полезный инструмент для описания территориального разделения труда в современной мир-системе в период приблизительно до 1980-х гг., когда мировой Юг пережил бурный рост промышленного производства.

Одно из объяснений механизма неравенства в мир-системе заключается в том, что доминирующее положение ядра создает большую «концентрацию инноваций в новых ведущих отраслях промышленности» [7, р. 397]. Таким образом, полупериферия и периферия в мировой экономике просто исключаются из наиболее прибыльных видов деятельности. Другое объяснение глобального механизма неравенства заключается в «неэквивалентном обмене» [8, р. 4–17]. Хотя существуют различные варианты объяснения неэквивалентного обмена, все они разделяют точку зрения об асимметричном разделении прибавленной стоимости между ядром и периферией, что приводит к неравному распределению богатства.

В этом контексте намечается методологическая тенденция, направленная на синтез реляционно-структурного подхода, мир-системного анализа и анализа социальных сетей.

Анализ социальных сетей – это структурный подход к исследованию отношений между институтами в социальной системе. Анализ социальных сетей рассматривает социальные отношения в терминах теории сетей, которые включают в себя понятие узла (отображает отдельного субъекта/актора в пределах сети) и связи (отображает наличие или отсутствие отношений между ними). Эти сети часто описывают в виде схем, где узлы представлены в виде точек, а связи представлены в виде линий.

Подход, связанный с анализом социальных сетей, сформулировал собственную уникальную концепцию структуры типа «ядро–периферия», имеющую структурные параллели в мир-си-

стемном подходе. В анализе социальных сетей структура «ядро–периферия» содержит массивную и сплоченную подгруппу субъектов ядра, которые устанавливают связи друг с другом, а также с группой периферийных субъектов, которые стремятся к установлению отношений с ядром [9; 10]. Таким образом, концепция «ядро–периферия» благодаря анализу социальных сетей позволяет судить, в какой степени тот или иной граф содержит скрытое взаимодействие между субъектами социальной сети по модели «ядро–периферия», и может быть использована в широком спектре предметных областей, включая эпидемиологию [11; 12], малые группы [13], межличностные сети [14], лингвистику [15], группы в изолированном и экстремальном окружении [16], сети творческих работников [17], сети обмена кандидатами наук [18] и научно-исследовательские ассоциации компаний [19].

Логика практического использования структуралистских положений мир-системы посредством анализа социальных сетей может быть кратко изложена следующим образом: если «в действительности» существует взаимосвязанное международное разделение труда, в котором страны «ядра» занимают доминирующее положение, а периферические и полупериферические страны – относительно подчиненное положение, то субъекты ядра ожидаемо должны иметь сходные модели торговли относительно друг друга и несходные модели торговли с периферийными или полупериферийными странами [5]. Вкратце модели торговли между странами образуют реляционную структуру, в которой некоторые позиции – относящиеся к «ядру» – способствуют независимой деятельности, в то время как другие позиции – периферийные – ограничивают самостоятельность и ставят в зависимое положение.

Таким образом, применение анализа социальных сетей в мир-системном подходе позволяет продемонстрировать, как международные отношения порождают социальную структуру, в которой могущество, престиж и дискриминация изменяются в зависимости от положения в данной структуре.

Ранние исследования в рамках анализа социальных сетей использовали в основном метод, разработанный для определения ролей и позиций социальных институтов на основании набора реляционных данных [20, р. 364 – 367]. На концептуальном уровне анализ социальных сетей исследует отношения (или набор отношений), а также: 1) оценивает степень сходства субъектов на основании «критерия эквивалентности»; 2) использует данные оценки как основу для распределения действующих субъектов по относительно эквивалентным позициям (категориально, континуально); 3) в отдельных случаях определяет роль каждой эквивалентной группы путем анализа отношений внутри группы или между группами («блоками»).

Одно из наиболее значительных методологических достижений, наблюдаемых в литературе, посвященной анализу социальных сетей, – эволюция критерия эквивалентности. Ранние исследования в сфере анализа социальных сетей использовали структурную эквивалентность в качестве критерия. Это требовало того, чтобы два действующих субъекта имели идентичные отношения с идентичными другими субъектами, например, корреляции по одной из строчек или по одному из столбцов социоматрицы. Позднейшие исследования смягчили данное требование: необходимо, чтобы два действующих субъекта имели идентичные отношения с другими эквивалентными субъектами.

Например, несмотря на высокую степень сходства моделей обмена с другими странами, США и Великобритания не считались бы структурно эквивалентными, поскольку США имеют связи с периферийными странами Латинской Америки, а Великобритания – с англоговорящими странами Африки. У них совпадает тип отношений, например, они могут обменивать оборудование на какао с периферийными странами, но они не соответствуют критерию эквивалентности в смысле обладания связями с теми же странами. Переход к критерию «регулярной эквивалентности» переносит акцент в анализе на количественную оценку того, насколько два субъекта имеют схожие отношения с другими *эквивалентными* субъектами, не обязательно с *идентичными* субъектами. Это менее ограниченный и поэтому более общий тип эквивалентности, который, вероятно, позволяет лучше установить, что субъекты ядра эквивалентны вследствие обладания сходными отношениями с другими эквивалентными периферийными субъектами [21].

Таким образом, выделились два исследовательских подхода. Первый из них, многофакторный (экономические и неэкономические связи), был разработан Д. Снайдером и Е. Киком [22].

Они были первыми, кто решил проверить, означает ли более высокая позиция субъектов в иерархии ядра или периферии более высокие темпы роста, в противовес простой констатации того, что «зависимые» страны показывают рост меньше среднего. Используя данные о четырех типах международных отношений (торговля, военные интервенции, дипломатические отношения и заключение договоров), собранных в период между 1960 и 1967 гг., они применили алгоритм структурной эквивалентности – CONCOR [23; 24] – в качестве критерия эквивалентности исследований. Д. Снайдер и Е. Кик обнаружили, что среди этих четырех типов отношений гипотетически постулируемая структура модели взаимодействия «ядро–периферия» наиболее явно проявляется в торговле. Данные авторы сделали еще два важных вклада в исследования. Во-первых, они отстаивали необходимость проведения более тонких различий в рамках категорий «периферия» и «полупериферия» и обозначили три дополнительных подкатегории в категории «полупериферия» и шесть подкатегорий в категории «периферия». Во-вторых, используя метод наименьших квадратов, они обнаружили различия в темпах роста между категориям, заметив, что группа стран, входящих в ядро, в период между 1955 и 1970 гг. росла существенно быстрее, чем страны более низких групп. Последующие исследования Е. Кика и Б. Дэвиса [25] подтвердили, что ядро включает промышленно развитые страны Запада и что они доминируют в мир-системе в области экономики, перевозок, информационных коммуникаций, а также социокультурной, политической и военной сферах. Авторы пришли к выводу, что степень развития международных экономических связей прямо влияет на национальные экономики и общую динамику экономического роста и благосостояния [25, р. 1570–573].

Развивая изложенный выше подход, Р. Ван Россем также объединял экономические и неэкономические отношения, включая импорт, экспорт, торговлю оружием, дипломатические отношения и присутствие иностранных войск, как базу для своего анализа. Он использовал новую методику – измерение эквивалентности ролей, основанную на трех критериях – «для проверки мир-системной парадигмы в качестве общей теории развития» [26, р. 508] и для решения вопроса о том, является ли дискретное (категоричное) или континуальное построение наилучшей формой представления иерархической модели «ядро–периферия». Научные открытия Р. Ван Россема, касающиеся проблемы структурности сети «ядро–периферия» и распределения стран по группам, во многом совпали с результатами предыдущих исследований, за исключением того, что он включил Китай, Бразилию, Саудовскую Аравию и СССР в ядро, используя данные о торговле за 1983 г. Тем не менее, в отличие от предыдущих исследований, Р. Ван Россем обнаружил, что позиция в мир-системе не оказывает прямое влияние на экономический рост вопреки ожиданиям представителей мир-системного анализа. Наконец, дополнительные исследования Р. Ван Россема указывают на то, что «принадлежность к ядру» мир-системы является в большей мере континуальным нежели дискретным свойством и что «существуют значительные различия в силе среди стран ядра» [26, р. 518], что является существенным аргументом для работ, посвященных мир-системным гегемонистским циклам.

Таким образом, Р. Ван Россем: 1) использует менее строгий критерий эквивалентности – «ролевую эквивалентность»; 2) производит такую оценку зависимости показателей роста, которая в значительной степени противоречит гипотезе о том, что позиция в мир-системе оказывает большой положительный эффект на экономический рост; 3) дополнительно задается вопросом, является ли выявляемая им структура «ядро–периферия» дискретной или континуальной (резко разграниченной или имеющей плавные переходы).

Родоначальником второго крупного подхода, однофакторного (торговые связи), является Р. Брейгер [27]. Дальнейшее развитие он получил в работах Р. Немета и Д. Смита [28], Д. Смита Д. Уайта [29], а также М. Магутги [30]. Данные авторы также обратились к описанию структуры «ядро–периферия» и разграничению зон мир-системы, но их подходы отличаются от линии, ведущей свое происхождение от Д. Снайдера и Е. Кика. Во-первых, они основывают свой анализ исключительно на экономических данных о торговле различными товарами, которые они условно разбивают на категории в зависимости от уровня их технологического совершенства. Во-вторых, они сосредотачиваются на изучении дискретной/континуальной природы мир-системы и пытаются превратить в инструмент исследований понятие неэквивалентного обмена.

Хотя Р. Брейгер и ограничился относительно богатыми развитыми странами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), его целью являлось объединить более общий социально-структурный подход к международной торговле и типичный подход, все еще преобладающий в экономической науке. Последний рассматривает торговлю между двумя странами как линейную функцию отдельных показателей, таких как ВВП, население и географическое положение потенциальных партнеров. Р. Брейгер использовал стратегию анализа, идентичную стратегии Д. Снайдера и Е. Кика, например, критерий структурной эквивалентности и программу CONCOR для анализа четырех типов торговых отношений (сельскохозяйственные продукты, сырье, промышленные товары и энергоносители). Он обнаружил, что даже между странами ОЭСР существуют отношения по модели «ядро–периферия» при торговле указанными четырьмя группами товаров. Кроме того, он обнаружил «многочисленные конкурирующие цеутры» после учета данных о торговом обороте каждой страны [27, p. 375].

Продолжая исследования Р. Брейгера, Р. Немет и Д. Смит [28] попытались провести различия между отношениями ядра, полупериферии и периферии, основываясь на моделях торговли товарами различного уровня технологической сложности или капиталоемкости с большей детализацией разбивки товаров по товарным группам по сравнению с Р. Брейгером. Используя программу CONCOR, им удалось локализовать «сильную» и «слабую» полупериферию и выделить четыре различные категории торговых отношений. Также они ввели в практический научный оборот понятие неэквивалентного обмена и таким образом открыли вариативность моделей взаимодействия в зависимости от группы товаров и зоны мир-системы [28, p. 544]. Используя регрессивный анализ, авторы показали, что для ядра характерен более высокий уровень благосостояния и более низкий уровень детской смертности, чем для полупериферии и периферии, а также более высокое энергопотребление и производство благ по сравнению с нижними уровнями. В результате они не обнаружили значительных отличий в процентных показателях уровня экономического роста и внутреннего экономического неравенства между странами ядра, периферии и полупериферии.

Еще одним значительным вкладом Д. Смита и Р. Немета [31] стала попытка разбить товары на категории, основываясь на модели обмена в мировой экономике. Вкратце факторный анализ выявил пять групп товаров, которые имеют схожие схемы движения и которые можно было рассмотреть в перспективе иерархически организованного процесса переработки/обработки от продуктов питания до тяжелого машиностроения и высоких технологий.

Д. Смит и Д. Уайт, основываясь на данных открытиях: 1) ввели более общий способ определения эквивалентности – регулярную эквивалентность; 2) проверили теорию неэквивалентного обмена с помощью анализа социальных сетей; 3) провели первый анализ мобильности мир-системы. Алгоритм регулярной эквивалентности порождает матрицу, в которой каждому субъекту присваивается значение уровня эквивалентности от 0 до 1. Данная матрица послужила базой для последующего анализа, результатом которого стало как создание непрерывной шкалы (с проведением анализа соответствий эквивалентностей), так и создание пятипозиционной блочной модели посредством анализа матрицы эквивалентности с использованием процедуры выделения иерархически организованных блоков по определенным признакам. Они выделили пять позиций – ядро, сильную полупериферию, слабую полупериферию, сильную периферию и слабую периферию, что соответствовало возросшему числу несходных по отношению к ядру моделей торговли. Авторы первыми нашли эмпирические доказательства того, что структура мировой торговли является в большей степени континуальной, нежели дискретной [29].

Д. Смит и Д. Уайт также нашли более строгие доказательства неэквивалентного обмена, показав, что страны более высоких уровней мир-системы производят высокотехнологичные и капиталоемкие товары и обменивают их на сырье и трудоемкие товары, произведенные в странах нижних уровней мир-системы [29, p. 880–882]. Наконец, Д. Смит и Д. Уайт, используя данные о мировой торговле за период между 1965 и 1980 гг., обнаружили свидетельства того, что имеет место тенденция большей «восходящей», а не «нисходящей» мобильности среди государств различных блоков [29, p. 880].

М. Махутга [30] внес самый последний по времени вклад в развитие линии Р. Брейгера, Р. Немета и Д. Смита. Он использовал стратегию анализа, сходную со стратегией Д. Смита

и Д. Уайта, для оценки того, как предполагаемые структурные изменения, связанные с глобализацией и новым международным разделением труда, повлияли на неравенство в структуре мировой экономики в период между 1965 и 2000 гг. Была дана количественная оценка соответствия модели «ядро–периферия» имеющимся данным, уровней асимметрии движения товаров, мобильности, а также изменения этих показателей во времени. Его открытия бросили вызов некоторым утверждениям в литературе, посвященной глобализации, об уменьшении неравенства. Он показал, что модель взаимодействия «ядро–периферия» осталась незатронутой в течение 2000-х гг., что обмен товарами между различными уровнями мир-системы так и остался неэквивалентным и что в эру глобализации (1980–2000 гг. или позднее) произошло меньше структурных изменений, чем в период 1965–1980 гг., несмотря на существование свидетельств о значительной восходящей мобильности незначительного числа стран [3, p. 51–57].

Таким образом, современные версии мир-системного подхода активно эксплуатируют концепт сети для описания мир-системы как сложноорганизованных и саморазвивающихся систем. При этом сеть является методологическим инструментарием концептуализации мир-системы и не наделяется онтологической самодостаточностью, как это происходит в сетевом подходе (М. Кастельс, А.-М. Слотер, И. Пригожин, Ж. Дерида и др.).

Анализ социальных сетей выступает в качестве эмпирического метода, позволяющего анализировать их сложноорганизованную структуру, выходя за пределы традиционной для мир-системного подхода дифференциации на «ядро – полупериферию – периферию». Благодаря этому категориально-понятийный аппарат мир-системного подхода усложняется за счет категорий слабой и сильной периферии и полупериферии. Несмотря на то что применение анализа социальных сетей наделяет мир-системный подход дополнительным эвристическим потенциалом, позволяющим описывать сложноорганизованную структуру и динамику мир-системы, во многом этот метод апплицируется с целью проверки базовых интуитивных положений мир-системного подхода структуралистского характера. А применение математического аппарата и компьютерных программ для этих целей соответствует общим тенденциям в рамках постнеклассической науки.

Благодарности. Работа выполнена в рамках задания 3.2.03 Государственной программы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (2016–2020 гг.).

Acknowledgements. This work was supported by the State Research Program of the Republic of Belarus “Economy and Humanitarian Development of the Belarusian Society”, grant 3.2.03 (2016–2020).

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
2. Chase-Dunn, Ch. Rise and Demise: Comparing World-Systems / Ch. Chase-Dunn, T. Hall. – Boulder, Colo.: WestviewPress, 1997. – 336 p.
3. Lloyd, P. Looking back and forging ahead: thirty years of social network research on the world-system/ P. Lloyd, M. C. Mahutga, J. De Leeuw // Journal of World-System Research. – 2009. – Vol. XV. – N 1. – P. 48–85.
4. Wallerstein, I. The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s / I. Wallerstein. – Berkeley: Academic Press, 1989. – 388 p.
5. Arrighi, G. The Stratification of the World-Economy: An Exploration of the Semiperipheral Zone/ G. Arrighi, J. Drangel // Review. – 1986. – N 10(1). – P. 9–74.
6. Chase-Dunn, Ch. Toward a Structural Perspective on the World-System / Ch. Chase-Dunn, R. Robinson // Politics and Society. – 1977. – N 7(4). – P. 453–476.
7. Chase-Dunn, Ch. World-Systems Analysis / Ch. Chase-Dunn, P. Grimes // Annual Review of Sociology. – 1995. – N 21. – P. 387–417.
8. Frank, A. G. Latin American: Underdevelopment or Revolution / A. G. Frank. – New York: Monthly Review, 1969. – 436 p.
9. Boyd, J. P. Computing Core/Periphery Structures and Permutation Tests for Social Relations Data / J. P. Boyd, W. J. Fitzgerald, R. J. Beck // Social Networks. – 2006. – N 28(2). – P. 165–178.
10. Borgatti, S. Models of Core / Periphery Structures/ S. Borgatti, M. Everett // Social Networks. – 1999. – N 21. – P. 375–395.
11. Jolly, A. M. Sexual Networks and Sexually Transmitted Infections: A Tale of Two Cities / A. M. Jolly [et al.] // Journal of Urban Health – Bulletin of the New York Academy of Medicine. – 2001. – N 78(3). – P. 433–445.
12. Christley, R. M. Infection in Social Networks: Using Network Analysis to Identify High Risk Individuals / R. M. Christley, G. L. Pinchbeck, R. G. Bowers, D. Clancy, N. P. French, etc. // American Journal of Epidemiology. – 2005. – N 162(10). – P. 1024–1031.

13. Cummings, J. N. Structural Properties of Work Groups and their Consequences for Performance / J. N. Cummings, R. Cross // *Social Networks*. – 2003. – N 25(3). – P. 197–210.
14. Bourgeois, M. F. The Distant Core: Social Solidarity, Social Distance and Interpersonal Ties in Core-periphery Structures / M. F. Bourgeois, N.E. Friedkin // *Social Networks*. – 2001. – N 24(4). – P. 245–260.
15. Dodsworth, R. Attribute Networking: A Technique for Modeling Social Perceptions / R. Dodsworth // *Journal of Sociolinguistics*. – 2005. – N 9(2). – P. 225–253.
16. Johnson, J. C. Social Roles and the Evolution of Networks in Extreme and Isolated Environments/ J. C. Johnson, J. S. Boster, L. A. Palinkas // *Journal of Mathematical Sociology*. – 2003. – N 27. – P. 89–121.
17. Uzzi, B. Collaboration and Creativity: The Small World Problem / B. Uzzi, J. Spiro // *American Journal of Sociology*. – 2005. – N 111(2). – P. 447–504.
18. Burris, V. The Academic Caste System: Prestige Hierarchies in PhD Exchange Networks / V. Burris // *American Sociological Review*. – 2004. – N 69(2). – P. 239–264.
19. Giuliani, E. The Micro-determinants of Meso-level Learning and Innovation: Evidence from a Chilean Wine Cluster / E. Giuliani, M. Bell // *Research Policy*. – 2005. – N 34(1). – P. 47–68.
20. Wasserman, S. *Social Network Analysis: Methods and Applications* / S. Wasserman, K. Faust. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 825 p.
21. Faust, K. Comparison of Methods for Positional Analysis: Structural and General Equivalences / K. Faust // *Social Networks*. – 1988. – N 10. – P. 313–341.
22. Snyder, D. Structural Position in the World System and Economic Growth, 1955–1970: A Multiple-Network Analysis of Transnational Interactions / D. Snyder, E. L. Kick // *American Journal of Sociology*. – 1979. – N 84(5). – P. 1096–1126.
23. Breiger, R. L. An Algorithm for Clustering Relational Data with Applications to Social Network Analysis and Comparison with Multidimensional Scaling / R. L. Breiger, S. A. Moorman, P. Arabie // *Journal of Mathematical Psychology*. – 1975. – N 12. – P. 328–383.
24. White, H. Social Structure From Multiple Networks. I. Blockmodels of Roles and Positions / H. White, S. Boorman, R. Breiger // *American Journal of Sociology*. – 1976. – N 81. – P. 730–780.
25. Kick, E. L. World-System Structure and Change: An Analysis of Global Networks and Economic Growth Across Two Time-Periods / E. L. Kick, B. L. Davis // *American Behavioral Scientist*. – 2001. – N 44(10). – P. 1567–1578.
26. Van Rossem, R. The World-System Paradigm as General Theory of Development: A Cross-National Test / R. Van Rossem // *American Sociological Review*. – 1996. – N 61(3). – P. 508–527.
27. Breiger, R. Structures of Economic Interdependence Among Nations/ R. Breiger // *Continuities in Structural Inquiry* / edited by P. M. Blaue, R. K. Merton. – London: Sage Press. – P. 353–379.
28. Nemeth, R. J. International Trade and World System Structure: A Multiple Network Analysis/ R. J. Nemeth, D. A. Smith // *Review*. – 1985. – N 8(4). – P. 517–760.
29. Smith, D. A. Structure and Dynamics of the Global Economy: Network Analysis of International Trade 1965–1980 / D. A. Smith, D. R. White // *Social Forces*. – 1992. – N 70(4). – P. 857–893.
30. Mahutga, M. C. The Persistence of Structural Inequality? A Network Analysis of International Trade, 1965–2000 / M. C. Mahutga // *Social Forces*. – 2006. – N 84(4). – P. 1863–1889.
31. Smith, D. A. Research Note: An Empirical Analysis of Commodity Exchange in the International Economy: 1965–1980 / D. A. Smith, R. J. Nemeth // *International Studies Quarterly*. – 1988. – N 32. – P. 227–240.

References

1. Stepin, V. S. (2000), *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge], Progress-Traditia, Moscow, RU.
2. Chase-Dunn, Ch. and Hall, T. (1997), *Rise and Demise: Comparing World-Systems*, Colo., WestviewPress, Boulder, US.
3. Lloyd, P., Mahutga, M. C. and Leeuw, J. De. (2009), "Looking back and forging ahead: thirty years of social network research on the world-system", *Journal of World-System Research*, vol. XV, no.1, pp. 48–85.
4. Wallerstein, I. (1989), *The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s*, Academic Press, Berkeley, US.
5. Arrighi, G. and Drangel, J. (1986), "The Stratification of the World-Economy: An Exploration of the Semiperipheral Zone", *Review*, no. 10(1), pp. 9–74.
6. Chase-Dunn, Ch. and Robinson, R. (1977), "Toward a Structural Perspective on the World-System", *Politics and Society*, no. 7(4), pp. 453–476.
7. Chase-Dunn, Ch. and Grimes, P. (1995), "World-Systems Analysis", *Annual Review of Sociology*, no. 21, pp. 387–417.
8. Frank, A. G. (1969), *Latin American: Underdevelopment or Revolution*, Monthly Review, New York, US.
9. Boyd, J. P., Fitzgerald W. J. and Beck, R. J. (2006), "Computing Core/Periphery Structures and Permutation Tests for Social Relations Data", *Social Networks*, no. 28(2), pp. 165–178.
10. Borgatti, S. and Everett, M. (1999), "Models of Core", *Periphery Structures. Social Networks*, no. 21, pp. 375–395.
11. Jolly, A. M., Muth, S. Q., Wylie, J. L. and Potterat, J. J. (2001), "Sexual Networks and Sexually Transmitted Infections: A Tale of Two Cities", *Journal of Urban Health – Bulletin of the New York Academy of Medicine*, no. 78(3), pp. 433–445.
12. Christley, R. M., Pinchbeck, G. L., Bowers, R. G., Clancy, D., French, N. P., Bennett, R. and Turner, J. (2005), "Infection in Social Networks: Using Network Analysis to Identify High Risk Individuals", *American Journal of Epidemiology*, no. 162(10), pp. 1024–1031.

13. Cummings, J. N. and Cross, R. (2003), "Structural Properties of Work Groups and their Consequences for Performance", *Social Networks*, no. 25(3), pp. 197–210.
14. Bourgeois, M. and Friedkin, N. E. (2001), "The Distant Core: Social Solidarity, Social Distance and Interpersonal Ties in Core-periphery Structures", *Social Networks*, no. 24(4), pp. 245–260.
15. Dodsworth, R. (2005), "Attribute Networking: A Technique for Modeling Social Perceptions", *Journal of Sociolinguistics*, no. 9(2), pp. 225–253.
16. Johnson, J. C., Boster, J. S. and Palinkas, L. A. (2003), "Social Roles and the Evolution of Networks in Extreme and Isolated Environments", *Journal of Mathematical Sociology*, no. 27, pp. 89–121.
17. Uzzi, B. and Spiro, J. (2005), "Collaboration and Creativity: The Small World Problem", *American Journal of Sociology*, no. 111(2), pp. 447–504.
18. Burris, V. (2004), "The Academic Caste System: Prestige Hierarchies in PhD Exchange Networks", *American Sociological Review*, no. 69(2), pp. 239–264.
19. Giuliani, E. And Bell, M. (2005), "The Micro-determinants of Meso-level Learning and Innovation: Evidence from a Chilean Wine Cluster", *Research Policy*, no. 34(1), pp. 47–68.
20. Wasserman, S. and Faust, K. (1994), *Social Network Analysis: Methods and Applications*, Cambridge University Press, Cambridge, GB.
21. Faust, K. (1988), "Comparison of Methods for Positional Analysis: Structural and General Equivalences", *Social Networks*, no. 10, pp. 313–341.
22. Snyder, D. and Kick, E. L. (1979), "Structural Position in the World System and Economic Growth, 1955–1970: A Multiple-Network Analysis of Transnational Interactions", *American Journal of Sociology*, no. 84(5), pp. 1096–1126.
23. Breiger, R. L., Moorman, S. A. and Arabie, P. (1975), "An Algorithm for Clustering Relational Data with Applications to Social Network Analysis and Comparison with Multidimensional Scaling", *Journal of Mathematical Psychology*, no. 12, pp. 328–383.
24. White, H., Boorman, S. and Breiger, R. (1976), "Social Structure From Multiple Networks. I. Blockmodels of Roles and Positions", *American Journal of Sociology*, no. 81, pp. 730–780.
25. Kick, E. L. and Davis, B.L. (2001), "World-System Structure and Change: An Analysis of Global Networks and Economic Growth Across Two Time-Periods", *American Behavioral Scientist*, no. 44(10), pp. 1567–1578.
26. Van Rossem, R. (1996), "The World-System Paradigm as General Theory of Development: A Cross-National Test", *American Sociological Review*, no. 61(3), pp. 508–527.
27. Breiger, R. "Structures of Economic Interdependence Among Nations", in Blaue, P.M. and Merton, Continuities in Structural Inquiry [ed. by R. K.J. London, Sage Press, pp. 353 – 379.
28. Nemeth, R. J. and Smith, D. A. (1985), "International Trade and World System Structure: A Multiple Network Analysis", *Review*, no. 8(4), pp. 517–760.
29. Smith, D. A. and White, D. R. (1992), "Structure and Dynamics of the Global Economy: Network Analysis of International Trade 1965 – 1980", *Social Forces*, no. 70(4), pp. 857–893.
30. Mahutga, M. C. (2006), "The Persistence of Structural Inequality? A Network Analysis of International Trade, 1965 – 2000", *Social Forces*, no. 84(4), pp. 1863–1889.
31. Smith, D. A. and Nemeth, R. J. (1988), "Research Note: An Empirical Analysis of Commodity Exchange in the International Economy: 1965 – 1980", *International Studies Quarterly*, no. 32, pp. 227–240.

Інфармацыя аб аўторэ

Сивицкий Арсений Владимирович – магистр филос. наук, мл. науч. сотрудник. ГНУ «Институт философии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : arsen.sivitski@gmail.com.

Information about the author

Sivitski Arseni Vladimirovich, MA (Philos.), Junior Scientific Researcher, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: arsen.sivitski@gmail.com.

Для цитирования

Сивицкий, А. В. Применение метода анализа социальных сетей в мир-системном подходе / А. В. Сивицкий // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 24–32.

For citation

Sivitski A. V. Using the Social Network Analysis in the World-System Approach. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 24–32.

ГІСТОРЫЯ **HISTORY**

УДК [94(476) “1928/1939”:67]–053.8

Паступіў у рэдакцыю 09.11.2016
Received 09.11.2016

В. В. Даніловіч

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Рэспубліка Беларусь

МОЛАДЗЬ У ІНДУСТРЫЯЛЬНЫМ БУДАЎНІЦТВЕ БССР (1928–1939 гг.)

Как известно, молодежь является важной социально-демографической группой в структуре любого общества и государства. Именно с молодым поколением связано будущее любой нации. Можно даже констатировать, что молодежь – это двигатель социально-экономических преобразований. Поэтому исследование исторического опыта деятельности молодого поколения является важнейшим условием выработки выверенной и эффективной государственной молодежной политики в современных условиях. Данная статья посвящена исследованию проблемы участия молодежи в развитии промышленности БССР во время проведения политики индустриализации в 1928–1939 гг. Методологической основой проведенного исследования стали принципы историзма и объективности, системного рассмотрения фактов и явлений, сравнительного анализа. Сделаны выводы о том, что активную деятельность по организации участия юношей и девушек в развитии промышленности вел, хоть и не всегда успешно, комсомол, который пользовался поддержкой компартии и советского государства. Молодое поколение активно участвовало в развитии промышленности, трудилось на строительстве индустриальных объектов в БССР и других регионах СССР. В целом молодежь сыграла решающую роль в успешном проведении политики индустриализации, создании мощной отечественной промышленности, ускорении промышленного развития БССР. Вместе с тем организация участия юношей и девушек в развитии промышленности страны имела целый ряд недостатков.

Ключевые слова: промышленность, индустриализация, рабочие, молодежь, подростки, комсомол, квалификация, рационализация, ударничество, социалистическое соревнование.

V. V. Danilovich

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

YOUTH IN THE BSSR INDUSTRIAL DEVELOPMENT (1928–1939)

Young people are known to be an important social and demographic group in the structure of any society and the state. The future of any nation is connected with the younger generation. One could even state that young people are the engine of social and economic transformation. Therefore, studying the historical experience of the younger generation's activities is essential to develop an effective and verified state youth policy nowadays. This article explores participation of young people in the development of the BSSR industry during the industrialization policy implementation period between 1928 and 1939. Methodologically, the study was based on the principles of historicism and objectivity, systemic examination of facts and phenomena, and comparative analysis. It is concluded that the Young Communist League which enjoyed support from the Communist Party and the Soviet State was active in organizing participation of young people in the industrial development, though not always successfully. The younger generation was actively involved in the industrial development and construction of industrial facilities both in the BSSR and other USSR regions. In general, young people played a crucial role in the successful implementation of the industrialization policy, creation of a strong domestic industry and acceleration of the BSSR industrial development. At the same time, the organization of young people's participation in the country's industrial development was far from being flawless.

Keywords: industry, industrialization, workers, youth, teenagers, Young Communist League, qualification, rationalization, shock work, socialist competition.

Ажыццяўленне палітыкі індустрыялізацыі з'явілася важнай старонкай у развіцці айчынай прамысловасці, амалажэнні яе працоўных кадраў. Дзякуючы будаўніцтву і рэканструкцыі фабрык і заводаў ствараліся новыя працоўныя месцы, што, зразумела, спрыяла прытоку юнага пакалення ў прамысловую вытворчасць. Не заставаўся ў баку ад гэтага працэсу і камсамол.

Камсамольцамі з'яўлялася большая частка юнакоў і дзяўчын, занятых у прамысловасці БССР. Так, на 40 прадпрыемствах рэспублікі, абследаваных у студзені 1928 г., членамі ЛКСМБ былі 62,5 % рабочага юнацтва [1, л. 231]. Камсамольцы ўдзельнічалі ў рацыяналізацыі вытворчасці, ажыццяўленні рэжыму эканоміі. Па ініцыятыве камсамольскай ячэйкі завода «Пралетарый» у Оршы пачалі выкарыстоўвацца адходы сыравіны, што эканоміла тысячы рублёў. У Барысаўскай акрузе на заводах «Домбаль» і «Камінтэрн», заводзе «Рухавік рэвалюцыі» ў Гомелі і іншых прадпрыемствах былі праведзены конкурсы на званне лепшага маладога рабочага, што спрыяла павышэнню прадукцыйнасці працы рабочай моладзі. Асаблівую ўвагу камсамольскія арганізацыі надавалі ўмацаванню працоўнай дысцыпліны [2, с. 362].

Адбывалася павольнае ўцягванне юных асоб у саматужную прамысловасць [3, л. 3]. З-за дрэннага забеспячэння сыравінай саматужнай прамысловасці і хуткага тэмпу аб'яднання саматужнікаў юнакі і дзяўчаты слаба прымалі ўдзел у саматужных арцелях. Адпаведна камсамольцы і несаюзнае юнацтва таксама мала ўдзельнічалі ў працы вытворчых камісій гэтых арцеляў [4, л. 37, 42].

Попыт на падлеткавую рабочую сілу прыпадаў у асноўным на дзяржаўныя прадпрыемствы і саматужнікаў [5, л. 139], што можна патлумачыць заканадаўчым забеспячэннем норм броні для падлеткаў.

На 1 студзеня 1928 г. у шкляной галіне прамысловасці БССР налічвалася 390 падлеткаў на броні (11,7 % ад усіх рабочых), тэкстыльнай – 192 (7,8 %), запалкавай – 190 (5,4 %), металаапрацоўчай – 180 (7,3 %), дрэваапрацоўчай – 172 (5,4 %), папяровай – 92 (2,9 %), гарбарнай – 29 (2,6 %) [6, л. 99]. Як бачым, найбольш у колькасных і працэнтных адносінах падлеткаў па броні налічвалася ў шкляной галіне, а найменш – у гарбарнай.

Аднак, нават нягледзячы на патрабаванні заканадаўства, асобныя гаспадарчыя органы, асабліва на месцах, не прымалі ніякіх мер па камплектаванні броні падлеткаў, таму ў папяровай, гарбарнай і шчаціннай галінах, а асабліва ў прамысловасці мясавага значэння, бронь падлеткаў складалася з адзінак [5, л. 132].

Дынаміка колькасці падлеткаў на броні (без пераросткаў) у прамысловасці ВСНГ БССР у 1928 г. выглядала наступным чынам: 1 студзеня – 1386 (6 % ад усіх рабочых), з іх 576 (41,6 %) дзяўчаты; 1 сакавіка – 1298 (5,4 %), з іх 534 (41,1 %) дзяўчаты; 1 красавіка – 1369 (5,3 %); 1 ліпеня – 1184 (4,7 %), з іх 538 (45,4 %) дзяўчаты; 1 кастрычніка – 1240 (4,9 %), з іх 553 (44,6 %, ці 6,3 % ад жанчын-рабочых) дзяўчаты [5, л. 130; 6, л. 96; 7, л. 6; 8, л. 71].

Пры гэтым на 1 сакавіка найбольш падлеткаў на броні налічвалася ў шкляной – 445 (34,3 % ад агульнай колькасці), запалкавай – 182 (14 %) і металаапрацоўчай – 170 (13,1 %) галінах (разам на іх прыходзілася 61,4 % усіх падлеткаў па броні), а ў працэнтных адносінах да ўсіх рабочых – у шкляной (12 %), тытунёвай (10,3 %), металаапрацоўчай (6,7 %). Найменш падлеткаў на броні было ў хімічнай – 2, паліграфічнай – 6, панчошна-трыкатажнай – 7, а ў працэнтных адносінах да ўсіх рабочых – у папяровай (1,6 %), панчошна-трыкатажнай (1,7 %), паліграфічнай (2,3 %) галінах. На 1 ліпеня найбольш падлеткаў на броні налічвалася ў шкляной – 315 (26,6 % ад агульнай колькасці), запалкавай – 189 (16 %) і льнопрадзільнай – 145 (12,2 %) галінах (разам на іх прыходзілася 54,8 % усіх падлеткаў на броні), а ў працэнтных адносінах да ўсіх рабочых – у шкляной (11,4 %), льнопрадзільнай (6,1 %), швейнай (5,7 %). Найменш падлеткаў на броні было ў хімічнай – 2, паліграфічнай – 9, акулярнай – 10, а ў працэнтных адносінах да ўсіх рабочых – у галіне будаўнічых матэрыялаў (1,3 %), папяровай (1,7 %), гарбарнай (1,9 %). Скарачэнне падлеткаў на броні адбылося ў гарбарнай, дрэваапрацоўчай, льнопрадзільнай, металаапрацоўчай, тытунёвай, харчовай, шкляной (найбольш значнае – на 130 чалавек) галінах. У хімічнай галіне колькасць падлеткаў на броні засталася нязменнай. Нязначны яе рост адбыўся ў акулярнай, будаўнічых матэрыялаў, запалкавай, паліграфічнай, панчошна-трыкатажнай, папяровай галінах. Толькі ў швейнай галіне колькасць падлеткаў на броні вырасла больш чым у 3 разы. Найбольш дзяўчаты сярод падлеткаў на броні налічвалася ў шкляной – 171 (38,4 %), запалкавай – 139 (76,4 %) і льнопрадзільнай – 112 (72,7 %) галінах, а ў працэнтных адносінах – у панчошна-трыкатажнай

(100 %), тытунёвай (88,2 %), запалкавай (76,4 %). Найменш дзяўчат сярод падлеткаў на броні было ў хімічнай – 0, гарбарнай – 1, паліграфічнай – 2, а ў працэнтных адносінах – у хімічнай (0 %), гарбарнай (3,7 %), металаапрацоўчай (6,5 %) галінах. На 1 ліпеня найбольш дзяўчат сярод падлеткаў на броні налічвалася ў запалкавай – 148 (78,3 %), шкляной – 115 (36,5 %), ільнопрадзільнай – 99 (68,3 %) галінах, а ў працэнтных адносінах – у тытунёвай (90,9 %), панчошна-трыкатажнай (88,9 %), запалкавай (78,3 %). Найменш дзяўчат сярод падлеткаў на броні налічвалася ў хімічнай – 0, гарбарнай – 2, харчовай і паліграфічнай – па 4, а ў працэнтных адносінах – у хімічнай (0 %), гарбарнай (8,7 %), металаапрацоўчай (11,7 %) галінах. Скарачэнне дзяўчат сярод падлеткаў на броні адбылося ў дрэваапрацоўчай, ільнопрадзільнай, тытунёвай, харчовай (больш чым у 2 разы), шкляной (найбольш значнае – на 56 чалавек) галінах. У хімічнай галіне адсутнасць дзяўчат сярод падлеткаў на броні засталася нязменнай. Нязначны рост колькасці дзяўчат сярод падлеткаў на броні адбыўся ў акумулярай, запалкавай, металаапрацоўчай, паліграфічнай, папяровай галінах. У галіне будаўнічых матэрыялаў і гарбарнай колькасць дзяўчат сярод падлеткаў на броні вырасла ў 2 разы, у панчошна-трыкатажнай – больш чым у 2 разы, у швейнай – больш чым у 3 разы (найбольш значна – на 53 чалавекі) [6, л. 97–98].

Як бачым, у студзені – верасні 1928 г. адбылося скарачэнне колькасці і працэнта падлеткаў у прамысловасці ВСНГ рэспублікі (мінімум быў адзначаны ў ліпені). Прычым, калі колькасць на працягу разглядаемага перыяду вагалася (невялікія яе павелічэнні ў параўнанні з папярэднімі месяцамі адбыліся ў сакавіку і верасні), то працэнт няўхільна скарачаўся, мізэрны рост яго быў адзначаны толькі ў верасні (на 0,2 % у параўнанні з ліпенем). Пры гэтым, хоць колькасць дзяўчат-падлеткаў і скарачалася (невялікі рост быў адзначаны толькі ў верасні), працэнт іх да ўсіх падлеткаў на броні рос, невялікае яго скарачэнне (на 0,8 %) адбылося толькі ў верасні, але тым не менш у параўнанні са студзенем ён быў большы на 3 %. У сакавіку – чэрвені лідарам па колькасці і працэнта падлеткаў на броні заставалася шкляная галіна, а аўтсайдарамі – хімічная па колькасці, а па працэнта – папяровая (у сакавіку) і будаўнічых матэрыялаў (у чэрвені).

Нягледзячы на тое, што з 1 кастрычніка 1927 г. да 1 красавіка 1928 г. было разбраніравана 230 пераросткаў, іх колькасць заставалася даволі значнай (на 1 красавіка 1928 г. – 300 чалавек). Тэмп разбраніравання адставаў ад ліку зноў прынятых па броні. Так, замест 230 разбраніраваных было залічана 390 падлеткаў [5, л. 66].

Увогуле, з аднаго боку, нормы броні падлеткаў па ўсіх галінах прамысловасці поўнаасцю не былі запоўнены, а з другога – з-за высокіх нормаў броні падлеткаў не было магчымасці іх разбраніравання і пакідання на працы ў штаце прадпрыемстваў [5, л. 131]. Такое становішча сведчыць аб адсутнасці ўвязкі працэнта броні з рэальнымі патрэбамі і магчымасцямі прамысловых прадпрыемстваў, што і прывяло да росту колькасці пераросткаў сярод падлеткаў на броні.

Агульны лік падлеткаў на броні (разам з пераросткамі) у прамысловасці ВСНГ БССР на 1 красавіка 1928 г. складаў 1626 асоб (6,3 % ад усіх рабочых). Пры гэтым на кваліфікаванай працы па асноўных прафесіях выкарыстоўваліся толькі 63 % падлеткаў, 9 % з іх выкарыстоўваліся ў рамонтных і падсобных цэхах, 28 % – на некваліфікаванай працы і без ніякага навучання [5, л. 65]. Галоўныя прычыны такога становішча – таксама няправільнае размеркаванне броні па асобных прадпрыемствах, неадпаведнасць яе норм фактычным патрэбам і прапускной здольнасці прамысловасці рэспублікі.

У сувязі з гэтым ЦК ЛКСМБ сумесна з ВСНГ БССР і Народным камісарыятам працы (НКП) рэспублікі выдаў спецыяльную пастанову аб скарачэнні існуючых норм броні падлеткаў у прамысловасці на 30 % (па БССР сярэдняя норма броні скарацілася з 8,2 % да 5,8 %). Але гэта скарачэнне прадугледжвалася за кошт пераводу пераросткаў у штаты і натуральнай убылі рабочай сілы ў прамысловасці [6, л. 99].

Акрамя таго, ЦВК СССР і СНК СССР 1 жніўня 1928 г. быў прыняты новы закон аб мінімальнай норме броні падлеткаў, які ў тым ліку дапасаваў яе нормы да рэальных патрэб і прапускной здольнасці прамысловасці, пры гэтым падлеткі на броні павінны былі абавязкова ахоплівацца арганізаванымі формамі навучання [5, л. 65–66].

У выніку ў прамысловасці БССР адбылося зніжэнне колькасці падлеткаў, што тлумачылася новым законам аб нормах броні, якія сталі значна ніжэй ранейшых [5, л. 60–61].

Разам з тым нормы працоўнага часу ў адносінах 30 % падлеткаў (асабліва ў саматужных прадпрыемствах) не вытрымліваліся, да 35 % падлеткаў выкарыстоўваліся на шкодных і начных працах (асабліва ў шкляной прамысловасці) [6, л. 106].

Аднак, нягледзячы на хібы, у цэлым праца камсамольскіх і прафсаюзных арганізацый па абароне інтарэсаў рабочай моладзі палепшылася [6, л. 96].

У выніку юныя рабочыя больш упэўнена адчувалі сябе ў прамысловай вытворчасці. Павялічылася іх зарплата, своєчасова адбываўся перавод юнакоў і дзяўчат у вышэйшыя разрады [9, л. 1]. Росту заробкаў рабочага юнацтва спрыяў рост яго кваліфікацыі, а таксама дзяржаўная палітыка па павышэнні зарплат нізкааплачваных груп працоўных на прадпрыемствах. Але заробак маладых асоб, якія працавалі ў саматужнікаў, заставаўся нізкім [5, л. 135].

Узрасла працоўная дысцыпліна рабочай моладзі, павялічыўся яе ўдзел у правядзенні вытворчых конкурсаў, канферэнцый, барацьбе за рэжым эканоміі і паляпшэнне тэхналагічных працэсаў, павелічэнне вытворчасці працы, супраць прагулаў, разгільдзяства, брака і г. д. [3, л. 1].

Сярод асобных груп юных рабочых меліся і адмоўныя з'явы: недастатковая зацікаўленасць у працы прадпрыемстваў, неразуменне і процідзеянне рацыяналізацыі вытворчасці, слабая працоўная дысцыпліна. Гэта было характэрна ў большай ступені для юнакоў і дзяўчат, якія нядаўна ўліліся ў прамысловую вытворчасць з вёсак і мястэчак. Таксама меўся шэраг фактаў незабеспячэння тэхнічнай бяспекі рабочага юнацтва, працы падлеткаў у начны час і на шкодных работах, нявыдачы ім спецадзення і г. д. [7, л. 1–2; 8, л. 14; 10, л. 31].

Маладыя рабочыя яшчэ слаба ўдзельнічалі ў вытворчых нарадах і працы вытворчых камісій на прадпрыемствах [5, л. 144–145].

Акрамя таго, часта адзначалася недастатковая ўвага асобных гаспадарчых органаў да вылучаемых самой рабочай моладдзю і нават ЛКСМБ зладзённых пытанняў [5, л. 153]. Слаба рэгулявалася праца юных рабочых у парадку звычайнага найму ў сувязі з пашырэннем прадпрыемстваў і пераходам іх на 7-гадзінны працоўны дзень [8, л. 85]. Усё гэта сведчыць як аб хібах у працы камсамола і прафсаюзаў з гаспадарчымі органамі, так і аб дугараднасці маладзёжных праблем для апошніх.

Сярод іншага ЛКСМБ імкнуўся да актыўнага ўдзелу ў забеспячэнні прамысловасці неабходнай сыравінай, але не заўсёды паспяхова. Так, у кастрычніку 1928 г. саюз абвясціў месячнік збору жалезнага лому для металургіі, але толькі невялікая частка вытворчых камсамольскіх ячэек арганізавала збор лому на прадпрыемствах [11, л. 110, 129], што можна патлумачыць як слабым кантролем кіраўніцтва камсамола рэспублікі за ходам месячніка, так і загружанасцю ячэек іншымі надзённымі справамі.

У 1929 г. у БССР налічвалася 50 тыс. рабочых юнакоў і дзяўчын [12, л. 129], у тым ліку 3144 падлеткі, з якіх 1311 дзяўчат (41,7 %) [6, л. 89]. Як бачым, у параўнанні з мінулым годам колькасць падлеткаў у прамысловасці вырасла амаль у 2 разы, а колькасць дзяўчын нават больш чым у 2 разы, але іх працэнт у адносінах да ўсіх падлеткаў у прамысловасці знізіўся. Гэта сведчыць пра больш актыўнае прыцягненне ў прамысловасць падлеткаў-хлопцаў, што можна патлумачыць прыярытэтным развіццём галін, дзе мала выкарыстоўвалася жаночая праца.

Увогуле ўзрос працэнт броні падлеткаў у металапрацоўчай галіне з 5,4 % на 1 кастрычніка 1928 г. да 6 % на пачатак 1929 г., у папяровай – з 1,8 да 5,5 %, у швейнай – з 4,6 да 5,6 %, дрэвапрацоўчай – з 3,9 да 4,5 %, гарбарнай – з 1,8 да 3,5 %. Толькі ў шкляной галіне працэнт броні скараціўся з 9,4 да 4,2 %, але з абавязковай умовай замацавання ўсіх падлеткаў у вытворчасці. Аднак павелічэнне броні падлеткаў у папяровай і дрэвапрацоўчай галінах было адхілена ў арбітражным парадку, што сведчыць пра паспяховае і абгрунтаванае супрацьдзеянне гаспадарнікаў яе штучнаму росту. Пры гэтым амаль ва ўсіх працоўных дагаворах (за выключэннем металапрацоўчай і часткова шкляной галін) былі выразна адзначаны пункты аб замацаванні працуючых падлеткаў у вытворчасці і недапушчэнні іх звальнення [12, л. 34].

Вырасла таксама колькасць юнацтва ў саматужнай прамысловасці рэспублікі, дзе захоўвалася 11,2 % броні для падлеткаў [13, л. 12]. Але ЛКСМБ па-ранейшаму недастатковую ўвагу надаваў працы ў саматужнай прамысловасці [4, л. 70], што можна патлумачыць прыярытэтам індустрыялізацыі.

Камсамол БССР актыўна ўдзельнічаў у будаўніцтве новых заводаў і фабрык, падрыхтоўцы кадраў для іх. Сярод маладых рабочых камсамольцы складалі 40 % [14, с. 50–51; 15, с. 62–64; 16, л. 308]. Аднак гэта менш на 22,5 % у параўнанні з пачаткам 1928 г., што сведчыць пра значны прыток у прамысловасць рэспублікі несаюзнай моладзі.

Пры гэтым павялічылася практычная роля ЛКСМБ, асабліва яго вытворчых арганізацый, у разгортванні сацыялістычнага спаборніцтва і развіцці прамысловасці, камсамольскімі арганізацыямі з гэтай мэтай быў праведзены прамысловы паход [17, л. 95; 18, л. 63; 19, с. 68].

Камсамольцы БССР пачалі ствараць групы вытворчых патрулёў, якія актыўна сачылі за якасцю працы машыннага абсталявання і выпускаемай прадукцыі, выяўлялі непаладкі на вытворчасці. Члены камсамола рэспублікі паказвалі прыклады высокай вытворчасці працы, уносілі рацыяналізатарскія прапановы, нават стваралі цэлыя рацыяналізатарскія групы, а таксама камсамольска-маладзёжныя брыгады на рашаючых участках вытворчасці ці ў адстаючых цэхах [20, с. 165–166].

На асобных прамысловых прадпрыемствах Мінска і Віцебска юныя рабочыя ініцыявалі пераход ад ударных брыгад да ўдарных цэхаў, а ў Віцебску – нават пачынанні па пераходзе ад брыгад да камун, у рамках якіх прадугледжвалася супольнае карыстанне інструментамі, атрыманне зарплаты і яе расходванне. Але камсамольскія ячэйкі яшчэ слаба кіравалі юнацкімі ўдарнымі брыгадамі, з-за чаго ў шэрагу месцаў апошнія з цягам часу распаліся [21, л. 9–10]. Такое становішча сведчыць як аб наяўнасці вялікай ініцыятыўнасці рабочых юнакоў і дзяўчын у справе развіцця ўдарніцтва, так і аб негатыўнасці камсамола БССР да арганізацыйнай падтрымкі гэтага ўздыму.

Увогуле ў значнай частцы ЛКСМБ яшчэ не пераключыўся ў бок актыўнага ўдзелу ў штодзённым жыцці прамысловасці [6, л. 85]. Як рабочае юнацтва, так і камсамольцы рэспублікі паранейшаму яшчэ не разумелі ўсёй сутнасці сацыялістычнай рацыяналізацыі і індустрыялізацыі, што сведчыць пра дрэнна арганізаваную адпаведную растлумачальную працу, у першую чаргу з боку камсамольскага кіраўніцтва. Таму ў маладзёжным асяроддзі адзначаліся, з аднаго боку, вузка-цэхавыя настроі, хвастызм, а з другога – рвацтва пад выглядам брыгад сацыялістычнага спаборніцтва [12, л. 138].

Да таго ж камсамолу БССР даводзілася перанакіроўваць сваіх членаў на вырашэнне разнастайных складаных пытанняў. Так, у 1929 г. ЦК ЛКСМБ правёў мабілізацыю 150 камсамольцаў-рабочых у калгасы і 10 тыс. членаў саюза на лесанарыхтоўку: Мінск – 1900, Віцебск – 1800, Гомель – 1800, Бабруйск – 1500, Магілёў – 1500, Мазыр – 800, Полацк – 700 [22, л. 62]. Такія мабілізацыі не заўсёды праходзілі гладка. Напрыклад, на лесанарыхтоўцы 130 камсамольцаў запатрабавалі аплаты па 5 руб. у дзень, за што былі вернуты назад [23, л. 166].

У студзені 1930 г. рабочых ва ўзросце ад 14 да 23 гадоў у БССР налічвалася 14375 чалавек (32,1% ад усіх рабочых). З іх 53,3 % складалі асобы ва ўзросце 20–22 гадоў, 50,3 % – хлопцы (пры гэтым сярод 18–19-гадовых дзяўчыны складалі 53,2 %), 38,5 % – камсамольцы. Прычым юнакі былі ахоплены камсамолам на 46,1 %, а дзяўчаты – на 30,8 %. Найбольш саюзам былі ахоплены 18–19-гадовыя хлопцы і дзяўчыны да 18 гадоў, а найменш – юнакі да 18 гадоў і 20–22-гадовыя дзяўчыны [24, л. 29]. Як бачым, маладыя рабочыя рэспублікі ў гэты час пераважна з’яўляліся 20–22-гадовымі асобамі. Колькасць рабочых юнакоў і дзяўчат была амаль аднолькавая (з зусім мізэрнай перавагай хлопцаў). Камсамол жа ахопліваў ужо нават менш 40 % рабочай моладзі.

Па сацыяльным паходжанні юныя рабочыя БССР размеркаваліся наступным чынам: 57,6 % – выхадцаў з рабочых, 8,2 % – са служачых, 15,9 % – з сялян, 11,8 % – з саматужнікаў, 1 % – з гандляроў і 0,5 % – з іншых (сацыяльнае паходжанне 4 % не вядома). Некваліфікаванае і малакваліфікаванае рабочае юнацтва складала 88 %. Сярод рабочых юнакоў налічвалася толькі 116 высокакваліфікаваных, 881 кваліфікаваны, 2391 малакваліфікаваны, 3838 некваліфікаваных, а сярод рабочых дзяўчат – толькі 6 высокакваліфікаваных, 423 кваліфікаваныя, 1854 малакваліфікаваныя, 4866 некваліфікаваных. Сярод высокакваліфікаваных рабочых маладыя асобы складалі 5,5 %, сярод кваліфікаваных – 17 %, малакваліфікаваных – 29 %, некваліфікаваных – 40 %. І гэта пры высокім вытворчым стажы рабочай моладзі. На яе кваліфікацыю непасрэдна ўплывала бягучасць кадраў. Найбольш кваліфікаваныя юныя рабочыя працавалі ў наступных галінах: абутковая – 11,3 %, адзення і прадметаў туалету – 10,9 %. Найменш кваліфікаваная моладзь

працавала ў металаапрацоўчай галіне: 0,6 % ад высокакваліфікаваных і 6 % ад кваліфікаваных рабочых [6, л. 78–79]. Такое дрэннае становішча з кваліфікацыяй рабочага юнацтва сведчыць, што ні дзяржаўныя органы, ні кіраўніцтва прадпрыемстваў, ні ЛКСМБ, ні прафсаюзы не надавалі дастатковай увагі гэтаму пытанню.

У 1930 г. асноўная маса маладых рабочых рэспублікі канцэнтравалася ў наступных галінах прамысловасці: хімічная – 2330, шкляная – 1858, дрэваапрацоўчая – 1838, металаапрацоўчая – 1210, швейная – 1169, тэкстыльная – 987, панчошна-трыкатажная – 983, харчовая – 961 чалавек. У гэтых галінах было занята 78,9 % рабочай моладзі. У працэнтных адносінах да ўсіх рабочых найбольш юных асоб налічвалася ў панчошна-трыкатажнай (59,3 %), тарфяной (52,4 %), шкляной (47,1 %) і хімічнай (40,9 %) галінах. Па нацыянальным складзе рабочыя юнакі і дзяўчаты з’яўляліся пераважна беларусамі і яўрэямі. Беларускае юнацтва пераважала ў керамічнай, шкляной, хімічнай, дрэваапрацоўчай, папяровай, тэкстыльнай і тарфяной галінах, а маладыя яўрэі – у галіне апрацоўкі матэрыялаў жывёльнага паходжання, металаапрацоўчай, гарбарна-футравай, харчовай, швейнай, абутковай, панчошна-трыкатажнай і паліграфічнай. Беларуская моладзь у адрозненне ад яўрэйскай пераважна мела нізкую кваліфікацыю. Да таго ж недастаткова выконвалася дырэктыва кампартыі аб уцягненні юных яўрэяў у тыя галіны прамысловасці, у якія яны ў часы Расійскай імперыі доступу не мелі [6, л. 74–77, 118].

Пры гэтым юнакі ў пераважнай большасці працавалі ў металаапрацоўчай, керамічнай, дрэваапрацоўчай, гарбарна-футравай і абутковай галінах, большасць у шкляной, паліграфічнай, папяровай і харчовай галінах, а дзяўчаты ў пераважнай большасці працавалі ў хімічнай, тэкстыльнай і панчошна-трыкатажнай галінах, большасць – у галіне апрацоўкі матэрыялаў жывёльнага паходжання, швейнай і тарфяной [6, л. 75, 119].

У выніку хуткага росту прамысловасці БССР імкліва павялічвалася ўдзельная вага ў ёй маладых рабочых ва ўзросце да 30 гадоў, якія напрыканцы 1930 г. складалі 62,5 % ад усіх прамысловых рабочых. Рабочых ва ўзросце да 22 гадоў у буйной прамысловасці рэспублікі налічвалася 43,3 тыс. У большасці гэта былі юнакі і дзяўчаты, якія скончылі сямігодку, атрымалі прафесійную адукацыю ў школах ФЗН і прафтэхшколах, а таксама ў працэсе працы на вытворчасці ў парадку брыгаднага і індывідуальнага вучаніцтва. Многія з іх сталі наватарамі і ўдарнікамі вытворчасці, як, напрыклад, работніца Віцебскай фабрыкі “КІМ”, выхаванка дзіцячага дома А. Норкіна, якая хутка стала ўдарніцай, а праз пэўны час была абрана дэлегатка на VI Сусветны кангрэс Камуністычнага інтэрнацыянала моладзі ў 1935 г. і дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР [25, с. 265–266].

У пачатку 1930 г. камсамол БССР накіраваў яшчэ 2 тыс. сваіх членаў на лесанарыхтоўкі. Але з-за непадрыхтаванасці да прыёму рабочай сілы трэста “Лесбел” у шэрагу месцаў мабілізаваныя апынуліся ў дрэнных умовах (не было вопраткі, цёплых памяшканняў, хлеба, інструменту і г. д.) [26, л. 7]. Таму, напрыклад, у Віцебскай акрузе менш паловы з мабілізаваных на лесанарыхтоўкі камсамольцаў з’явіліся на працу, а сярод тых, хто з’явіўся, назіраліся выпадкі крадзяжу харчоў і інвентару, дэзерцірства, п’янства і абібоцтва. Так, адзін камсамалец у Высачанскім раёне заявіў, што ён не прыгонны і не збіраецца працаваць, за што быў арыштаваны. У Суражскім раёне 32 камсамольцы выкінулі камсамольскія білеты і псавалі лес, выконваючы толькі 0,3 % нормы, але патрабавалі поўнай нормы абслугоўвання. У Сенненскім раёне камсамольцы заяўлялі, што будуць рабіць не па нормах – столькі, колькі змогуць, а без аплаты ўвогуле не жадалі працаваць [27, л. 12].

У выніку ЛКСМБ сталі абвінавачваць у слабым удзеле ў лесанарыхтоўках [17, л. 110]. Таму згодна з пастановай Бюро ЦК камсамола рэспублікі ад 29 кастрычніка 1930 г. на сталую працу ў леспрамгасы была мабілізавана яшчэ 1 тыс. камсамольцаў з ліку лепшых ідэалагічна вытрыманных членаў вясковых ячэек [28, л. 208].

У снежні 1930 г. ЦК ЛКСМБ абвясціў чарговую мабілізацыю 1 тыс. камсамольцаў на работу ў лясную гаспадарку, але мабілізацыйная развёрстка не была выканана [26, л. 379–380; 28, л. 18], што можна патлумачыць незадаволенасцю ў правядзенні палітыкі масавай калектывізацыі. Толькі ў пачатку 1931 г. у лясную прамысловасць былі нарэшце мабілізаваны члены саюза ў колькасці 1 тыс. чалавек [30, л. 118].

Камсамольцы БССР былі мабілізаваны і на працу ў прамысловасць іншых рэгіёнаў СССР [31, л. 73]. Так, у сакавіку 1930 г. камсамол рэспублікі, ЦК якога меў прадстаўнікоў у трактар-цэнтры [32, л. 27–28], абавязаўся паслаць на будаўніцтва трактарнага завода ў Харкаў 1200 малых жыхароў БССР (Мінск – 175, Бабруйск – 150, Віцебск – 150, Гомель – 150, Магілёў – 150, Мазыр – 150, Орша – 150, Полацк – 125). З іх павінна было быць 70 % камсамольцаў, 10 % кіруючага камсамольскага актыву, 30 % дзяўчын і 50 % яўрэяў. Некаторыя камсамольскія АК нават перавыканалі вызначаныя працэнтныя прапорцыі развёрсткі. У выніку сярод мабілізаваных былі 415 (34,6 %) дзяўчат, 643 (53,6 %) яўрэі, 849 (70,8 %) камсамольцаў, 121 (10,1 %) камсамольскі актывіст, 200 батракоў, 300 беспрацоўных, 700 чорнарабочых [26, л. 62; 28, л. 35, 41]. Як бачым, у адрозненне ад шэрагу іншых мабілізацый гэта была паспяховая выканана, што сведчыць аб імкненні юнацтва рэспублікі да ўдзелу ў індустрыяльным будаўніцтве ў Савецкай Украіне.

Магчыма таму, у адпаведнасці з дырэктывай ЦК ВЛКСМ, ЦК ЛКСМБ 7 верасня 1930 г. пастанавіў мабілізаваць для працы ў каменна-вугальных шахтах Данбаса 2 тыс. камсамольцаў [28, л. 170; 33, л. 101].

Пры гэтым мабілізаваным кампенсавалася грашыма праезд у цвёрдым вагоне і правоз багажу. За 3 дні адпраўкі да пачатку працы ім штодзень выплачвалася 2 руб. 50 кап. сутачных, за навучанне на забойшчыка – 2 руб. 50 кап. у дзень, а на мацавальшчыка, бурыльшчыка і праходчыка – 2 руб. 35 кап. Кваліфікаваныя рабочыя пасля навучання і некваліфікаваныя рабочыя з першага дня працы атрымлівалі заробак у адпаведнасці з калектыўнымі дагаворамі. Праз тыдзень пасля прыбыцця кожнаму мабілізаванаму выдавалася 30 руб. авансу за кошт яго заробку, з умовай пагаднення на працягу 6 месяцаў. Мабілізаваныя павінны былі прапрацаваць у прызначаных шахтах не менш 6 месяцаў, а пры ўмове павышэння кваліфікацыі – не менш года. Калі гэтага не адбывалася па віне мабілізаванага ці ён звальняўся, адміністрацыя мела права спагнаць з яго кошт праезду і сутачныя. Калі на працягу года выконваліся ўстаноўленыя выхадныя і нормы выпрацоўкі, то мабілізаваны атрымліваў бязвыплатна аднаразовую дапамогу ў памеры сярэдняй 12-дзённай зарплаты. Кожны мабілізаваны пасля пачатку працы мог дамовіцца з адміністрацыяй прадпрыемства аб пераездзе сваёй сям’і да месца яго работы (выдаткі на пераезд, але не больш кошту 2 білетаў і правозу 80 кг багажу, аплачвала прадпрыемства, як і прадастаўляла жывое памяшканне ў тэрмін не больш года з дня працаўладкавання мабілізаванага) [31, л. 71].

Аднак, нягледзячы на такія ўмовы, шэраг РК ЛКСМБ недавыканалі развёрстку ці зусім яе праігнаравалі і ў Данбас напрыканцы верасня і ў пачатку кастрычніка 1930 г. былі накіраваны двума эшалонамі толькі 1615 камсамольцаў [17, л. 101]. Да таго ж НКП БССР несвоечасова забяспечыў камсамольскія эшалоны неабходнымі сродкамі, а Народны камісарыят гандлю рэспублікі – патрэбнымі рэчамі. Акрамя таго, некаторыя РК ЛКСМБ мабілізавалі камсамольцаў без неабходнай растлумачальнай работы і медагляду. Таму меліся выпадкі дэзерцірства з боку асобных мабілізаваных, але толькі ўсяго больш за 10 з іх вярнуліся ў БССР [26, л. 273–274, 290; 34, л. 24]. Гэта сведчыць пра меншую папулярнасць сярод камсамольцаў рэспублікі працы на шахтах Данбаса ў адрозненне ад будаўніцтва трактарнага завода ў Харкаве.

У красавіку 1930 г. ЛКСМБ вымушаны быў весці барацьбу супраць спроб ліквідацыі броні [26, л. 178]. І гэта нягледзячы на тое, што яе існуючыя нормы не задавальнялі патрэбы прамысловасці ў папаўненні кваліфікаванай рабочай сілай і не паслаблялі падлеткавага беспрацоўя, паколькі былі разлічаны толькі на папаўненне натуральнага змяншэння, а не на пашырэнне і будаўніцтва прадпрыемстваў [28, л. 62]. Гэта сведчыць пра незацікаўленасць прамысловых прадпрыемстваў у падлетках на броні і жаданне прыцягнуць на іх месцы рабочых старэйшых узростаў.

Да таго ж у БССР існаваў значны разрыў у аплаце працы падлеткаў і дарослых рабочых, бо асобныя гаспадарнікі разглядалі падлеткаў як танную падсобную рабсілу [28, л. 61, 65].

З 10 верасня 1930 г. камсамол рэспублікі стаў шэфам будаўніцтва фабрыкі «Магілёўвалакнобуд». Але ў пачатку кастрычніка саюзу так і не ўдалося мабілізаваць на яе будаўніцтва запланаваных 200 кваліфікаваных камсамольцаў. Тым не менш мабілізаваныя камсамольцы аказалі значную дапамогу ў пуску фабрыкі раней запланаванага тэрміну, нягледзячы на адсутнасць неабходных умоў працы і пражывання, асобныя выпадкі дэзерцірства і рвацтва [26, л. 259, 275–276, 344].

Аднак шэраг кампаній ЛКСМБ па падтрымцы айчынных прамысловасці пацярпелі няўдачу. Так, у снежні 1930 г. нездавальняюча прайшла дэкада збору камсамолам БССР металалому. Акрамя таго, газета саюза «Чырвоная змена» не прыняла належных захадаў для актывізацыі грамадскай думкі вакол ініцыятывы камсамольцаў завода «Большэвік», якія 27 снежня 1930 г. пачалі збор сродкаў на пабудову самалёта імя Х з'езда ЛКСМБ [26, л. 355, 394–395]. Не была выканана дырэктыва ЦК камсамола рэспублікі аб накіраванні буксірнай брыгады з 18 камсамольскіх актывістаў на адстаючыя прадпрыемствы [32, л. 27, 29]. Гарадоцкі, Камарынскі, Клімавіцкі, Клічаўскі, Лёзненскі, Лоеўскі, Мсціслаўскі, Петрыкаўскі, Рэчыцкі, Рагачоўскі, Сенненскі, Уваравіцкі, Чаўскі, Чэрыкаўскі, Шклоўскі камсамольскія РК не выканалі рашэнняў ЦК ЛКСМБ аб мабілізацыі 1 тыс. камсамольцаў на працу ў Данбас [35, л. 49–50, 91, 97; 36, л. 255].

Пры гэтым у прамысловасці БССР 84 % юных рабочых удзельнічалі ў сацыялістычным спаборніцтве. На многіх заводах і фабрыках усе камсамольцы сталі ўдарнікамі. У Мінску на заводзе «Энергія» і фабрыцы «Чырвоны кастрычнік» яны нават абавязаліся да канца пяцігодкі датэрмінова выканаць асабістыя пяцігодкі. Тон у гэтай справе задаваў камсамольскі актывіст, токар завода «Энергія» М. Казакевіч, які выконваў дзённыя нормы на 140–150 % [20, с. 166–167; 25, с. 210–211].

Разам з тым у Слуцку адзначаліся факты забастовак рабочай моладзі [17, л. 55]. Аднак, нягледзячы на ўсе хібы, сацыялістычнае спаборніцтва, пачатае па ініцыятыве камсамола, шырока разгарнулася на ўсіх фабрыках і заводах рэспублікі, вырасла ў масавы рух, накіраваны на выкананне пяцігодкі ў 4 гады. Гераічную працу камсамольцаў і моладзі БССР, іх шырокі ўдзел у сацыялістычным спаборніцтве адзначыў Х з'езд ЛКСМБ, які адбыўся ў студзені 1931 г. Бюро ЦК саюза сістэматычна заслухоўвала справаздачы камсамольскіх арганізацый аб развіцці сацыялістычнага спаборніцтва. На 240 прамысловых прадпрыемствах БССР у 1930 г. з 8744 камсамольцаў-рабочых 7380 (83 %) з'яўляліся ўдарнікамі. Увогуле працэнт ударнікаў сярод рабочага юнацтва рэспублікі быў вышэй за працэнт ударнікаў сярод усіх яе рабочых. Такому становішчу спрыяла і тое, што з красавіка 1931 г. арганізацыі КП(б)Б аказвалі штодзённую дапамогу камсамольскім ударным брыгадам, падтрымлівалі ініцыятыву камсамольскіх ячэек і асобных камсамольцаў. З гэтага часу пераходным сцягам ЦК ЛКСМБ пачалі ўзнагароджваць лепшыя ў справе разгортвання сацыялістычнага спаборніцтва прадпрыемствы [14, с. 53; 19, с. 135; 37, с. 193; 38, с. 92, 97, 99, 151].

Камсамольцы рэспублікі таксама ўдзельнічалі ў руху за паляпшэнне якасці прадукцыі [39, с. 178]. Працягвалася мабілізацыя камсамольцаў БССР на будаўніцтва індустрыяльных гігантаў у іншых савецкіх рэспубліках. Так, у 1931 г. на Уралмашынабуд былі мабілізаваны 100 камсамольцаў з БССР [32, л. 121].

ЛКСМБ таксама працягваў арганізоўваць збор металалому. Але, нягледзячы на значнае павелічэнне камсамольцамі рэспублікі адгрузкі лому металургічным заводам, большасць мясцовых арганізацый саюза не здолелі перавесці дасягнутыя поспехі ў сістэматычную работу. У выніку ў студзені 1931 г. план па забеспячэнні ломам металургічных заводаў быў не выкананы па чорных металах на 40 %, а па каляровых – на 58 %. У жніўні 1931 г. план збору металалому быў выкананы камсамолам БССР толькі на 12 %, асабліва слаба спрацавалі ў гэтым кірунку камсамольскія РК і ГК у Бабруйску, Віцебску і Магілёве [32, л. 23; 36, л. 226].

У жніўні 1931 г. ЛКСМБ уключыўся ў рэалізацыю плана трэста «Лесбел» па экспарце лесу. Аднак РК і ГК саюза нездавальняюча разгарнулі гэту справу, паколькі недаацанілі ўсёй важнасці выканання лесаэкспартнага плана. У кастрычніку – лістападзе для ўмацавання працы на лесанарыхтоўках былі мабілізаваны 1500 камсамольцаў, а ў снежні праведзена лясная камсамольская эстафета. У адпаведнасці з даручэннем сакратарыята ЦК камсамола рэспублікі быў нават арганізаваны камсамольскі леспрамгас [35, л. 200; 40, л. 25, 56, 112; 41, л. 45].

У 1930–1931 гг. ЛКСМБ вёў працу і па выкананні планавых заданняў торфаздабычы. Моладзь складала 60–70 % рабочых на торфанарыхтоўках. Але ў 1930 г. торфаплан саюзам не быў выкананы і ў 1931 г. праца камсамольскіх арганізацый таксама не была перабудавана належным чынам для выканання торфаплана, асабліва ў Быхаўскім, Клічаўскім і Смалявіцкім раёнах. Замест 1 тыс. на торфазаводы былі мабілізаваны толькі 298 камсамольцаў, паколькі большасць РК камсамола БССР халатна аднесліся да выканання рашэнняў аб мабілізацыі. ЦК ЛКСМБ

расцаніў гэта як ігнараванне і сабатаж сваіх рашэнняў. У выніку былі зняты некаторыя сакратары РК саюза і іх намеснікі. Была абвешчана мабілізацыя на торфараспрацоўкі яшчэ 1 тыс. камсамольцаў (500 з вёсак і 500 з гарадоў). Аднак Бабруйскі, Буда-Кашалёўскі, Веткаўскі, Віцебскі, Жлобінскі, Клімавіцкі, Крупскі, Мінскі, Мсціслаўскі, Уваравіцкі РК камсамола недавыканалі, а Лёзненскі і Пухавіцкі РК зусім не выканалі развёрстку па мабілізацыі камсамольцаў на торфазаводы.

Актыўную ролю ў справе мабілізацыі камсамольцаў і юнацтва рэспублікі на вырашэнне праблемы торфаздабычы адыграла «Чырвоная змена». Спачатку яе абвінавачвалі ў слабым асвятленні жыцця торфараспрацовак, але паступова яна разгарнула агітацыю за развіццё торфаздабычы. Па ініцыятыве «Чырвонай змены» і «Комсомольской правды» ажыццяўленне лозунга «Ператварыць БССР у тарфяны Данбас» было ўзята на ўсесаюзны кантроль. Таксама была падтрымана ініцыятыва «Чырвонай змены» аб выпуску спецыяльнай унутрырэспубліканскай пазыкі ў падтрымку ператварэння БССР у «тарфяны Данбас». Аднак сацыялістычнае спаборніцтва і ўдарніцтва не сталі дасягненнямі большасці камсамольскіх арганізацый торфазаводаў. Там адзначалася зусім нізкая вытворчасць працы брыгады (62,2 %) і аднаго рабочага (65,2 %). Нягледзячы на ўсе захады, сезонны план здабычы торфу ЛКСМБ быў выкананы толькі на 55 % з-за, галоўным чынам, несвоечасовай падрыхтоўкі балот, позняга атрымання машыннага абсталявання, няпоўнага выкарыстання і загрузкі машын, слабай арганізацыі працы і культурна-масавай работы на месцах, распылення кіраўніцтва, ураўнілаўкі, абязлічкі і адсутнасці ў большасці месцаў гаспадарчага разліку, наяўнасці побытавых праблем (жылыя памяшканні для рабочых не ацяпляліся, адсутнічала забеспячэнне вопраткай, абуткам, пасцельнымі прыналежнасцямі, дрэнным было харчаванне) [32, л. 124; 35, л. 28; 41, л. 20–21, 23–27; 42, л. 244, 257, 265; 43, л. 120–121, 135–136, 178, 200]. Як бачым, нават жорсткія захады кіраўніцтва ЦК камсамола рэспублікі не дапамагалі наладзіць унутры саюза справу торфаздабычы належным чынам, што сведчыць пра крызіс унутры ЛКСМБ.

Але, нягледзячы на ўсе цяжкасці і складанасці, у 1928–1932 гг. каля 10 тыс. камсамольцаў БССР былі накіраваны на працу ў лясную прамысловасць, а больш за 2 тыс. – на торфараспрацоўкі [44, с. 24].

У 1932 г. камсамол рэспублікі ўзяў шэфства над яе льнозаводамі. РК саюза аказвалі практычную дапамогу іх камсамольскім ячэйкам з мэтай кантролю за выкананнем дырэктыў кампартыі па развіцці льноперапрацоўкі. Але ход будаўніцтва і працы льнозаводаў слаба асвятляўся ў камсамольскім друку [45, л. 326–327].

З-за ігнаравання гаспадарчымі і камсамольскімі арганізацыямі на месцах і ў 1932 г. рашэнні V Пленума ЦК ЛКСМБ аб удзеле ў торфаздабычы не былі выкананы [46, л. 150]. Пераважная большасць арганізацый камсамола рэспублікі незадавальняюча ўдзельнічалі ў гэтай справе. Балоты былі падрыхтаваны да эксплуатацыі няпоўна і несвоечасова, кепска рамантавалася тэхніка, незадавальняюча была арганізавана праца, дрэннымі былі матэрыяльна-бытавыя ўмовы (недахоп жылплошчы, кепскія харчаванне і праца кааперацыі, антысанітарыя ў бараках, вельмі слабая культурна-масавая праца), што выклікала вялікую цяжучку кадраў. РК і ГК саюза не здолелі ажыццявіць апэратыўнае кіраўніцтва і дапамогу ячэйкам у арганізацыі торфаздабычы, мабілізаваць усе сілы камсамольцаў і юных рабочых на выкананне яе планаў [47, л. 105–106].

Разам з тым у 1932 г. 90 % камсамольцаў, якія працавалі ў прамысловасці БССР, былі ахоплены сацыялістычным спаборніцтвам, былі створаны 375 камсамольска-маладзёжных брыгад (многія з іх сталі ўдарнымі), якія паказвалі ўзоры выканання прамфінплана, арганізоўвалі з мэтай яго выканання масавыя вытворчыя паходы [38, с. 107–108, 141, 143–144, 146–147].

Працягвала расці (пераважна за кошт сельскіх юнакоў і дзяўчат) удзельная вага маладых рабочых у прамысловасці БССР. К канцу 1932 г. яны складалі 62,5 % рабочых рэспублікі, пры гэтым пераважала моладзь ва ўзросце да 23 гадоў, якая складала 40 % ад усіх рабочых, а ў буйной прамысловасці – нават 41 % (у 1929 г. – 32 %). Многія новыя прадпрыемствы («Гомсельмаш», «КІМ» і інш.) былі ў асноўным укамплектаваны юнацтвам [15, с. 70; 20, с. 160–161; 25, с. 266; 37, с. 203].

Юнакі і дзяўчаты актыўна вывучалі тэхніку, асвойвалі вытворчыя працэсы, удзельнічалі ў грамадскім жыцці прамысловых прадпрыемстваў, хутка пераймалі працоўны вопыт старэйшых пакаленняў рабочых [2, с. 522].

Так, пераможцам сацыялістычнага спаборніцтва ў 1932 г. стала ўдарная камсамольска-маладзёжная брыгада Н. Асташкі з Віцебскай швейнай фабрыкі «Сцяг індустрыялізацыі». Брыгада дамаглася лепшых паказчыкаў не толькі па БССР, але і сярод рабочых швейнай прамысловасці ўсяго СССР. У 1933 г. Н. Асташка першай з членаў ЛКСМБ была ўзнагароджана ордэнам Леніна [20, с. 169].

Пасля некаторага спаду ў 1929 г. паступова расла колькасць падлеткаў на броні ў прамысловасці ВСНГ рэспублікі і ў 1931 г. перавысіла ўзровень 1928 г. Так, на пачатак календарнага года іх налічвалася ў 1928 г. – 1876, 1929 г. – 1606, 1930 г. – 1690, 1931 г. – 2130, 1932 г. – 2679, у 1933 г. – 3075 чалавек [5, л. 28; 31, л. 43].

У 1933 г. на буйных прамысловых прадпрыемствах БССР сярод маладых рабочых пераважалі камсамольцы. Так, у металаапрацоўчай прамысловасці яны складалі 63 %, у папяровай – 57 %, у швейнай – 55 % [20, с. 161].

Аднак у лютым 1933 г. не было выканана рашэнне ЦК камсамола БССР аб перанакіраванні камсамольцаў на лесанарыхтоўкі з-за неаператыўнасці і неканкрэтнасці ў працы вытворча-тэхнічнага аддзела ЦК [48, л. 31, 33]. Тым не менш у красавіку ЛКСМБ прыняў выклік Кіеўскай абласной камсамольскай нарады спляўшчыкаў лесу на барацьбу за лепшы ўдзел ва ўсесаюзным спаборніцтве спляўшчыкаў [47, л. 67–68].

У 1934 г. камсамол рэспублікі працягваў удзельнічаць у лесасплавe. І хоць першапачаткова гэта справа была нездавальняюча арганізавана ў Бабруйскім, Барысаўскім, Бягомльскім, Бярэзінскім, Лепельскім, Мазырскім, Прапойскім, Рагачоўскім, Тураўскім, Чачэрскім РК саюза, сітуацыя хутка выправілася, дзякуючы мабілізацыі на спляў 300 лепшых камсамольцаў-ударнікаў, з іх 100 нават замацаваліся там на сталую працу. У выніку трэст «Лесбел» выдзяліў 4 тыс. руб., а прафсаюз лесаспляўшчыкаў – 2 тыс. руб. для прэміравання РК і ячэек ЛКСМБ за лепшыя вынікі правядзення двухдэкаднага лесасплаву. Больш таго, пастановамі ЦК камсамола БССР і Беларускага рэспубліканскага камітэта саюза лесу і сплаву з 5 кастрычніка 1934 г. быў абвешчаны двухдэкаднік рэйда-праверкі падрыхтаванасці лесспрамгасаў і лестрансгасаў да асенне-зімовай лесанарыхтоўкі і лесавывазкі [49, л. 87, 89, 91, 259]. Як бачым, нягледзячы на цяжасці і складанасці, ЛКСМБ працягваў надаваць значную ўвагу лесанарыхтоўкам, бо драўніна была востразапатрабаванай для прамысловага развіцця краіны.

Пад кіраўніцтвам кампартыі працягваўся актыўны ўдзел камсамола БССР у прамысловай вытворчасці [50, с. 11–12]. Камуністы і камсамольцы рэспублікі арганізавалі шэфства старэйшых рабочых над маладымі [2 с. 527; 51, л. 146].

Камсамольцы рэспублікі садзейнічалі перамяшчэнню з адміністрацыйных структур у цэхі прамысловых прадпрыемстваў значнай колькасці інжынерна-тэхнічных работнікаў [52, с. 146].

Па ініцыятыве ЛКСМБ было ўзнята пытанне аб ушчыльненні працоўнага дня ў прамысловасці, праведзены заводскія канферэнцыі і дні найвышэйшых паказчыкаў на многіх прадпрыемствах БССР [51, л. 147]. Аднак, нягледзячы на намаганні саюза, справа ўшчыльнення працоўнага дня ў прамысловасці ішла дрэнна. У 1934 г. амаль усе структуры камсамола рэспублікі павярхоўна падышлі да гэтай справы. Буйныя вытворчыя камсамольскія арганізацыі ў Бабруйску, Барысаве, Віцебску і Гомелі працу па ўшчыльненні працоўнага дня ў прамысловасці распачалі са спазненнем і праводзілі нездавальняюча. Усе ГК і РК ЛКСМБ не замацавалі праведзеную работу, не зрабілі яе сістэматычнай і штодзённай працай ячэек саюза [49, л. 325–327; 53, л. 2].

Акрамя таго, нягледзячы на забарону заканадаўствам, на льнозаводах у Горацкім, Лёзненскім, Сіроцінскім і Ушацкім раёнах выкарыстанне працы падлеткаў да 18 гадоў набыло сістэмны характар [54, л. 115], што сведчыць пра дрэнны кантроль як з боку дзяржавы, так і з боку камсамола за забеспячэннем выканання працоўнага заканадаўства ў адносінах да падлеткаў.

Разам з тым знакавай падзеяй стала праведзеная ў Мінску 29 лістапада – 1 снежня 1934 г. 1-я Усебеларуская канферэнцыя выдатнікаў Усесаюзнага таварыства за авалодванне тэхнікай у галіне цяжкай прамысловасці. Удзел у ёй прыняў першы сакратар ЦК ЛКСМБ А. Аўгустайціс, а ганаровым старшынёй канферэнцыі быў абраны І. Сталін [53, л. 1, 3, 84].

Увогуле ў 1934–1935 гг. толькі на прадпрыемствах лёгкай прамысловасці БССР з 13 900 юнакоў і дзяўчат 11 500 (83 %) паспяхова скончылі гурткі тэхнімуму і здалі тэхнічныя экзамены на «выдатна» [14, с. 62].

У 1935 г. толькі ў цэнзавай прамысловасці рэспублікі налічвалася 42 800 рабочых ва ўзросце да 23 гадоў (40 % ад усіх занятых у ёй рабочых) і 1800 маладых інжынераў і тэхнікаў (22 % ад усіх інжынерна-тэхнічных работнікаў гэтай прамысловасці). На прадпрыемствах жа Народнага камісарыята мясцовай прамысловасці БССР налічвалася 13 900 рабочых ва ўзросце да 23 гадоў (60 % ад усіх занятых рабочых). У тэкстыльнай, швейнай і трыкатажнай галінах гэты працэнт быў яшчэ вышэй [55, л. 51, 66].

На будаўніцтве буйных прамысловых прадпрыемстваў рэспублікі працавалі тысячы камсамольцаў. Значная частка авалодалі неабходнымі спецыяльнасцямі і сталі ўдарнікамі гэтых прадпрыемстваў пасля іх пуску [55, л. 8]. Увогуле сярод рабочага юнацтва БССР шырока разгарнулася сацыялістычнае спаборніцтва.

Ужо з верасня 1935 г. юныя рабочыя рэспублікі падхапілі пачын А. Стаханава. Асаблівымі дасягненнямі вызначыліся такія з іх, як А. Хаткоўскі, Н. Кавалёў, В. Новікаў, М. Новікава, В. Кузьмянкоў і Т. Падскачая, якая ўстанавіла ўсесаюзны рэкорд па вырабе панчоў. Камсамольцы былі ў авангардзе стаханаўскага руху. Аднымі з першых стаханаўцаў БССР сталі камсамолец Бабруйскага лесакамбіната М. Пазнякоў, які дамогся самай высокай у краіне прадукцыйнасці працы сярод фрэзероўшчыкаў – амаль 5 нормаў за змену; камсамалец Д. Сямёнаў з Мінскага станкабудаўнічага завода імя Кастрычніцкай рэвалюцыі, які выконваў за змену да 3 нормаў; камсамалец Віцебскага станкабудаўнічага завода «Чырвоны металіст» І. Кучарэнка, які выконваў за змену па 2–3 нормы; камсамолка Віцебскай фабрыкі «Сцяг індустрыялізацыі» А. Семінідава, якая выконвала норму на 610 %; камсамолка Мінскай абутковай фабрыкі Л. Маляўская, якая давяла выпрацоўку да 320 %; брыгадзір Гомельскай запалкавай фабрыкі «Везувій» камсамалец А. Лучкоўскі, які першы ў запалкавай прамысловасці СССР перавыканаў норму выпрацоўкі ў 2 разы і ўстанавіў сусветны рэкорд прадукцыйнасці працы на запалкавым аўтамаце «Сімплекс», дзякуючы павелічэнню колькасці абаротаў выпрацоўка аўтамата вырасла на 36 % (свой вопыт А. Лучкоўскі перадаў рабочым запалкавых фабрык Куйбышава і быў узнагароджаны ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга) [15, с. 85–87; 38, с. 180–181, 186, 214–216; 55, л. 49, 68; 56, с. 13–14; 57, с. 206].

3 лістапада 1935 г. у рэспубліцы разгарнуўся рух шматстаночнікаў, пачалі стварацца стаханаўскія брыгады, участкі і цэхі. Разам з тым праходзілі камсамольскія сходы, на якіх адзначаліся недахопы ў арганізацыі стаханаўскага руху [20, с. 206–207].

У 1936 г. нарэшце ўсе камсамольцы-рабочыя БССР зноў сталі ўдарнікамі. У рэспубліцы з’явіліся нават цэлыя стаханаўскія камсамольскія арганізацыі (першыя ўзніклі ў студзені на прамысловых прадпрыемствах Віцебска). У лютым у Віцебску іх было 13, у Гомелі – 10, Барысаве – 2, Мінску – 2, Магілёве – 1, Рэчыцы – 1. На шэрагу вядучых прамысловых прадпрыемстваў рэспублікі камсамольска-маладзёжныя брыгады сістэматычна, нават кожны месяц перавыконвалі вытворчыя планы [14, с. 58; 44, с. 29; 55, л. 48–49, 65–66].

У 1937 г. працягваўся актыўны прыток моладзі ў прамысловасць, што спрыяла паскарэнню прамысловага развіцця БССР, паспяхоўнаму выкананню заданняў другой пяцігодкі [2, с. 523]. З юнакоў і дзяўчат камплектаваліся не толькі шматлікія кадры прамысловых рабочых, але і інжынерна-тэхнічнай інтэлігенцыі. Так, у 1937 г. 70,4 % інжынерна-тэхнічных работнікаў прамысловасці рэспублікі складалі маладыя спецыялісты [15, с. 71; 20, с. 206].

У 1938 г. такія фабрыкі на Віцебшчыне, як «КІМ», «Сцяг індустрыялізацыі», «Прафітэрн», «Клара Цэткін» у большай ступені па складзе работнікаў былі маладзёжнымі, прычым большасць складалі дзяўчаты [58, л. 142].

У 1939 г. камсамольцы ў прамысловасці рэспублікі не толькі самі сумленна адносіліся да працы, паказвалі прыклады вытворчага энтузіязму, перадавалі свой вопыт адстаючым таварышам, але і змагаліся за дакладную і бесперабойную працу кожнай брыгады, цэха і змены. Так, на заводах «Большэвік» і «Чырвоная зорка» ў Мінску ўсе члены ЛКСМБ сталі стаханаўцамі. Летам 1939 г. камсамольцы Віцебскай ільнопрадзільнай фабрыкі першымі ў БССР сталі працаваць на некалькіх станках. З велізарным энтузіязмам маладое пакаленне адгукалася на заклікі кампартыі ісці працаваць у тыя ці іншыя галіны прамысловасці [20 с. 235–237; 59, л. 454; 60, л. 30; 61, л. 94; 62, с. 125–126].

Акрамя таго, на 26 заводах і фабрыках БССР камсамольцы ўнеслі 688 рацыяналізатарскіх прапаноў. Іх укараненне ў вытворчасць прынесла 1 млн 556 тыс. руб. эканоміі за год [63, л. 206].

З 1939 г. у рэспубліцы пачалі стварацца стаханаўскія школы (галоўным чынам па аднародных прафесіях і кваліфікацыях), у якіх сотні лепшых стаханаўцаў дзяліліся з іншымі рабочымі сваім каштоўным вопытам [62, с. 146].

Такім чынам, ажыццяўленне палітыкі індустрыялізацыі прывяло да амалажэння працоўных кадраў прамысловасці БССР.

Напрыканцы 1920-х гг. рабочае юнацтва рэспублікі пераважна было прадстаўлена 20–22-гадовымі асобамі. Колькасць рабочых юнакоў і дзяўчын была амаль аднолькавая (з зусім мізэрнай перавагай хлопцаў). Па нацыянальным складзе яны былі пераважна беларусамі і яўрэямі. Пры гэтым большасць беларускай рабочай моладзі, у адрозненне ад яўрэйскай, мела нізкую кваліфікацыю.

ЛКСМБ не заставаўся ў баку ад індустрыялізацыі. Ён актыўна ўдзельнічаў у будаўніцтве новых заводаў і фабрык, падрыхтоўцы кадраў для іх. Паступова расла практычная роля саюза, асабліва яго вытворчых арганізацый, у развіцці прамысловасці. Члены камсамола рэспублікі паказвалі прыклады высокай вытворчасці працы, уносілі рацыяналізатарскія прапановы, нават стваралі цэлыя рацыяналізатарскія групы, якія дамагліся шматтысячнай эканоміі, а таксама камсамольска-маладзёжныя брыгады на рашаючых участках вытворчасці ці ў адстаючых цэхах.

Пры гэтым калі ў 1928 г. камсамольцамі з'яўлялася большая частка юных рабочых рэспублікі, то ўжо з 1929 г. сярод маладых рабочых члены ЛКСМБ складалі менш за палову, што сведчыць пра значны прыток у прамысловасць БССР несаюзнага юнацтва.

У цэлым напрыканцы 1920-х гг. праца камсамола і прафсаюзаў рэспублікі па абароне інтарэсаў юных рабочых палепшылася. У выніку рабочая моладзь больш упэўнена адчувала сябе ў прамысловай вытворчасці. Масы юнакоў і дзяўчат былі прыцягнуты ў прамысловасць, удзельнічалі ў барацьбе за рэжым эканоміі, паляпшэнне тэхналагічных працэсаў і працоўнай дысцыпліны, павелічэнне вытворчасці працы. Дзякуючы росту кваліфікацыі, а таксама дзяржаўнай палітыцы па павелічэнні зарплат нізкааплачаных груп працоўных, узраслі заробкі маладых рабочых. Пры гэтым больш марудным быў рост колькасці юнацтва і яго заробкаў у саматужнай прамысловасці.

Тым не менш у БССР меліся і значныя хібы ў працы ЛКСМБ і прафсаюзаў з гаспадарчымі органамі. Для апошніх маладзёжныя праблемы ў прамысловасці заставаліся другараднымі. Недастатковую ўвагу надавала гэтаму пытанню і дзяржава, што можна патлумачыць сканцэнтраванасцю яе кіраўніцтва на больш хуткім вырашэнні задачы прамысловага росту.

Увогуле ў значнай частцы камсамол рэспублікі яшчэ не пераключыўся ў бок актыўнага ўдзелу ў штодзённым жыцці прамысловасці і аказаўся не гатовым да належнай арганізацыйнай падтрымкі росту ініцыятыўнасці рабочых юнакоў і дзяўчат у справе развіцця ўдарніцтва. Рабочая моладзь, у тым ліку і камсамольцы, яшчэ не разумела ўсёй сутнасці сацыялістычнай рацыяналізацыі і індустрыялізацыі, што сведчыць пра дрэнна арганізаваную адпаведную растлумачальную працу, у першую чаргу з боку камсамольскага кіраўніцтва. Таму ў маладзёжным асяроддзі адзначаліся, з аднаго боку, вузкацэлавыя настроі, хвастызм, а з другога – рвацтва пад выглядам брыгад сацыялістычнага спаборніцтва. Юныя рабочыя слаба ўдзельнічалі ў вытворчых нарадах і працы вытворчых камісій на прадпрыемствах. Адзначаліся нават адзінкавыя факты забастовак маладых рабочых.

Усё яшчэ нізкай заставалася кваліфікацыя большасці рабочага юнацтва. Ні дзяржаўныя органы, ні кіраўніцтва прадпрыемстваў, ні ЛКСМБ, ні прафсаюзы не надавалі дастатковай увагі гэтаму пытанню.

Складаным было становішча падлеткаў у прамысловасці. Нягледзячы на патрабаванні заканадаўства, іх значную колькасць выкарыстоўвалі на шкоднай і начной працы (асабліва ў шкляной галіне), нормы працоўнага часу падлеткаў (асабліва на саматужных прадпрыемствах) не вытрымліваліся. Асобныя гаспадарчыя органы, у першую чаргу на месцах, не прымалі ніякіх мер па камплектаванні падлеткавай броні на прамысловых прадпрыемствах. Прычым, калі коль-

касць падлеткаў на броні ў прамысловасці напрыканцы 1920-х гг. вагалася, то іх працэнт сярод рабочых няўхільна скарачаўся. Тэмп разбранавання адставаў ад ліку зноў прынятых па броні. Адсутнічала ўвязка яе працэнта з рэальнымі патрэбамі і магчымасцямі прамысловых прадпрыемстваў, што прывяло да росту колькасці пераросткаў сярод падлеткаў на броні і выкарыстання значнай іх часткі на некваліфікаванай працы.

Каб вырашыць гэту сітуацыю, быў прыняты новы закон, які ўстанавіў значна ніжэйшыя нормы броні. У выніку ў другой палове 1928 г. у прамысловасці рэспублікі адбылося значнае зніжэнне колькасці падлеткаў. Але ўжо напрыканцы 1929 г., дзякуючы палітыцы індустрыялізацыі, колькасць падлеткаў у прамысловасці вырасла ў параўнанні з канцом 1928 г. амаль у 2 разы, а колькасць дзяўчат сярод іх нават больш чым у 2 разы. Прычым у працэнтных адносінах пераважалі падлеткі-хлопцы, што можна патлумачыць прыярытэтным развіццём галін, дзе мала выкарыстоўвалася жаночая праца. Пры гэтым колькасць падлеткаў на броні ў прамысловасці рэспублікі толькі ў пачатку 1931 г. перавысіла ўзровень пачатку 1928 г.

Нават у 1930 г. камсамол БССР вымушаны быў весці барацьбу супраць спроб ліквідацыі броні. І гэта нягледзячы на тое, што яе існуючыя нормы не задавальнялі патрэбы прамысловасці ў папаўненні кваліфікаванай рабочай сілай і не паслаблялі падлеткавага беспрацоўя, бо былі разлічаны толькі на папаўненне натуральнага змяншэння, а не на пашырэнне і будаўніцтва прадпрыемстваў. Гэта сведчыць аб выразнай незацікаўленасці прамысловых прадпрыемстваў рэспублікі ў падлетках на броні і жаданні прыцягнуць на іх месцы рабочых старэйшых узростаў, што можна патлумачыць імкненнем паскорыць рост вытворчасці працы.

Належны кантроль як з боку дзяржавы, так і з боку ЛКСМБ за забеспячэннем выканання працоўнага заканадаўства ў адносінах да падлеткаў быў наладжаны толькі ў 2-й палове 1930-х гг.

На працягу разглядаемага перыяду камсамолу БССР даводзілася перанакіроўваць сваіх членаў на вырашэнне разнастайных складаных пытанняў, мабілізоўваць іх у розныя галіны прамысловасці як рэспублікі, так і іншых рэгіёнаў СССР. Такія мабілізацыі не заўсёды праходзілі гладка. Але, нягледзячы на ўсе цяжкасці і складанасці, тысячы камсамольцаў БССР былі накіраваны на працу ў важнейшыя для дзяржавы галіны прамысловасці і на будаўніцтва новых прамысловых прадпрыемстваў.

У цэлым шэраг кампаній ЛКСМБ па падтрымцы айчынай прамысловасці пацярпеў няўдачу з-за крызісу кіравання ўнутры саюза і загрузанасці яго ячэек іншымі надзённымі справамі.

Нягледзячы на ўсе хібы, пачатае па ініцыятыве камсамола сацыялістычнае спаборніцтва ў 1930-я гг. вырасла ў масавы рух рабочых юнакоў і дзяўчат рэспублікі. На многіх заводах і фабрыках усе камсамольцы былі ўдарнікамі, а ў 1936 г. імі сталі ўсе камсамольцы-рабочыя БССР. У рэспубліцы з'явіліся нават цэлыя стаханаўскія камсамольскія арганізацыі. Увогуле працэнт ударнікаў сярод рабочай моладзі БССР быў вышэй за працэнт ударнікаў сярод усіх яе рабочых. Такому становішчу спрыяла і тое, што з 1931 г. арганізацыі КП(б)Б аказвалі штодзённую дапамогу камсамольскім ударным брыгадам, падтрымлівалі ініцыятыву ячэек ЛКСМБ і асобных камсамольцаў.

У 1930-я гг. працягвала расці ўдзельная вага юных рабочых у прамысловасці рэспублікі. З маладога пакалення камплектаваліся не толькі шматлікія кадры прамысловых рабочых, але і інжынерна-тэхнічнай інтэлігенцыі. З велізарным энтузіязмам юнацтва адгукалася на заклікі кампартыі ісці працаваць у тыя ці іншыя галіны прамысловасці. Юнакі і дзяўчаты актыўна вывучалі тэхніку, асвойвалі вытворчыя працэсы, удзельнічалі ў грамадскім жыцці прамысловых прадпрыемстваў. Вялікую эканомію дзяржаўных сродкаў прынесла ўкараненне ў вытворчасць рацыяналізатарскіх прапаноў моладзі. Пад кіраўніцтвам кампартыі працягваўся актыўны ўдзел камсамола БССР у прамысловай вытворчасці і будаўніцтве прамысловых прадпрыемстваў. Камсамольцы ў прамысловасці рэспублікі не толькі самі сумленна адносіліся да працы, паказвалі прыклады вытворчага энтузіязму, перадавалі свой вопыт адстаючым таварышам, але і змагаліся за дакладную і бесперабойную працу кожнай брыгады, цэха і змены.

У цэлым юнацтва адыграла рашаючую ролю ў паспяховым правядзенні палітыкі індустрыялізацыі, стварэнні магутнай айчынай прамысловасці, паскарэнні прамысловага развіцця БССР.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 5. Спр. 778.
2. Гісторыя Беларускай ССР. Т. 3. / І. Я. Івашненка, М. Я. Стральцоў, М. І. Злотнік [і інш.]; пад рэд. І. Я. Марчанкі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – 696 с.
3. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 76.
4. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 465.
5. НАРБ. – Ф. – 63п. Воп. 2. Спр. 452.
6. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 544.
7. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 355.
8. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 448.
9. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 504.
10. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 83.
11. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 359.
12. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 93.
13. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 506.
14. Жураў, А. Е. Комсамол Беларусі ў барацьбе за соцыялізм / А. Е. Жураў. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1957. – 76 с.
15. Жураў, А. Я. У баях народжаны. Кароткі нарыс гісторыі камсамола Беларусі / А. Я. Жураў. – Мінск: Нар. асвета, 1970. – 224 с.
16. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 2. Спр. 71.
17. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 108.
18. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 523.
19. Развитие социалистического соревнования в Белорусской ССР (1919–1941 гг.). Документы и материалы / сост. Р. С. Васильева, Т. А. Воробьева (отв.), М. Т. Минько, Л. Ф. Сакович; под ред. В. И. Вышинского [и др.]. – Минск: Беларусь, 1980. – 272 с.
20. Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии / А. Е. Журов, С. Г. Анисов, Г. П. Антипов [и др.]; под ред. А. Е. Журова [и др.]. – Минск: Беларусь, 1975. – 536 с.
21. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 477.
22. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 96.
23. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 301.
24. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 677.
25. Завалеев, Н. Е. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм. 1917–1932 гг. / Н. Е. Завалеев. – Минск: Наука и техника, 1967. – 316 с.
26. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 101.
27. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 391.
28. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 105.
29. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 526.
30. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 109.
31. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 310.
32. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 126.
33. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 102.
34. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 100.
35. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 128.
36. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 130.
37. Герасименко, Г. Г. Деятельность компартии Белоруссии по вовлечению трудящихся масс в управление государством (1925–1937 гг.) / Г. Г. Герасименко. – Минск: Изд-во БГУ, 1973. – 232 с.
38. Шкляр, Е. Н. КПБ – организатор социалистического соревнования в промышленности республики (1926–1941 гг.) / Е. Н. Шкляр. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 272 с.
39. Индустриализация Белорусской ССР (1926–1941 гг.): сб. док. и материалов / сост.: Р. С. Васильева, Л. П. Нарыш-блук, К. Ф. Плахотникова, Л. Н. Яшенко (отв.); под ред. В. Н. Жигалова [и др.]. – Минск: Беларусь, 1975. – 468 с.
40. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 122.
41. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 538.
42. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 114.
43. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 120.
44. Комсомол Белоруссии. Цифры и факты / текст подгот. П. Чигриновым. – Минск: Беларусь, 1968. – 80 с.
45. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 493.
46. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 132.
47. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 134.
48. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 135.
49. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 136.
50. Жукович, Г. С. Участие комсомола в государственном управлении / Г. С. Жукович. – Минск: Наука и техника, 1969. – 116 с.

51. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 608.
52. Лагун, С. Р. Укрепление Советов Белоруссии и повышение их роли в строительстве социализма / С. Р. Лагун. – Минск: Наука и техника, 1970. – 304 с.
53. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 612.
54. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 606.
55. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 139.
56. Шестерка. Опыт комсомольско-молодежной стахановской бригады машиностроительного завода имени Кирова. – Минск: Выд-ва АН БССР, 1936. – 22 с.
57. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905–1969 гг.) / Л. П. Липинский, В. Г. Гневко, Н. Е. Завалеев [и др.]; под ред. И. Н. Макарова (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 1970. – 476 с.
58. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 635.
59. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 3. Спр. 990.
60. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 3. Спр. 1107.
61. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 3. Спр. 1211.
62. Росман, И. С. Компартия Белоруссии в борьбе за упрочение социалистического общества в предвоенные годы (1938 – июнь 1941 гг.) / И. С. Росман. – Минск: Беларусь, 1975. – 352 с.
63. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 3. Спр. 1113.

References

1. *Natsyyanal'ny arkhiv Respubliki Belarus* [National Archive of the Republic of Belarus] (NARB), F. 4p., Vop. 5, Spr. 778.
2. Marchanka, I. Y. (ed.) (1973), *Gistoryya Belaruskai SSR, T. 3 Peramoga Vyalikai Kastrychnitskai satsyyalistychnai revalyutsyi i pabudova satsyyalizmu ŷ BSSR (1917–1937 gg.)* [History of the Byelorussian SSR, Vol.3 The victory of the Great October Socialist Revolution and the building of socialism in the Byelorussian SSR (1917–1937 years)], Navuka i tekhnika, Minsk, BY.
3. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 76.
4. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 465.
5. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 452.
6. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 544.
7. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 355.
8. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 448.
9. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 504.
10. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 83.
11. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 359.
12. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 93.
13. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 506.
14. Zhuraŷ, A. E. (1957), *Kamsamol Belarusi ŷ barats'be za satsyyalizm* [Young Communist League of Byelorussia in the Struggle for Socialism], Dzyarzhazhnae vydavetstva BSSR, Minsk, BY.
15. Zhuraŷ, A. Y. (1970), *U bayakh narodzhany. Karotki narys gistoryi kamsamola Belarusi* [Born in Battle: A Short History of the Young Communist League of Byelorussia], Narodnaya asveta, Minsk, BY.
16. NARB, F. 4p., Vop. 2, Spr. 71.
17. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 108.
18. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 523.
19. Vyshinskii, V. I. (ed.) (1980), *Razvitie sotsialisticheskogo sorevnovaniya v Belorusskoi SSR (1919–1941 gg.). Dokumenty i materialy* [The Development of Socialist Competition in the Byelorussian SSR (1919–1941). Documents and Materials], Belarus', Minsk, BY.
20. Zhurov, A. E. (1975), *Ocherki istorii Leninskogo komsomola Belorussii* [Essays on the History of the Leninist Young Communist League of Byelorussia], Belarus', Minsk, BY.
21. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 477.
22. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 96.
23. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 301.
24. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 677.
25. Zavaleev, N. E. (1967), *Rabochii klass Belorussii v bor'be za sotsializm. 1917–1932 gg.* [Working Class of Byelorussia in the Struggle for Socialism. 1917 – 1932], Nauka i tekhnika, Minsk, BY.
26. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 101.
27. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 391.
28. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 105.
29. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 526.
30. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 109.
31. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 310.
32. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 126.
33. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 102.
34. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 100.

35. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 128.
36. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 130.
37. Gerasimenko, G. G. (1973), *Deyatel'nost' kompartii Belorussii po вовlecheniyu trudyashchikhsya mass v upravlenie gosudarstvom (1925–1937 gg.)* [The Activities of the Communist Party of Byelorussia to Engage the Working Masses in the Administration of the State (1925–1937)], Izdatel'stvo BGU, Minsk, BY.
38. Shklyar, E. N. (1974), *KPB – organizator sotsialisticheskogo sorevnovaniya v promyshlennosti respubliki (1926–1941 gg.)* [The CPB as the Organizer of Socialist Competition in the Industry of the Republic (1926–1941)], Izdatel'stvo BGU, Minsk, BY.
39. Zhigalov, V. N. (ed.) (1975), *Industrializatsiya Belorusskoi SSR (1926–1941 gg.). Sbornik dokumentov i materialov* [The Industrialization in the Byelorussian SSR (1926–1941). Collection of Documents and Materials], Belarus', Minsk, BY.
40. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 122.
41. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 538.
42. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 114.
43. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 120.
44. Chigrinov, P. (1968), *Komsomol Belorussii. Tsifry i fakty* [The Young Communist League of Byelorussia. Facts and Figures], Belarus', Minsk, BY.
45. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 493.
46. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 132.
47. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 134.
48. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 135.
49. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 136.
50. Zhukovich, G. S. (1969), *Uchastie komsomola v gosudarstvennom upravlenii* [Participation of the Young Communist League in Public Administration], Nauka i tekhnika, Minsk, BY.
51. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 608.
52. Lagun, S. R. (1970), *Ukreplenie sovetov Belorussii i povyshenie ikh roli v stroitel'stve sotsializma* [Strengthening the Soviets in Byelorussia and Enhancing Their Role in the Establishment of Socialism], Nauka i tekhnika, Minsk, BY.
53. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 612.
54. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 606.
55. NARB, F. 63p., Vop. 1, Spr. 139.
56. (1936), Shesterka. *Opyt komsomol'sko-molodezhnoi stakhanovskoi brigady mashinostroitel'nogo zavoda imeni Kirova* [The Six: The Experience of the Komsomol Members' Stakhanov-type Shock Work Team at the Kirov Machine Building Factory], Vydavetstva AN BSSR, Minsk, BY.
57. Makarov, I. N. (ed.) (1970), *Ocherki istorii profsoyuzov Belorussii (1905–1969 gg.)* [Essays on the History of Trade Unions in Byelorussia (1905–1969)], Belarus', Minsk, BY.
58. NARB, F. 63p., Vop. 2, Spr. 635.
59. NARB, F. 4p., Vop. 3, Spr. 990.
60. NARB, F. 4p., Vop. 3, Spr. 1107.
61. NARB, F. 4p., Vop. 3, Spr. 1211.
62. Rosman, I. S. (1975), *Kompartiya Belorussii v bor'be za uprochenie sotsialisticheskogo obshchestva v predvoennyye gody (1938 – iyun 1941 gg.)* [The Communist Party of Byelorussia in the Struggle to Consolidate the Socialist Society in the Pre-war Years (1938 – June 1941)], Belarus', Minsk, BY.
63. NARB, F. 4p., Vop. 3, Spr. 1113.

Информация об авторе

Данилович Вячеслав Викторович – канд. ист. наук, доцент, директор ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Danilovich_V@mail.ru.

Information about the author

Danilovich Vyacheslav Viktorovich, Ph. D. (Hist.), Assistant Professor, Director of the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: Danilovich_V@mail.ru.

Для цитирования

Даніловіч, В. В. Моладзь у індустрыяльным будаўніцтве БССР (1928–1939) / В. В. Даніловіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 33–48.

For citation

Danilovich V. V. Youth in the BSSR Industrial Development (1928–1939). Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 33–48.

ISSN 0321-1649 (print)

УДК УДК 94(476–15)+94(438)

Паступіў у рэдакцыю 08.12.2015

Received 08.12.2015

В. І. Кривуць

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, Баранавічы, Рэспубліка Беларусь

ПАЛІТЫКА ПОЛЬСКИХ УЛАД ПА ВАЕННАЙ ПАДРЫХТОЎЦЫ МОЛАДЗІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.)

Аналізуецца такая малоизученная в отечественной историографии проблема, как военно-подготовительная работа польских властей в молодежной среде Западной Беларуси в межвоенный период. Характеризуются основные задачи и направления деятельности по привлечению общества к усилению обороноспособности польского государства, а также особенности проведения этой акции на территории западнобелорусского региона. Оценивается роль общественных и государственных структур, в первую очередь молодежных военизированных организаций, армии и системы образования в осуществлении военной подготовки (ВП) молодого поколения. Подчеркивается, что деятельность в данной сфере особенно активизировалась после установления в польском государстве «санационного» режима во главе с маршалом Ю. Пилсудским, который был инициатором создания строго централизованной системы акции ВП. Польские власти помимо непосредственно военного обучения подрастающего поколения ставили перед собой задачу и его гражданско-патриотического воспитания, которое в условиях Западной Беларуси носило ярко выраженный полонизаторский характер. Отдельно анализируются основные препятствия, мешавшие эффективной реализации военной подготовки молодежи западнобелорусского региона, – в первую очередь его социально-экономическая отсталость и враждебность значительной части местного населения по отношению к любым мероприятиям польских властей. Используются различные документальные и историографические источники.

Ключевые слова: военная подготовка, молодежь, молодежная политика, Западная Беларусь, «санация».

V. I. Krivuts

baranovich State University, Baranovich, Republic of Belarus

THE POLISH AUTHORITIES' POLICY ON MILITARY TRAINING FOR YOUNG PEOPLE IN WESTERN BELARUS (1921–1939)

The article explores an issue which has so far received little attention in Belarusian historiography, i.e. military preparations by the Polish authorities among Western Belarusian youth in the Interwar Period. Main objectives and areas of activities to involve the society in strengthening the defence capacity of the Polish state and specifics of these activities in Western Belarus are described. The role which public and governmental structures, first of all, militarized youth organizations, the army and education system played in military training (MT) for the young generation is evaluated. It is noted that these activities particularly intensified after the Sanation regime was established in the Polish state. It was headed by Marshal J. Pilsudski who initiated a rigidly centralized MT system. Besides ensuring military training for the younger generation, Polish authorities tasked themselves with educating it in terms of loyalty and patriotism. In the Western Belarusian context, that meant clear-cut polonization. A separate analysis covers main barriers to efficiently implement MT for young people in Western Belarus. These are, first of all, the region's social and economic backwardness, and hostile attitude among the majority of the local population towards any action by Polish authorities. The article uses various documentary and historiographical sources.

Keywords: military training, youth, youth policy, Western Belarus, Sanation.

Галоўнай мэтай афіцыйнай маладзёжнай палітыкі польскіх улад у міжваенны перыяд было абвешчана выхаванне грамадзяніна-дзяржаўніка, байца і працаўніка ў адной асобе. У сувязі з гэтым адным з асноўных кірункаў працы ў маладзёжным асяроддзі, у тым ліку і на тэрыторыі Заходняй Беларусі, стала ваенная падрыхтоўка (ВП) маладога пакалення. На жаль, дадзеная праблематыка не знайшла належнага адлюстравання ў айчынных гістарыяграфіі. Таму існуе неабходнасць раскрыцця мэт, задач і метадаў ваенна-падрыхтоўчай працы афіцыйных структур міжваеннай польскай дзяржавы сярод заходнебеларускай моладзі, што дазволіць скласці больш аб'ектыўнае ўяўленне аб грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі ў 1920–1930 гг.

Неабходна адзначыць, што ВП моладзі займала значнае месца ў маладзёжнай палітыцы практычна ўсіх краін міжваеннай Еўропы. Вопыт Першай сусветнай вайны паказваў, што вайна не з'яўляецца справай вузкай вайскавай эліты і арміі. Яшчэ ў 1923 г. адзін з будучых кіраўнікоў «санацыі» А. Коц адзначаў, што мэтанакіраваная падрыхтоўка ўсяго грамадства да вырашэння задач па абароне краіны мае рашаючае значэнне для вынікаў вайны. Ён называў падрыхтоўку рэзерваў фактарам нацыянальнай сілы. На думку А. Коца, падрыхтоўка рэзерваў павінна была ахопліваць і моладзь [1, с. 70]. Акрамя таго, польскія вайсковыя колы ўлічвалі геапалітычнае і фінансавое становішча сваёй краіны. Так, Р. Старжынскі, маёр польскага Генеральнага штаба, адзначаў: «Маючы на захадзе Германію з 60-мільённым насельніцтвам, на ўсходзе – Расію з яе 120 мільёнамі жыхароў, мы будзем мець справу са шматмільённымі арміямі, якім не зможам супрацьпаставіць роўную па сілах рэгулярную армію... Паколькі бюджэтныя магчымасці не дазваляюць утрымліваць моцную рэгулярную армію, мы павінны шукаць іншыя шляхі» [2, с. 59].

Такім іншым шляхам і стала ВП насельніцтва, у першую чаргу моладзі. Пры гэтым у руках ваенных заставаліся агульнае кіраўніцтва і кантроль, а непасрэдная рэалізацыя праграм навучання даручалася грамадскім арганізацыям і школе. Навучанне павінна было засноўвацца на прынцыпе добраахвотнасці. Заняткі праводзіліся як ваеннымі, так і цывільнымі спецыялістамі [3, с. 21–22].

Пры гэтым афіцыйныя дакументы рэкамендавалі пры правядзенні ваенна-падрыхтоўчай працы ўлічваць мясцовыя ўмовы – стратэгічнае становішча мясцовасці, яе этнаграфічны склад і «дзяржаўніцкія пачуцці грамадзян» [3, с. 26]. Польскія ўлады апасаліся, што пры правядзенні ВП моладзі на ўскраінах краіны, у тым ліку і на тэрыторыі заходнебеларускіх ваяводстваў, могуць узнікнуць «афіцыйныя дружыны з нявыгадным нацыянальным складам» [4, с. 13].

У пачатку 1920-х гг. дазвол на правядзенне ВП атрымалі Стралецкі саюз «Стралец», Саюз польскага харцарства (СПХ), «Сокал» і шэраг рэгіянальных арганізацый (у тым ліку віленскае Таварыства абароны крэсаў). Да сярэдзіны 1920-х гг. гэты спіс значна павялічыўся [5, с. 25]. Пры гэтым тагачасныя інструкцыі ваеннага міністэрства прадугледжвалі, што членамі гэтых арганізацый могуць быць выключна палякі. Тыя ж інструкцыі рэкамендавалі ўважліва адносіцца да ўзбраення членаў арганізацый ВП на тэрыторыі памежных акруг польскай дзяржавы [4, с. 126–127].

У снежні 1922 г. было выдадзена сумеснае распараджэнне міністра асветы і міністра ваенных спраў аб арганізацыі ВП у сярэдніх і прафесійных школах. Згодна з ім у школах уводзіліся добраахвотныя заняткі ваеннай падрыхтоўкі, якія праходзілі ў спецыяльна створаных дзеля гэтага школьных атрадах (гуфцах) [6, с. 2–5].

На першапачатковым этапе вайсковыя колы былі незадаволены развіццём акцыі ВП. Так, напрыклад, яны абвінавачвалі грамадскія арганізацыі ў празмернай палітызацыі ваеннага навучання, нездаровай канкурэнцыі і «арганізацыйным хаосе» [7, с. 118]. Прадстаўнікі польскага Генеральнага штаба адзначалі ў 1925 г., што ВП ахоплівае толькі 7% прызыўнікоў (без уліку школьнікаў). Пры гэтым толькі 9% членаў арганізацый ВП прыпадалі на ўсходнія ваяводствавы [3, с. 42].

Сітуацыя ў сферы ВП пачала кардынальна мяняцца пасля майскага дзяржаўнага перавароту 1926 г. Польскі дыктатар Ю. Пілсудскі з'яўляўся гарачым прыхільнікам дадзенай акцыі. Маршал лічыў, што галоўную ролю ў развіцці ваеннай падрыхтоўкі павінны адыгрываць школа, армія і іншыя дзяржаўныя інстытуты. Дапаможныя функцыі ён адводзіў мясцоваму самакіраванню, грамадскім і спартыўным арганізацыям [8, с. 108].

У студзені 1927 г. па ініцыятыве Ю. Пілсудскага было створана Дзяржаўнае ўпраўленне фізічнага выхавання і ваеннай падрыхтоўкі, якое стала асновай для стварэння новага кіруючага апарату акцыі ВП. Менавіта гэтая ўстанова размяркоўвала бюджэтныя сродкі, якія выдзяляліся на развіццё ВП. Адначасова прадугледжвалася стварэнне адпаведных камітэтаў у ваяводствах, паветах і гарадах [9, с. 82–84]. Паралельна пры штабах вайсковых акруг ствараліся акруговыя ўпраўленні ВП. Ніжэй, на ўзроўні палка, стаялі абвадовыя камендатуры і, нарэшце, павятовыя камендатуры ВП. Менавіта каменданты апошніх адказвалі за правядзенне заняткаў у школьных атрадах і ўзаемадзеянне з грамадскімі арганізацыямі [3, с. 75].

Ужо на мяжы 1920–1930-х гг. адбыўся пэўны зрух у масавасці ВП. Калі ў 1929 г. ваенную падрыхтоўку прайшлі 57,7% прызыўнікоў і рэзервістаў, то ў 1930 г. гэтая лічба склала 71,5%.

Неабходна адзначыць, што на тэрыторыі Заходняй Беларусі гэты працэнт быў нават вышэйшы. Так, у акрузе № 3 «Гродна» ВП ахапіла адпаведна 64,8% (1929 г.) і 82,2% (1930 г.), а ў акрузе № 9 «Брэст» – 55,5% (1929 г.) і 79,3% (1930 г.) прызыўнікоў і рэзервістаў [3, с. 96].

Пашырэнню акцыі ВП садзейнічаў шэраг мерапрыемстваў. Паступова занятакі ў школьных атрадах ВП (у тых школах, дзе такія атрады існавалі) сталі абавязковымі. З верасня 1937 г. ваенная падрыхтоўка была абавязковым прадметам для ўсіх школьнікаў, пачынаючы з 15 гадоў [10, с. 439–440].

У параўнанні з 1921 г. значна скарацілася колькасць грамадскіх арганізацый, якія мелі права праводзіць ВП і атрымліваць падтрымку з боку ваеннага міністэрства. З 1931 г. гэта былі толькі Стралецкі саюз «Сталец», СПХ і Саюз сельскай моладзі «Сеў» [3, с. 87]. Усе гэтыя аб'яднанні знаходзіліся пад уплывам «санацыі».

Вялікі ўплыў на развіццё ВП зрабіла сістэма льгот. Рэкрут, які прайшоў ВП, меў права на скарачэнне тэрміновай вайскавай службы на 4–6 тыдняў. Таксама яго ў першую чаргу накіроўвалі ў падафіцэрскую школу, паскорана прысвойвалі званне капрала [11, с. 912–914].

Значная ўвага надавалася і маральнаму фактару. У сувязі з гэтым акрамя непасрэдна ваеннага навучання праводзілася значная праца па грамадзянскім і патрыятычным выхаванні. Кіруючыя колы польскай дзяржавы лічылі, што маральная падрыхтоўка з'яўляецца неабходным элементам падрыхтоўкі грамадства да вайны. Так, у дырэктывах па ВП на 1936/37 навучальны год адзначалася: «Незалежна ад ваенных задач у якасці найбольш актуальнай задачы ўзнімаецца пытанне грамадзянскага выхавання і прапаганды лозунгаў нацыянальнай абароны, як падрыхтоўкі моладзі да выканання задач па абароне краіны» [12, с. 11]. Ва ўмовах Заходняй Беларусі грамадзянскае выхаванне прадугледжвала ў першую чаргу паланізацыю мясцовай моладзі, якую «санацыйныя» ўлады пачалі актыўна ўцягваць у свае арганізацыі. Зразумела, без адпаведнай ідэйна-выхаваўчай апрацоўкі яны не маглі давяраць зброю маладым беларусам. Тым больш, што «санацыя» імкнулася распаўсюджваць ВП не толькі на мясцовых палякаў, як гэта было прадугледжана інструкцыямі 1921 г.

Была распрацавана даволі падрабязная праграма ВП. Яна была падзелена на некалькі раздзелаў: фізічнае выхаванне, стралковае навучанне, баявая падрыхтоўка, служба (муштра). Раздзел фізічнай падрыхтоўкі прадугледжваў маршы, бег, элементы фехтавання, спартыўныя гульні (футбол, баскетбол), лёгкаю атлетыку, плаванне. Другая частка праграмы – стралковае навучанне – уключала вывучэнне зброі і навучанне стралковай справе [13, с. 7–9].

Баявая падрыхтоўка прысвячалася вывучэнню элементаў тактыкі. Раздзел «Служба» ўключаў такія падраздзелы, як страйкая падрыхтоўка, арганізацыя ўзброеных сіл, унутраная служба (вывучэнне армейскіх статутаў), салдацкія якасці, веды пра сучасную Польшчу, захоўванне ваеннай тайны [14, с. 2].

Як правіла, занятакі па ВП праводзіліся рэгулярна, адзін-два разы на тыдзень. Усё навучанне дзялілася на дзве ступені: школа малодшых і школа старэйшых юнакоў. Навучанне завяршалася ў летніх лагерах (толькі для школы старэйшых юнакоў). Менавіта ў лагерах праводзіліся заключныя экзамены, мэтай якіх было выяўленне ступені падрыхтаванасці юнакоў. У выпадку паспяховай здачы экзаменаў юнак атрымліваў адпаведнае пасведчанне. Умовы атрымання гэтага пасведчання прадугледжвалі: завяршэнне першай ступені ВП, поўны год працы ў атрадзе старэйшых юнакоў, атрыманне «Польскай спартыўнай адзнакі», праходжанне маршаў і стрэльбаў, заплыў (25 м вольным стылем), дастатковае авалоданне прадметамі навучання [15, арк. 28].

Неабходна адзначыць, што некаторыя прадстаўнікі Войску Польскага даволі крытычна адносіліся да ўзроўню ВП у грамадскіх арганізацыях. Прапанавалася нават пазбавіць іх ільгот, у першую чаргу скарачэння тэрміну вайскавай службы. Падкрэслівалася, што аб'ём навучання другой ступені ВП у грамадскіх арганізацыях значна меншы, чым аб'ём навучання рэкрута непасрэдна ў палку [16, с. 683–684].

Не заўсёды добра праводзілася ВП у школах. Вайсковыя інструктары былі не падрыхтаваны да педагогічнай і выхаваўчай працы са школьнікамі. Гэта выклікала канфлікты паміж ваеннымі і школьным кіраўніцтвам. Так, у 1937 г. кіраўніцтва Віленскай гімназіі айцоў езуітаў звярнулася да камандавання 5-га пяхотнага палка легіёнаў, пад апекай якога знаходзіўся школьны атрад ВП,

з просьбай памяняць інструктараў, паколькі тыя выкарыстоўваюць «неадпаведныя выхаваўчыя метады» – абражаюць падлеткаў, выкарыстоўваюць ненарматыўную лексіку, негатыўна выказваюцца ў адносінах да ордэна езуітаў. Ваенныя ўлады задаволілі гэтую просьбу. І ўжо летам 1937 г. школьнае кіраўніцтва прызнавала, што новыя інструктары «адрозніваюцца выключнымі якасцямі з маральнага, педагогічнага і прафесійнага пункта гледжання» [17, с. 222].

Аднак на тэрыторыі Заходняй Беларусі галоўнай перашкодай на шляху нармальнага развіцця акцыі ВП была не толькі адсутнасць рэацыянальна распрацаваных праграм і адпаведна падрыхтаваных інструктарскіх кадраў. Галоўнай перашкодай з'яўлялася негатыўнае ці ў лепшым выпадку абыхавае стаўленне значнай часткі насельніцтва. Слабае развіццё камунікацый і цяжкае матэрыяльнае становішча мясцовых жыхароў таксама адыгрывалі сваю ролю.

Гэта можна прасачыць на прыкладзе справаздач камітэтаў ВП 9-й акругі карпусоў Войску Польскага. Так, у 1927 г. пра развіццё ВП на тэрыторыі Баранавіцкага, Навагрудскага і Нясвіжскага паветаў (раён адказнасці 78-га пяхотнага палка) паведамлялася: «З арганізацыйнага пункта гледжання рэгіён развіты слаба. Вялікая плошча, слабыя шляхі зносін і малыя сродкі не дазваляюць лепшага развіцця. Да працы ў ВП больш імкнецца гарадскі элемент, вёска слаба разумее яе значэнне, выключэнне складаюць толькі асаднікі, а з прызыўнікоў і рэзервістаў толькі тыя, хто з'яўляюцца членамі аб'яднанняў». У Слоніўскім павеце (раён 79-га пяхотнага палка) адзначалі: «З гарадскога элемента больш усяго схільная да працы ВП школьная моладзь. З пазашкольнай моладзі толькі адзінкі ўцягнуты ў Стралецкі саюз. Вясковая моладзь вельмі мала прысвячае сябе працы ВП». У Косаўскім і Пружанскім паветах (раён 80-га пяхотнага палка) падкрэслівалі: «Умовы для ВП неспрыяльныя па прычыне дрэнных камунікацый, нязручнага размяшчэння вайсковых часцей і нядобразычлівых адносін да ВП асноўнай часткі нацыянальных меншасцей» [18, арк. 57].

Мясцовыя ўлады скардзіліся, што насельніцтва не разумее неабходнасці ВП. На іх думку, у Пінскім, Лунінецкім і Столінскім паветах (раён 84-га пяхотнага палка) працы перашкаджае адсутнасць разумення ідэі ВП. Акрамя таго, «сельская моладзь з'яўляецца беларускай і не мае ахвоты да ваенных заняткаў, да працы па ВП яе можна прыцягнуць толькі праз арганізацыю спорту і гульняў» [19, арк. 59].

Як вядома, нацыянальныя меншасці міжваеннай Польшчы даволі насцярожана і нават варожа ставіліся да існуючай дзяржавы і яе структур, у тым ліку і да арміі. Аб гэтым, напрыклад, сведчаць справаздачы ваеннага міністэрства за 1934 г. Яны адзначалі, што на этнічна польскіх тэрыторыях «адчуваецца праца адміністрацыйных улад у кірунку тлумачэння грамадзянам таго, чым з'яўляецца армія і як належыць да яе ставіцца». Адначасова ў мясцовасцях, дзе пражываюць славянскія меншасці, здараюцца «правакацыі скамунізаванай беларускай моладзі, знявагі салдат, адмаўленні выдзеліць кватэры і нават крадзеж зброі» [20, с. 66].

Зразумела, што ў такіх умовах акцыя ВП, ініцыятарам і кіраўніком якой з'яўлялася армія, не сустракала дастатковай падтрымкі. Такая сітуацыя не магла задаволіць «санацыйны» рэжым. Змяніць становішча, на думку ўлад, павінна было адпаведнае грамадзянскае выхаванне маладога пакалення. Асаблівую актыўнасць у дадзеным кірунку выяўляў Стралецкі саюз. У адпаведнасці з інструкцыяй, распрацаванай віленскім кіраўніцтвам «Стральца», мэтай гэтага выхавання было «даць усебаковае ўяўленне пра Айчыну, аформіць дзяржаўны інстынкт, прывучыць да дысцыпліны і падпарадкавання ўладам, развіць пачуццё патрыятызму і адданасці традыцыям, сфарміраваць моцныя характары» [21, арк. 117]. Аднак, як паказалі падзеі верасня 1939 г., рэалізаваць дадзеныя пастулаты ў поўным маштабе польскія ўлады не здолелі.

Такім чынам, неабходна прызнаць, што ў міжваеннай польскай дзяржаве, у тым ліку і на тэрыторыі Заходняй Беларусі, праводзілася значная праца па рэалізацыі ваеннай падрыхтоўкі маладога пакалення. Мэтамі гэтай падрыхтоўкі з'яўляліся павышэнне абароназдольнасці дзяржавы і, адначасова, патрыятычнае выхаванне моладзі ў духу вернасці існуючаму рэжыму. Асабліва праца па ВП актывізавалася пасля 1926 г. У яе рэалізацыі прымалі ўдзел як дзяржаўныя структуры, у першую чаргу армія і школа, так і грамадскія арганізацыі. Як вядома, намаганні афіцыйных улад і грамадскасці не змаглі ў далейшым прадухіліць ліквідацыю польскай дзяржаўнасці. Аднак яны зрабілі пэўны ўплыў на моладзь. Але гэты ўплыў неабходна па-рознаму ацэньваць

на этнічна польскіх тэрыторыях Польшчы і на тэрыторыі яе ўсходніх ваяводстваў. Фактычна, у Заходняй Беларусі акцыя ВП была накіравана на паланізацыю мясцовай моладзі і сустракала значныя перашкоды, якія былі выкліканы не толькі складанымі сацыяльна-эканамічнымі ўмовамі, але і негатыўнымі адносінамі значнай часткі насельніцтва.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Koc, A. Przysposobienie wojskowe poza ramami wojska / A. Koc // *Wychowanie wojskowe. Praca zbiorowa*. – Warszawa: Wojskowy instytut naukowo-wydawniczy, 1923. – S. 67–79.
2. Starzyński, R. Przysposobienie wojskowe narodu pod bronią / R. Starzyński // *Bellona*. – 1927. – T. XXV – S. 42–59.
3. Kęsik, J. *Naród pod bronią. Społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918–1939* / J. Kęsik. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998. – 200 s.
4. Wojtycza, J. *Studia i materiały z dziejów Przysposobienia Wojskowego w Polsce w latach 1918–1926* / J. Wojtycza. – Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001. – 214 s.
5. Wywiół, P. *Związek Strzelecki w tworzeniu bezpieczeństwa narodowego Polski. Tradycja i wyzwania XXI wieku* / P. Wywiół. – Łódź, 2009. – 175 s.
6. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych w sprawie Organizacji Przysposobienia Wojskowego w Szkołach Średnich i Zawodowych // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1923. – № 1. – S. 2–5.
7. Kiliński, W. Wpływ Państwa na organizację i rozwój wychowania fizycznego i przysposobienia wojskowego / W. Kiliński // *Zrąb*. – 1931. – T. 6 – 7. – S. 117 – 128.
8. Jabłonowski, M. Wychowanie fizyczne i przysposobienie wojskowe w opiniach Józefa Piłsudskiego 1926–1935 (wybrane zagadnienia) / M. Jabłonowski // *Echa Przyszłości VI*. – Olsztyn, 2005. – S. 107–118.
9. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 1927 r. w sprawie utworzenia Państwowego Urzędu Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1927. – № 3. – S. 82–85.
10. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministra Spraw Wojskowych z dnia 10 września 1937 r. w sprawie organizacji przysposobienia młodzieży szkolnej do obrony kraju // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1937. – № 12. – S. 439–441.
11. Rozporządzenie Ministra Spraw Wojskowych z dnia 29 czerwca 1935 r. w sprawie ulg w wykonywaniu obowiązku służby wojskowej dla członków organizacji przysposobienia wojskowego // *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. – 1935. – № 54. – S. 912–917.
12. Kaszuba, E. *Sistem propagandy państwowej II Rzeczypospolitej (1926–1939)* / E. Kaszyba // *Dzieje Najnowsze*. – 2003. – № 3. – S. 3–26.
13. Tymczasowy program przysposobienia wojskowego w szkołach średnich, zawodowych i seminarjach nauczycielskich // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1923. – № 1. – S. 7–9.
14. Szkoła Junaka. *Podręcznik instruktora Przysposobienia Wojskowego. Służba*. – Warszawa: Główna Księgarnia Wojskowa, 1935. – 470 s.
15. Дзяржаўны архіў Брэскай вобласці (ДАБВ). – Ф. 67 сч. Вop. 2. Спр. 197.
16. Latawiec, C. *Praca w Przysposobieniu Wojskowym u dołu* / C. Latawiec // *Przegląd piechoty*. – 1933. – № 5. – S. 681 – 685.
17. *Gimnazjum Ojców Jezuitów w Wilnie w latach 1922–1940 (monografia)* / Red.: R. Cybulski, A. Houwalt, J. Jasiński. – Bydgoszcz, 1999. – 522 s.
18. Палескае ваяводскае ўпраўленне // ДАБВ. – Ф. 1. Вop. 2. Спр. 2402.
19. Камандаванне акругі корпуса № 9 // ДАБВ. – Ф. 67 сч. Вop. 2. Спр. 1052.
20. Lossowski, P. *Społeczeństwo polskie a wojsko w okresie I wojny światowej i II Rzeczypospolitej* / P. Lossowski // *Dzieje Najnowsze*. – 1983. – № 3. – S. 57–71.
21. Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242 п. Вop. 1. Спр. 465.

References

1. Koc, A. (1923), "Military Training outside the Framework of the Military", *Wychowanie wojskowe. Praca zbiorowa* [Military Education. Group work]. Warszawa, PL, pp. 67–79.
2. Starzyński, R. (1927), "Military Training of the Nation under Arms", *Bellona* [Bellona], no. XXV, pp. 42–59.
3. Kęsik, J. (1998), *Naród pod bronią. Społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918–1939* [A Nation under Arms. Society in the Polish Military Policy in 1918–1939], Wrocław, PL.
4. Wojtycza, J. (2001), *Studia i materiały z dziejów Przysposobienia Wojskowego w Polsce w latach 1918–1926* [Studies and Materials on the History of Military Training in Poland in 1918–1926], Kraków, PL.
5. Wywiół, P. (2009), *Związek Strzelecki w tworzeniu bezpieczeństwa narodowego Polski. Tradycja i wyzwania XXI wieku* [Shooting Association in Establishing Polish National Security. Tradition and Challenges of the Twenty-First Century], Łódź, PL.
6. (1923), "Regulation of the Minister of Religion and Public Education and the Minister of Military Affairs on the Organization of Military Training in Secondary and Vocational Schools", *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego* [Official Journal of the Ministry of Religion and Public Education], no. 1, pp. 2–5.

7. Kiliński, W. (1931), "State Influence on the Organization and Development of Physical Education and Military Training", *Zrqb* [Framework], no. 6–7, pp. 117–128.
8. "Physical Education and Military Training as Opined by Jozef Pilsudski in 1926–1935 (Selected Issues)", *Echa Przeszłości VI* [Echoes of the Past VI], Olsztyn, Pl, pp. 107–118.
9. (1927), "Resolution of the Council of Ministers of 28 January 1927 on the Establishment of the State Office of Physical Education and Military Training", *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego* [Official Journal of the Ministry of Religion and Public Education], no. 3, pp. 82–85.
10. (1937), "Order of the Minister of Religion and Public Education and the Minister of Military Affairs of 10 September 1937 on Organizing Preparation of Schoolchildren to Defend the Country", *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego* [Official Journal of the Ministry of Religion and Public Education], no. 12, pp. 439–441.
11. (1935), "Regulation of the Minister of Military Affairs dated 29 June 1935 on Exempting Persons Participating in the Organization of Military Training from Mandatory Military Service", *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* [Journal of Laws of the Polish Republic], no. 54, pp. 912–917.
12. Kaszuba, E. (2003), "The State Propaganda System in the Second Republic (1926–1939)", *Dzieje Najnowsze* [Modern History], no. 3, pp. 3–26.
13. (1923), "Provisional Program of Military Training in Secondary and Vocational Schools and in Teacher Training Seminaries", *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego* [Official Journal of the Ministry of Religion and Public Education], no. 1, pp. 7–9.
14. (1935), *Szkoła Junaka. Podręcznik instruktora Przysposobienia Wojskowego. Służba* [Youngster's School. Military Training Instructor Manual. Service], Warszawa, Pl.
15. *Gosudarstvennyj arkhiv Brestskoj oblasti (GABO)* [State Archives of Brest Region (SABR)], F. 67, sch. L. 2, C. 197.
16. Latawiec, C. (1933), "Field Work in Military Training. Infantry Overview", *Przegląd piechoty*, no. 5, pp. 681–685.
17. *Gimnazjum Ojców Jezuitów w Wilnie w latach 1922–1940 (monografia)* [Jesuit Gymnasium in Vilnius in 1922–1940 (Monograph)], Bydgoszcz, Pl.
18. *GABO* [SABR], F. 1, L. 2, C. 2402.
19. *GABO* [SABR], F. 67, sch. L. 2, C. 1052.
20. Lossowski, P. (1983), "Polish Society and the Army during World War I and the Second Republic", *Dzieje Najnowsze* [Modern History], no. 3, pp. 57–71.
21. *Natsional'nyj archive Respubliki Belarus' (NARB)* [National Archive of the Republic of Belarus (NARB)], F. 242, p. L. 1, C. 39.

Информация об авторе

Кривуць Виталий Иванович – канд. ист. наук, доцент.
УО «Барановичский государственный университет»
(ул. Парковая, 62, 225320, Минск, Республика Беларусь).
E-mail : krivut@mail.ru.

Information about the author

Krivuts Vitali Ivanovich, Ph. D. (Hist.), Assistant Professor, Baranovich State University (62 Parkovaya Str., Baranovich 225320, Brest Oblast, Belarus). E-mail: krivut@mail.ru.

Для цитирования

Кривуць, В. І. Палітыка польскіх улад па ваеннай падрыхтоўцы моладзі Заходняй Беларусі (1921–1939) / В. І. Кривуць // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 49–54.

For citation

Krivuts V. I. The Polish Authorities' Policy on Military Training for Young People in Western Belarus (1921–1939). Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 49–54.

ISSN 0321-1649 (print)

УДК 930.1

Поступила в редакцию 08.09.2015

Received 08.09.2015

М. И. Матюшевская

*Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
Могилев, Республика Беларусь*

ОЦЕНКА НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА В. О. КЛЮЧЕВСКОГО В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Дан анализ историографической литературы, посвященной изучению научного творчества известного российского историка В. О. Ключевского. Цель статьи – обобщить основные историографические оценки, сделанные в отношении его научных трудов за минувшее столетие, и наметить перспективы дальнейшей работы по анализу творческого наследия ученого. Рассмотрены историографические оценки, которые были сделаны современниками и учениками В. О. Ключевского, советскими и зарубежными исследователями, современными учеными России. Отмечены разнообразие и противоречивость этих оценок, актуальность научной проблематики, связанной с характеристикой методологии научного творчества ученого и определением факта существования школы В. О. Ключевского. Сделан вывод о том, что в исторической науке остается открытым вопрос о влиянии школы В. О. Ключевского на становление белорусской историографии в 1920–1930-х гг. и последующий советский период. Заслуживает внимания проблематика, касающаяся методологии работы В. О. Ключевского и его учеников с историческими источниками: применения ими на практике сравнительно-исторического и статистического методов, типологии, ретроспективы, иных традиционных методов научного исторического изучения. Исследования в этом направлении могут способствовать уточнению современных теоретических представлений о методологии научного исторического познания и дадут возможность обогатить научными примерами читаемые в университетах курсы лекций по источниковедению и методологии истории.

Ключевые слова: В. О. Ключевский, российская историография, московская школа историков, научная оценка, методология истории.

M. I. Matsiusheuskaya

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

EVALUATION OF V. O. KLYUCHEVSKY'S SCIENTIFIC CONTRIBUTION BY RUSSIAN HISTORIOGRAPHERS IN THE LATE 19TH AND EARLY 21ST CENTURIES

This article analyzes historiographical literature exploring the scientific works by V. O. Klyuchevsky, a famous Russian historian. The article's objective is to summarize major historiographical opinions that were made in the previous century with regard to his scientific works. The article addresses historiographical assessments made by Klyuchevsky's contemporaries and disciples, Soviet and foreign researchers and modern Russia's scholars. It is noted that these assessments are diverse and contradicting and that scientific issues related to characterizing Klyuchevsky's scientific methodology and identifying the existence of the Klyuchevsky school are still relevant. The article concludes that the historical science retains an open question about the impact of the Klyuchevsky school on the formation of the Belarusian historiography in the 1920–1930s and in the subsequent Soviet period. Noteworthy are issues regarding V. O. Klyuchevsky's and his disciples' methodology of working with historical sources, i.e. their practical use of the comparative historical method, statistical method, typology, retrospective, and other traditional scientific historical research methods. Research in this area could contribute to updating modern theoretical ideas regarding the methodology of scientific historical knowledge and would make it possible to enrich university lecture courses on source criticism and historical methods with scientific examples.

Keywords: V. O. Klyuchevsky, Russian historiography, Moscow historical school, scientific evaluation, historical methodology.

2016 год ознаменован важной датой в развитии мировой исторической науки – 175-летием со дня рождения Василия Осиповича Ключевского (родился 28 января 1841 г. – умер 25 мая 1911 г.). Этот ученый принадлежит к числу выдающихся историков России. Он был яркой, неординарной личностью, талантливым исследователем и педагогом. Историографическая литература, посвященная ему, обширна.

Цель данной статьи – обобщить основные историографические оценки, сделанные в отношении научных трудов В. О. Ключевского за минувшее столетие, и наметить перспективы дальнейшей работы по анализу его творческого наследия.

Для достижения поставленной цели в статье решены следующие научные задачи: рассмотрены историографические оценки, данные современниками и учениками В. О. Ключевского, советскими и зарубежными учеными, современными российскими исследователями, показано значение изучения данной темы для исторической науки Беларуси.

В дореволюционной России спектр мнений о сути научных принципов, которые использовал в своей работе В. О. Ключевский, был необычайно разнообразен. В. М. Хвостов, М. М. Богословский, С. И. Тхоржевский называли историка идеалистом, Н. В. Бороздин, С. А. Голубцов – дуалистом, П. Б. Струве, В. И. Пичета, Б. И. Сыромятников, П. Н. Милюков – реалистом [14, с. 6], М. Н. Покровский – эклектиком [22]. Часть ученых стремилась обосновать мысль о прямой зависимости В. О. Ключевского от идей «государственной школы», его учителей в университете – Ф. И. Буслаева, С. В. Ешевского, а также деятелей 1860-х гг. – А. П. Щапова, Н. А. Ишутина. К их числу относились Д. А. Корсаков (Казань), М. В. Ключков и И. А. Линниченко (Одесса) [1, с. 4].

Противоположную позицию занимали профессора Москвы и Петербурга. Они объявили В. О. Ключевского основателем первой истинно научной школы в России. Этот вывод был сформулирован ими в сборнике «В. О. Ключевский: Характеристики и воспоминания», вышедшем в 1912 г. [6]. Его авторы путем сопоставления исторических концепций В. О. Ключевского и его предшественников – ученых историко-юридической школы и славянофилов – доказывали, что новаторство ученого заключалось в его обращении к новой тематике исследований, в использовании нового исторического метода. Однако акцент в сборнике был сделан на описании лекторского мастерства ученого и его критического дара. В результате главный тезис сборника о самостоятельности и новизне подходов В. О. Ключевского к изучению исторического процесса, по существу, раскрыт не был, что и породило дальнейшие дискуссии.

После Октября 1917 г. они вступили в качественно иную фазу своего развития. Творческое наследие В. О. Ключевского независимо друг от друга анализировали советские ученые и российские историки-эмигранты.

В 1932 г. в Париже была опубликована статья «Россия Ключевского» историка, философа, богослова культуры и одного из самых известных публицистов русского зарубежья Г. П. Федотова. В ней Г. П. Федотов, как и его дореволюционные коллеги, описал истоки научного творчества В. О. Ключевского. Он усматривал их в народничестве 1860-х гг., славянофильстве, а также общей ориентации научной мысли в России: «...Русская историография оставалась и остается наибольшей материалисткой в семье Клио...» [28, с. 348].

По оценке Г. П. Федотова, «...в обращении со словом Ключевский может найти себе равных только среди символистов XX столетия...» [30, с. 334]. Своим талантом художника ученый сглаживал геометризм рисуемых им исторических схем, но по основной проблематике творчества он был экономистом и социологом. По мнению Г. П. Федотова, своими специальными работами В. О. Ключевский опередил расцвет исторического экономизма на Западе и задолго до М. Вебера нащупал религиозно-психологические основы экономической культуры [28, с. 339].

Отрицательной чертой научной концепции В. О. Ключевского Г. П. Федотов считал отказ «...от традиции сороковых годов: от государства, исторической личности и национальной идеи...» [28, с. 345]. В. О. Ключевский уходил от анализа вопросов духовной культуры общества и этим подготовил почву для утверждения в советской науке исторического материализма. Он не интересовался вопросами, связанными с изучением России как империи. В своих лекциях по русской истории В. О. Ключевский резко отрывал великорусский период истории России от киевского периода, игнорировал судьбы Литовской Руси и Украины, карикатурно изображал XVIII век. В школе Грушевского мысли В. О. Ключевского получили дальнейшее развитие в противопоставлении двух независимых национальных процессов: русского и украинского.

Однако в целом роль В. О. Ключевского в исторической науке России Г. П. Федотов оценивал очень высоко. Он писал, что все созданное им – это не одна из многих, а единственная Русская История, на которой воспитаны два поколения русских людей [28, с. 329]. Г. П. Федотов был

убежден: «...Ключевский как всякий большой человек во многом упредил свое время – был начинателем, а не завершителем эпохи...» [28, с. 331].

В отличие от Г. П. Федотова, советские исследователи 1920–1930-х гг. отзывались о творчестве В. О. Ключевского не столь восторженно. В науке сосуществовали разные точки зрения. Например, М. Н. Покровский утверждал: «...Лет через 15–20 читать Соловьева и Ключевского перестанут, как теперь никто не читает уже Карамзина...» [23, с. 8]. Такой прогноз был сделан им, исходя из понимания научных принципов ученого как «домарксистских».

А. Е. Пресняков и С. И. Тхоржевский критиковали В. О. Ключевского за приверженность к историко-юридической школе [19, с. 34]. В. И. Пичета подчеркивал наличие «экономического фактора» в концепции В. О. Ключевского [20]. М. В. Нечкина говорила о нем как о предшественнике экономического материализма [18].

В 1930-х гг. после отказа ученых от популярной ранее «теории торгового капитала» М. Н. Покровского дискуссии о сущности и значении для исторической науки творческого наследия В. О. Ключевского возобновились с новой силой. Однако уже к концу 1930-х гг. полемика стала затихать. Итог ей подвел Н. Л. Рубинштейн. В своем курсе «Русская историография» он определил В. О. Ключевского как ученого, сыгравшего важную роль в развитии буржуазного экономизма [24].

Новым этапом изучения трудов В. О. Ключевского стали 1950–1980-е гг. В это время А. А. Зимин систематизировал и обработал архивные материалы, связанные с именем В. О. Ключевского [11]. Он рассмотрел проблему формирования его научных взглядов в 1860-е гг. [12]. Материалы архива дали возможность в 1956–1959 гг. издать 8-томное Собрание сочинений историка. В нем автором «Предисловия» был М. Н. Тихомиров, который ограничился общей краткой характеристикой творчества В. О. Ключевского [27].

В 1960–1970-е гг. вышла в свет целая серия научных трудов, посвященных анализу научных работ ученого. В этих трудах, особенно в историографических обзорах В. И. Астахова [3], А. Л. Шапиро [31], А. Н. Цамутали [29], вновь подверглись переосмыслению истоки научной концепции В. О. Ключевского. В частности, А. Н. Цамутали выдвинул гипотезу, что историк развил идеи о необходимости изучения народной жизни и торговых отношений Руси, которые впервые были подняты Н. И. Костомаровым [31, с. 134].

В историографических трудах этого периода были перечислены положительные для советской науки черты творческого наследия В. О. Ключевского: проблемность научных изысканий, широкий теоретический подход, материалистическое понимание истории, ориентация на научные обобщения и вскрытие отдельных закономерностей исторического процесса, интерес к методологии и социально-экономическим вопросам истории.

Э. Г. Чумаченко указала на новаторство ученого во введении в оборот разных типов исторических источников, тщательность их анализа и обработки [30]. Р. А. Киреева писала, что В. О. Ключевский как историограф пошел гораздо дальше предшественников: он не только ввел преподавание историографии в университете, но поставил и решил в своем спецкурсе многие ее проблемы [15]. А. В. Гулыга [8, с. 71], а также Г. М. Иванов, А. М. Коршунов и Ю. В. Петров отметили мастерство В. О. Ключевского в создании им исторического образа как важнейшего познавательного средства [13, с. 267]. Н. А. Ерофеев обратил внимание на пренебрегаемую в советской исторической науке тему – жития святых и на примере В. О. Ключевского утверждал необходимость изучения житийной литературы [10, с. 101].

Однако в целом в характеристике В. О. Ключевского как ученого доминировала отрицательная оценка. Порой она была взаимоисключающей. Например, по заключению Б. Г. Сафронова, В. О. Ключевский решающую роль в историческом процессе отводил коллективному началу и сознательно отодвигал индивида на второй план [25, с. 59]. П. С. Шкуринов же, изучивший данный вопрос и также критиковавший ученого, нашел, что его творчеству был присущ ярко выраженный индивидуализм и антиколлективизм, стремление к «атомизации общественного целого за счет плюралистической теории личности» [32, с. 317].

А. И. Карагодин предложил считать «эклетику» В. О. Ключевского конвергентной, т. е. возникшей в период коренной перестройки теории и имевшей вследствие этого как зачатки новой

системы знаний, так и их устаревшие формы [14, с. 6]. Но такие уточнения не меняли главной сути сложившегося среди историков мнения.

Советские исследователи сходились в том, что В. О. Ключевский, являясь буржуазным историком, не смог в силу своей мировоззренческой ограниченности подняться до истинно научного понимания исторического процесса, которое было выражено у К. Маркса в категории «общественно-экономическая формация». Его обвиняли также в политическом идеализме. На этом основании научные взгляды историка были причислены к разряду позитивистской науки.

Наиболее развернуто данная мысль была представлена в монографии М. В. Нечкиной [19]. В этом сочинении М. В. Нечкина подняла также неоднократно дискутировавшийся в советской науке вопрос, существовала ли в России рубежа XIX–XX вв. школа В. О. Ключевского. М. В. Нечкина утверждала, что «школой» в подлинно научном смысле может быть только такой творческий коллектив, который складывается вокруг авторитетного лидера и работает на единой методологической платформе в одном теоретическом направлении [19, с. 375]. Научная деятельность последователей В. О. Ключевского подобным требованиям не отвечала. На этом основании М. В. Нечкина, а вслед за ней и остальные советские ученые придерживались вывода об условности существования московской исторической школы.

В 1987–1990 гг. в СССР вышло в свет 9-томное Собрание сочинений В. О. Ключевского. Над его изданием работал творческий коллектив в составе В. Л. Янина, В. А. Александрова, Р. В. Киреевой и В. Г. Зиминной. Ими была дана высокая оценка научных трудов В. О. Ключевского.

В частности, в «Предисловии» к первому тому Собрания сочинений В. О. Ключевского В. А. Александров и В. Л. Янин проанализировали историографическую литературу, посвященную творчеству ученого. Они отметили, что в науке монографически не исследована преподавательская работа В. О. Ключевского в Московской духовной академии, размещавшейся в Сергиевом Посаде, а также его работа в Московских Высших женских курсах, руководимых В. И. Герье [1, с. 13–14]. В. А. Александров и В. Л. Янин соглашались с мыслью, высказанной М. М. Богословским, о том, что отвлеченная теория была В. О. Ключевскому чужда, и методология его работы раскрывается в практических исследованиях историка. Они были убеждены, что идеи В. О. Ключевского по спорным проблемам истории России еще не утратили своей актуальности и вызывают интерес [1, с. 32].

Такой же вывод был сделан А. И. Плигузовым и В. Л. Яниным в «Послесловии» к переизданному в 1989 г. сочинению В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник». А. И. Плигузов и В. Л. Янин отметили, что монография В. О. Ключевского является книгой о методе, и развитие научных идей, выросших из нее, в полной мере еще не исчерпано [21].

В первой половине 1990-х гг. была продолжена сложившаяся в советское время традиция критики В. О. Ключевского как ученого-позитивиста. Такой подход к анализу творческого наследия ученого был представлен в «Предисловиях» В. В. Артемова [2] и А. Ф. Смирнова [26] к опубликованным сборникам работ В. О. Ключевского. В. А. Ельчанинов в своем труде на современную методологическую тематику взял за образец научное творчество историка только тогда, когда рассматривал вопрос использования им художественных произведений как исторических источников [9, с. 88]. А. Н. Медушевский придерживался трактовки теории В. О. Ключевского как историко-юридической. Он считал, что основу исследовательских принципов московского историка составляла философия немецкого идеализма [16].

Вместе с тем, начиная с первой половины 1990-х гг., стали появляться качественно новые оценки научного творчества В. О. Ключевского. В 1990 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья американского историка Т. Эммонса. В ней автор дал такую высокую характеристику историографического наследия ученого: «...Школа В. О. Ключевского за одно поколение настолько расширила тематику исторического исследования, что все это преобразило облик русской историографии. Некоторые из работ его учеников поражают современностью понимания «событийного», опередив почти на целое поколение достижения школы «Анналов...» [33, с. 57]. Этот вывод в 2001 г. поддержали и развили омские ученые С. П. Бычков и В. П. Корзун [5].

В 2010 г. в Челябинске вышла в свет монография Н. В. Гришиной, посвященная московской школе историков рубежа XIX–XX вв. В ней, рассматривая современную историографическую

литературу о школе В. О. Ключевского, автор отметила, что на сегодняшний день монографически она исследована в работах А. С. Попова «В. О. Ключевский и его «школа»: Синтез истории и социологии» (М., 2001) и Т. М. Бон «Русская историческая наука (1880–1905 гг.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа» (СПб., 2005). Автор обобщила историографические статьи и материалы научных конференций о В. О. Ключевском, написанные российскими учеными в 1990–2000-х гг. [7, с. 7–10].

В своей монографии Н. В. Гришина аргументированно доказала факт наличия в России рубежа XIX–XX вв. школы В. О. Ключевского. Она отметила, что ее ядро составили ученики, защитившие под руководством В. О. Ключевского кандидатские диссертации, – П. Н. Милюков, М. К. Любавский, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, Н. А. Рожков, а также представители более молодого поколения – С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, С. К. Богоявленский. Второй круг учеников В. О. Ключевского, по мнению Н. В. Гришиной, включал историков, оказавшихся под частичным влиянием его идей или личной харизмы. Третий круг «учеников» состоял из представителей широких слоев общества, испытавших воздействие лекций или печатных работ В. О. Ключевского и сформировавших на их основе свои исторические представления [7, с. 64–65].

В 2011 г. совместно с О. В. Богомазовой Н. В. Гришина опубликовала статью, в которой приведен перечень юбилейных и мемориальных публикаций о В. О. Ключевском за 1897–2007 гг. [4].

Таким образом, историографические работы российских ученых последних лет показывают, что научная тематика исследований, связанных с именем В. О. Ключевского, сегодня продолжает оставаться актуальной. Данный вывод имеет значение не только для исторической науки России. В исторической науке Беларуси остается открытым вопрос влияния школы В. О. Ключевского на становление отечественной историографии 1920–1930-х гг. и последующего советского периода. Не менее интересна проблематика, касающаяся методологии работы В. О. Ключевского и его учеников с историческими источниками: применения ими на практике сравнительно-исторического и статистического методов, типологии, ретроспективы, иных традиционных методов научного исторического изучения. Исследования в этом направлении могут способствовать уточнению наших теоретических представлений и дадут возможность обогатить научными примерами читаемые в университетах Беларуси курсы лекций, связанные с источниковедческими и методологическими вопросами в познании и преподавании истории.

Список использованных источников

1. Александров, В. А. Предисловие / В. А. Александров, В. Л. Янин // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1 / под ред. В. Л. Янина; предисл. В. Л. Янина, В. А. Александрова; послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – М.: Мысль, 1987. – С. 5–32.
2. Артемов, В. В. Предисловие / В. В. Артемов // Ключевский В. О. О русской истории: сб. / сост. В. В. Артемов; под ред. В. И. Буганова. – М.: Просвещение, 1993. – С. 5–12.
3. Астахов, В. И. Курс лекций по русской историографии / В. И. Астахов. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1965. – 584 с.
4. Богомазова, О. В. Юбилейные и мемориальные публикации о В. О. Ключевском: библиография (1897–2007 годы) / О. В. Богомазова, Н. В. Гришина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 23. – С. 38–44.
5. Бычков, С. П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. – 359 с.
6. В. О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. – М.: Науч. слово, 1912. – 217 с.
7. Гришина, Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010. – 287 с.
8. Гулыга, А. В. Эстетика истории / А. В. Гулыга. – М.: Наука, 1974. – 128 с.
9. Ельчанинов, В. А. Методологические проблемы исторической науки / В. А. Ельчанинов. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ин-та, 1990. – 118 с.
10. Ерофеев, Н. А. Что такое история / Н. А. Ерофеев. – М.: Наука, 1976. – 136 с.
11. Зимин, А. А. Архив В. О. Ключевского / А. А. Зимин // Записки Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина. – 1951. – Вып. 12. – С. 75–86.
12. Зимин, А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. / А. А. Зимин // Исторические записки: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Л. Сидоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 69. – С. 178–197.
13. Иванов, Г. М. Методологические проблемы исторического познания / Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. – М.: Высш. шк., 1981. – 296 с.
14. Карагодин, А. И. Философия истории В. О. Ключевского / А. И. Карагодин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976. – 73 с.

15. Киреева, Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки / Р. А. Киреева. – М. : Наука, 1966. – 232 с.
16. Медушевский, А. Н. Государственная школа русской историографии / А. Н. Медушевский // Вопр. историографии и источниковедения дооктябрьского периода: сб. науч. ст. / Рос. АН. Ин-т рос. истории; отв. ред. Ю. А. Петров. – М. : Наука, 1992. – С. 81–117.
17. Медушевский, А. Н. Послесловие / А. Н. Медушевский // Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М. : Прометей, 1991. – С. 291–331.
18. Нечкина, М. В. В. О. Ключевский / М. В. Нечкина // Русская историческая литература в классическом освещении: сб. науч. ст. / под ред. М. Н. Покровского. – М. : Изд-во Ком. акад., 1930. – Т. 2. – С. 217–353.
19. Нечкина, М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества / М. В. Нечкина. – М. : Наука, 1974. – 638 с.
20. Пичета, В. И. Введение в русскую историю (источники и историография) / В. И. Пичета. – М. : Гос. изд-во, 1922. – 205 с.
21. Плигузов, А. И. Послесловие / А. И. Плигузов, В. Л. Янин // Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М.: Наука, 1989. – С. 1–13.
22. Покровский, М. Н. Историческая наука и борьба классов / М. Н. Покровский. – М.-Л. : Соцэкгиз, 1933. – Вып. 2. – 450 с.
23. Покровский, М. Н. Предисловие / М. Н. Покровский // Русская историческая наука в классическом освещении: сб. науч. ст. / под ред. М. Н. Покровского. – М. : Изд-во Ком. акад., 1927. – Т. 1. – С. 5–19.
24. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. – М. : Госполитиздат, 1941. – 639 с.
25. Сафронов, Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время / Б. Г. Сафронов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 222 с.
26. Смирнов, А. Ф. В. О. Ключевский и отечественная словесность / А. Ф. Смирнов // Ключевский В. О. Литературные портреты: сб. / сост. А. Ф. Смирнов. – М. : Современник, 1991. – С. 5–51.
27. Тихомиров, М. Н. Предисловие / М. Н. Тихомиров // Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 1. – С. 5–13.
28. Федотов, Г. П. Россия Ключевского / Г. П. Федотов // Федотов Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. ; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб. : София, 1991. – С. 329–348.
29. Цамутали, А. Н. Борьба течений в русской историографии / А. Н. Цамутали. – Л. : Наука, 1977. – 256 с.
30. Чумаченко, Э. Г. В. О. Ключевский – источниковед / Э. Г. Чумаченко. – М. : Наука, 1970. – 223 с.
31. Шапиро, А. Л. Русская историография в период империализма / А. Л. Шапиро. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 236 с.
32. Шкуринов, П. С. Позитивизм в России XIX века / П. С. Шкуринов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 416 с.
33. Эммонс, Т. Ключевский и его ученики / Т. Эммонс // Вопр. истории. – 1990. – № 10. – С. 45–62.

References

1. Aleksandrov, V. A. and Yanin, V. L. (1987), "Foreword", in Klyuchevskii, V. O. *Sochineniya* [Writings], Vol. 1, Moscow, RU, pp. 5–32.
2. Artemov, V. V. (1993), "Foreword", in Klyuchevskii, V. O. *O russkoy istorii* [About Russian History], Moscow, RU, pp. 5–12.
3. Astakhov, V. I. (1965), *Kurs lektsii po russkoi istoriografii* [Course of Lectures on Russian Historiography], Kharkiv, UA.
4. Bogomazova, O. V. and Grishina, N. V. (2011), "Anniversary-devoted and Commemorative Publications about V. O. Klyuchevsky: Bibliography (1897–2007)", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Chelyabinsk State University], no 23, pp. 38–44.
5. Bychkov, S. P. and Korzun, V. P. (2001), *Vvedenie v istoriografiyu otechestvennoi istorii XX v.* [Introduction to the Historiography of Russian History of the Twentieth Century], Omsk, RU.
6. Klyuchevskiy, V. O. (1912), *Karakteristiki i vospominaniya* [Characteristics and Memories], Moscow, RU.
7. Grishina, N. V. (2010), "*Shkola V. O. Klyuchevskogo*" v istoricheskoi nauke i rossiiskoi kulture [V. O. Klyuchevsky's School' in Historical Science and Russian Culture], Chelyabinsk, RU.
8. Gulyga, A. V. (1974), *Estetika istorii* [Aesthetics of History], Moscow, RU.
9. El'chaninov, V. A. (1990), *Metodologicheskie problemy istoricheskoi nauki* [Methodological Problems of Historical Sciences], Barnaul, RU.
10. Erofeev, N. A. (1976), *Chto takoe istoriya* [What is History], Moscow, RU.
11. Zimin, A. A. (1951), "V. O. Klyuchevsky's Archive", *Zapiski Otdela rukopisei Biblioteki im. V. I. Lenina* [Notes of the Manuscripts Department of the Lenin Library], vol. 12, pp. 75–86.
12. Zimin, A. A. (1961), "Formation of V.O. Klyuchevsky's Historical Views in the 1860s", *Istoricheskie zapiski* [Historical Records], Moscow, RU, vol. 69, pp. 178–197.
13. Ivanov, G. M., Korshunov, A. M. and Petrov, Yu. V. (1981), *Metodologicheskie problemy istoricheskogo poznaniya* [Methodological Problems of Historical Knowledge], Moscow, RU.
14. Karagodin, A. I. (1976), *Filosofiya istorii V. O. Klyuchevskogo* [V. O. Klyuchevsky's Philosophy of History], Saratov, RU.
15. Kireeva, R. A. (1966), *V. O. Klyuchevskii kak istorik russkoi istoricheskoi nauki* [V. O. Klyuchevsky as a Historian of Russian Historical Science], Moscow, RU.

16. Medushevskii, A. N. (1992), "State School of Russian Historiography", *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda* [Issues of Historiography and Source Criticism in the Period before the October Revolution], Moscow, RU, pp. 81–117.
17. Medushevskii, A. N. (1991), "Afterword", in Klyuchevskii, V. O. *Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve* [Foreigners' Legends on the Muscovite State], Moscow, RU, pp. 291–331.
18. Nechkina, M. V. (1930), "V. O. Klyuchevsky", *Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshchenii* [Russian Historical Literature from Class Perspective], Moscow, RU, vol. 2, pp. 217–353.
19. Nechkina, M. V. (1974), *Vasilii Osipovich Klyuchevskii: Istoriya zhizni i tvorchestva* [Vasily Klyuchevsky: History of Life and Work], Moscow, RU.
20. Picheta, V. I. (1922), *Vvedenie v russkuyu istoriyu (istochniki i istoriografiya)* [Introduction to Russian History (Sources and Historiography)], Moscow, RU.
21. Pliguzov, A. I. and Yanin, V. L. (1989), "Afterword", in Klyuchevskii, V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik* [Old Russian Hagiographies of Saints as a Historical Source], Moscow, RU, pp. 1–13.
22. Pokrovskii, M. N. (1933), *Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov* [Historical Science and Class Struggle], Moscow–Leningrad, RU, vol. 2.
23. Pokrovskii, M. N. (1927), "Foreword", *Russkaya istoricheskaya nauka v klassovom osveshchenii* [Russian Historical Science from Class Perspective], Moscow, RU, vol. 1, pp. 5–19.
24. Rubinshtein, N. L. (1941), *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography], Moscow, RU.
25. Safronov, B. G. (1976), *Istoricheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vippera i ego vremya* [R. Y. Wipper's Historical View of the World and His Time], Moscow, RU.
26. Smirnov, A. F. (1991), "V. O. Klyuchevsky and Native Verbal Art", in Klyuchevskii, V. O. *Literaturnye portrety* [Literary Portraits], Moscow, RU, pp. 5–51.
27. Tikhomirov, M. N. (1956), "Foreword", in Klyuchevskii, V. O. *Sochineniya* [Writings], Moscow, RU, vol. 1, pp. 5–13.
28. Fedotov, G. P. (1991), "Klyuchevsky's Russia", in Fedotov, G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii: izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kultury* [Russia's Fate and Sins: Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture], Vol. 1, St. Petersburg, RU, pp. 329–348.
29. Tsamutali, A. N. (1977), *Bor'ba techenii v russkoi istoriografii* [Struggle of Trends in Russian Historiography], Leningrad, RU.
30. Chumachenko, E. G. (1970), *V. O. Klyuchevskii – istochnikoved* [V. O. Klyuchevsky as a Source Critic], Moscow, RU.
31. Shapiro, A. L. (1962), *Russkaya istoriografiya v period imperializma* [Russian Historiography in the Period of Imperialism], Leningrad, RU.
32. Shkurinov, P. S. (1980), *Pozitivizm v Rossii XIX veka* [Positivism in 19th-century Russia], Moscow, RU.
33. Emmons, T. (1990), "Klyuchevsky and His Disciples", *Voprosy istorii* [Historical Issues], no. 10, pp. 45–62.

Информация об авторе

Матюшевская Мария Иосифовна – канд. ист. наук, доцент. УО «Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова» (ул. Космонавтов, 1, 212008, Могилев, Республика Беларусь). E-mail: Marija211170@yandex.ru.

Information about the author

Matsiushevskaya Mariya Iosifovna, Ph. D. (Hist.), Assistant Professor, Mogilev State A. Kuleshov University (1 Cosmonavtov Str., Mogilev 212022, Belarus). E-mail: Marija211170@yandex.ru.

Для цитирования

Матюшевская, М. И. Оценка научного творчества В. О. Ключевского в российской историографии конца XIX – начала XXI века / М. И. Матюшевская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 55–61.

For citation

Matsiushevskaya M. I. Evaluation of V. O. Klyuchevsky's Scientific Contribution by Russian Historiographers in the Late 19th and Early 21st Centuries. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 55–61.

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.1'373–115+811.161.3'373–115

Поступила в редакцию 16.05.2016

Received 16.05.2016

И. В. Елынцева

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Республика Беларусь*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АДЪЕКТИВНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП КОЛОРАТИВОВ
РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена изучению особенностей структурной организации адъективных лексико-семантических групп как отдельных частеречных сегментов семантических полей «Цвет» и «Колер» в современных русском и белорусском языках. Структура данных иерархически организованных лексических множеств исследуется с помощью дефиниционного и компонентного анализов значений колоративов-прилагательных на основе двух типов моделирования. В соответствии с первым типом моделирования в структуре лексико-семантической группы русского языка выделяется ядерная зона, околождерная зона, центральная зона и зона ближней периферии; в соотносительной группе белорусского языка присутствует ядерная зона, околождерная зона и центральная зона. Согласно второму типу моделирования лексико-семантические группы колоративов-прилагательных обоих языков структурированы по шести подгруппам: «Основные (абсолютные) колоративы», «Вторичные (оттеночные) колоративы», «Смешанные цвета», «Номинации цвета органов и частей тела человека», «Редкие колоративы» и «Прилагательные, номинирующие масти животных». На основе анализа богатого фактического материала в каждой из указанных подгрупп определены более мелкие семантические объединения – парцеллы, формируемые элементами, в значении которых присутствует та или иная характеристика цвета. На конкретных примерах показываются межязыковые сходства и различия в структуре лексико-семантических групп колоративов русского и белорусского языков.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексико-семантическое поле, адъектив, подгруппа, парцелла, цвет, колоратив, лексико-семантический вариант.

I. V. Elyntseva

*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus*

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF LEXICAL SEMANTIC GROUPS
OF COLORATIVE ADJECTIVAL UNITS IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

The article is devoted to studying structural organization features of adjectival lexical semantic groups as separate part-of-speech segments in semantic fields of colour in the modern Russian and Belarusian languages. The data structure of hierarchically organized lexical sets is explored by using definition and component analyses of the meanings of colour adjectives on the basis of two types of modeling. In accordance with the first modeling type, the structure of the lexical semantic group in the Russian language consists of a core zone, near-core zone, central zone and nearest peripheral zone; the correlative set in the Belarusian language consists of a core zone, near-core zone and central zone. According to the second modeling type, lexical semantic groups of colour adjectives in the both languages are structured into six subgroups: Basic (Absolute) Colour Lexemes, Secondary (Hue-denoting) Colour Lexemes, Mixed Colours, Human Organ and Body Part Colour Nominations, Rare Colour Lexemes, and Animal Colour Nominating Adjectives. Based on the analysis of a rich factual material, smaller semantic communities, i.e. parcels, are defined in each of the subsets. The parcels are formed by elements the meaning of which includes a colour characteristic. Specific examples are given to show cross-language similarities and differences in the structure of lexical semantic groups of colour lexemes in the Russian and Belarusian languages.

Keywords: lexical semantic group, lexical semantic field, adjective, subgroup, parcel, colour, colour lexeme, lexical semantic variant.

Анализ больших или малых иерархически упорядоченных лексических объединений удобнее всего проводить на основе полевого подхода, предусматривающего использование метода компонентного анализа, что обеспечивает выявление семантических признаков (сем) в значениях слов для установления состава и структуры лексико-семантического поля (ЛСП), а также семантических связей его членов между собой. Под лексико-семантическим полем понимается иерархическая организация слов, объединенных одним родовым значением, которая представляет в языке определенную семантическую сферу. Ономастологическим свойством ЛСП является то, что в его основе находится родовая сема, или гиперсема, обозначающая класс объектов. Семасиологическая характеристика поля заключается в том, что его члены соотносятся в своих значениях по интегрально-дифференциальным признакам. Это позволяет объединить их и отличать в пределах одного поля [1]. Исходя из этого, в лексико-семантических системах как русского, так и белорусского языков на основе общего семантического признака *цвет* можно выделить ЛСП «*Цвет*» и «*Колер*».

Коррелирующие цветовые ЛСП в сопоставляемых языках представляют собой упорядоченные совокупности лексических единиц разных частей речи (прилагательных, существительных, глаголов, наречий и причастий) с общим семантическим компонентом – архисемой *цвет/колер* и имеют выраженную структуру: *ядро – околядерная зона – центр – периферия*.

Все члены ЛСП, в том числе полей «*Цвет*» и «*Колер*», в обоих языках в зависимости от частеречной характеристики объединяются в более мелкие, также иерархически организованные множества – лексико-семантические группы (ЛСГ), имеющие, как и поля, зонную организацию¹. Основой распределения единиц в языках по тем или иным ЛСГ служит частеречная принадлежность слов, входящих в данное поле. Количество ЛСГ, выделяемых в конкретном поле, соответствует тому, единицы каких частей речи его формируют. Как показал фактический материал, в состав цветовых лексико-семантических полей русского и белорусского языков входят четыре лексико-семантические группы²:

1) ЛСГ адъективных единиц (рус. *багровый, голубой, кремовый, огнистый* / бел. *барвовы, блакітны, крэмавы, агнявы*); сюда же с формальной точки зрения включаются и причастия (рус. *белёный, серебрённый, синённый, чернённый* / бел. *белены, пасярэбраны, сінены, чэрнены*);

2) ЛСГ процессуальных единиц (рус. *буреть, выжелтить, залиловать, подсинить* / бел. *бурэць, выжаўціць, заліловець, падсініць*);

3) ЛСГ предметных единиц (рус. *голубизна, зелень, лазурь, поседение* / бел. *блакіт, зелень, пурпур, пасівенне*);

4) ЛСГ адвербиальных единиц (рус. *бело, дочерна, зелено, серо* / бел. *бела, дачарна, зелена, шэра*).

Все ЛСГ структурируются по подгруппам, в состав которых входят еще более мелкие семантические объединения – парцеллы (ПЦ), формируемые элементами, в значении которых присутствует та или иная характеристика цвета.

Цвет и его оттенки в сопоставляемых близкородственных языках в основном обозначаются с помощью прилагательного, поэтому в качестве предмета нашего исследования выбраны лексико-семантические группы колоративов-адъективов; они являются самыми большими по количеству элементов по сравнению с другими ЛСГ, входящими в состав ЛСП «*Цвет*» и «*Колер*». Сопоставительный анализ этих групп предусматривает обязательное проведение классификации единиц, репрезентирующих в языке определенные цвета: в научной литературе принято различать первичные и вторичные цвета. У первичных колоративов значение цвета является основным, прямым (рус. *синий, желтый, красный, фиолетовый* / бел. *аранжавы, жоўты, сіні, чырвоны* и т. д.), у вторичных значение цвета проявляется через предмет-носитель (рус. *абрикосовый* (= цвета абрикоса), *васильковый* (= цвета василька), *вишневый* (= цвета вишни), *коралловый* (= цвет коралла) / бел. *васільковы* (= колеру васілька), *вішнёвы* (= колеру вішні), *гарчычны*

¹ Исследованию ЛСГ как важнейшего компонента лексико-семантического поля посвящены работы А. А. Уфимцевой [2], Э. В. Кузнецовой [3], Г. С. Щура [4], Ф. П. Филина [5], В. Н. Прохоровой [6] и др.

² Источниками фактического материала послужили «Словарь русского языка» [7] и «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» [8].

Рис. 1. Зональная структура адъективных ЛСГ колоративов русского языка

Fig. 1. Colour adjective LSG zonal structure in the Russian language

Рис. 2. Зональная структура адъективных ЛСГ колоративов белорусского языка

Fig. 2. Colour adjective LSG zonal structure in the Belarusian language

(= колеру гарчыцы), *лімонны* (= колеру лімона) и т. д.). С помощью дефиниционного и компонентного анализов значений колоративов-прилагательных выделяются семантические признаки, позволяющие установить общее и различное в близкородственных языках для названных лексем.

При моделировании структуры ЛСГ колоративов-адъективов, как и структуры ЛСП, можно выделить два типа устройства данных лексических множеств. Согласно первому типу моделирования, связанному с делением пространства группы на зоны по принципу «ядро-периферия», в структуре адъективных ЛСГ выделяются **ядерная зона, околоядерная зона, центральная зона и зона ближней периферии** (рис. 1 и 2).

Как видно из рисунков, зональные структуры адъективных ЛСГ в близкородственных языках имеют определенные отличия.

Так, **ядерную зону** ЛСГ колоративов-прилагательных в близкородственных языках составляют несколько высокочастотных наиболее абстрактных стилистически нейтральных единиц: ядерными лексемами русских ЛСГ являются адъективы *цветной* (по одному из значений – ЛСВ2) ‘воспроизводящий цвет предметов, изображающий что-л. в цветах, близких к натуральным’ и *цветовой*¹ ‘прил. к цвет¹’; в ядро белорусской ЛСГ входит только одна единица – *колеравы* ‘связаны с успыманнем колеру’.

Околоядерная зона русской ЛСГ представлена лексемой *крашеный*, синонимичной ядерным лексемам, но с более узкой семантикой. Используя метод ступенчатой идентификации Э. В. Кузнецовой [9], можно показать присутствие цветового компонента в семантической структуре данной единицы: *крашеный* ЛСВ1 ‘покрытый краской, подвергшийся окраске’ → *окраска* ЛСВ1 ‘действие по глг. окрасить – окрашивать (в 1 знач.)’ → *окрасить* ЛСВ1 ‘покрыть или пропитать краской; покрасить’ → *краска*¹ ЛСВ1 ‘вещество, придающее тот или иной цвет предметам, которые оно покрывает или пропитывает’. Таким образом, можно установить, что в значении слова *крашеный*, как и в значении иных ядерных слов, имеется сема придания цвета предмету и, кроме того, уточняющая сема ‘при пропитке’, что свидетельствует о большей конкретизации семантики данного прилагательного, которое поэтому и выступает членом околоядерной зоны. В структуре белорусской ЛСГ околоядерная зона представлена лексемой *фарбаваны*, в которой с помощью названного выше метода также выявляется наличие семы цвета: *фарбаваны* ЛСВ2 ‘покрыты фарбай’ → *фарба* ЛСВ2 ‘барва, колер, тон’. Остальные прилагательные с еще более конкретным смыслом формируют **центральную зону** ЛСГ обоих близкородственных языков, причем сюда входят как слова-моносеманты, так и отдельные ЛСВ прилагательных с семантикой цвета.

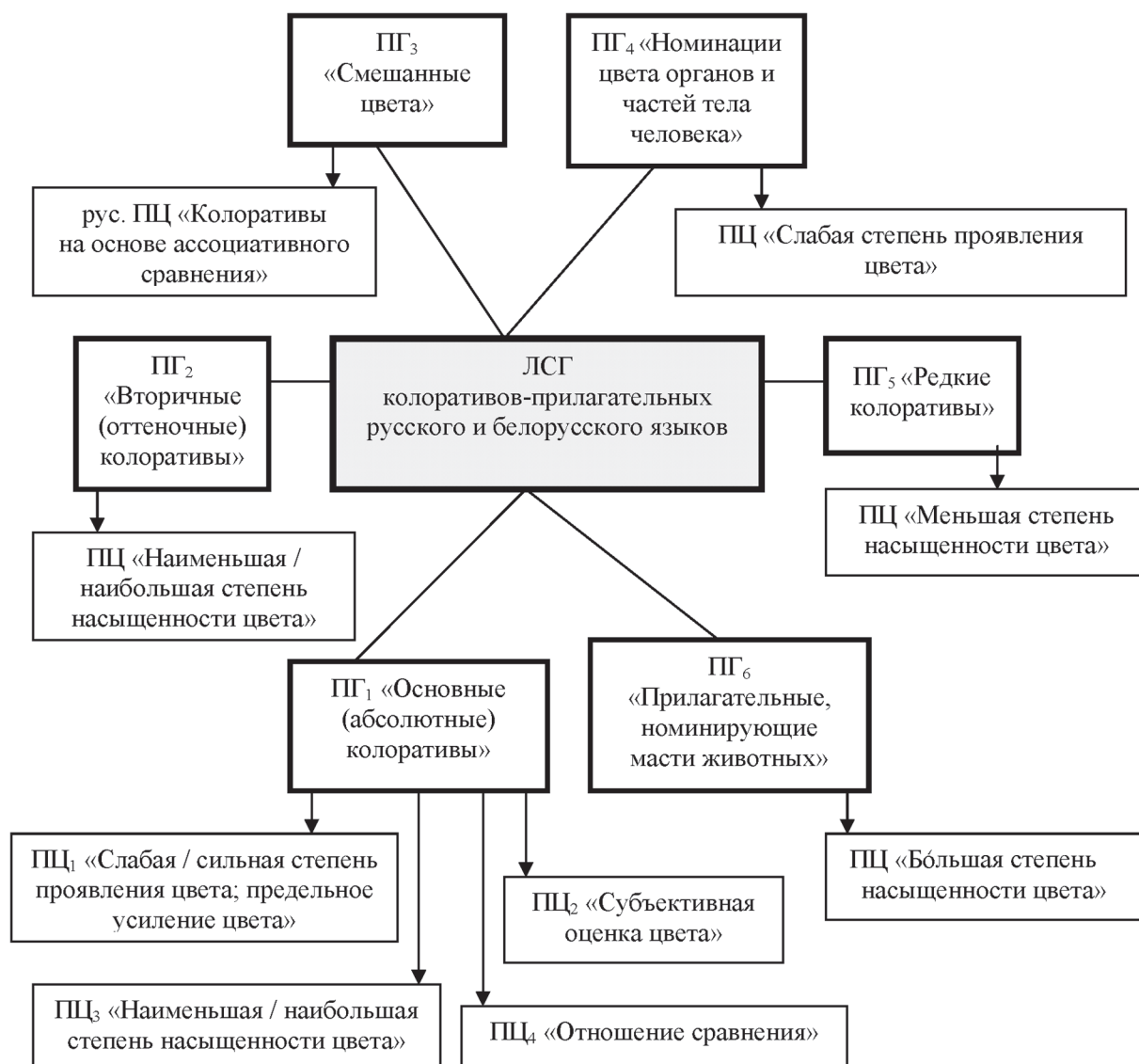

Рис. 3. Иерархическая структура составных частей адъективных ЛСГ колоративов русского и белорусского языков
Fig. 3. Hierarchical structure of colour adjective LSG components in the Russian and Belarusian languages

К зоне **ближней периферии** традиционно относят слова по переносному значению. Принимая во внимание тот факт, что некоторые исследователи к ближней периферии относят также устарелые, областные и редкие слова, эта зона русской ЛСГ может быть представлена следующими номинациями: **дикий** ЛСВ9 'Устар. Темно-серый, сероватый'; **жаркий** ЛСВ4 'Устар. Огненного цвета, оранжевый', **небесный** ЛСВ4 'Разг. устар. Ярко-голубой, как небо', **пюсовый** 'Разг. устар. Красновато-коричневый', **червлёный** 'Устар. Темно-красный, багряный'; **червонный**¹ ЛСВ1 'Устар. Красный, алый'; **ярый**² ЛСВ1 'Устар. Светлый, белый'. В структуре белорусской адъективной ЛСГ такого типа лексем не зафиксировано. Зона **дальней периферии** в адъективных ЛСГ колоративов близкородственных языков отсутствует, поскольку нет таких компонентов – фразеологических единиц с цветовой семантикой и данной частеречной характеристикой.

Согласно второму типу моделирования, лексико-семантические группы колоративов-прилагательных русского и белорусского языков на основании наличия тех или иных дифференциальных сем в семантическом объеме делятся на 6 подгрупп (ПГ), в структуре которых выделяются парцеллы (рис. 3).

Анализ дефиниционных описаний лексических единиц **первой** подгруппы (ПГ₁) (рус. *красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый* / бел. *чырвоны, аранжавы,*

жоўты, зялёны, блакітны, сіні, фіялетава) показывае полное супадзенне семантычных прызнакаў асноўных (абсалютных) колоратываў (напр.: рус. **желтый** ЛСВ1 'імаючый окраску аднаго з асноўных колораў спектра – сярэдняга паміж аранжавым і зялёным; колера ячнага жаўтка, золата' – бел. **жоўты** ЛСВ1 'які мае афарбоўку аднаго з сямі асноўных колераў спектра – сярэдняга паміж аранжавым і зялёным; колеру ячнага жаўтка, золата'; рус. **оранжевый** 'імаючый окраску аднаго з асноўных колораў спектра – сярэдняга паміж красным і жёлтым; колера апельсіна' – бел. **аранжавы** 'які мае чырвона-жоўтую (адну з сямі асноўных колераў спектра) афарбоўку; падобны да колера апельсінаў') і частичное (напр.: рус. **голубой** 'імаючый окраску аднаго з асноўных колораў спектра – сярэдняга паміж зялёным і сінім; колера яснага чыстага неба; светла-сіні, лазурны, лазоревы' – бел. **блакітны** ЛСВ1 'светла-сіні; колеру яснага чыстага неба'; рус. **фиолетовый** 'сіні з краснаватым адценнем, **темно-лиловый**, колера фіялкі' – бел. **фіялетава** 'сіні з чырванаватым адценнем, колеру фіялкі'). У рамках ПГ₁ выдзяляецца 4 парцелы (ПЦ):

– ПЦ₁ «Слабая / сильная степень проявления цвета; предельное усиление цвета», напр.:

рус. *беловатый, желтоватый* / бел. *белаваты, жаўтаваты*;

рус. *белёхонкий, краснёхонек, краснёшенек* / бел. *бялюткі, чырванюткі*;

рус. *зеленёхонкий, чернёхонкий* / бел. *зялянюсенькі, чарнюсенькі*;

– ПЦ₂ «Субъективная оценка цвета», напр.: рус. *беленький, сизенький, черненький* / бел. *беленькі¹, жоўценкі^с, ружовенькі^с, сіненкі^с*;

– ПЦ₃ «Наименьшая/наибольшая степень насыщенности цвета», напр.: рус. *светло-бурый, светло-голубой, светло-желтый, светло-зеленый, светло-красный* / бел. *светла-жоўты, светла-зялёны, светла-карычневы, светла-сіні^с*; рус. *темно-красный, ярко-голубой, ярко-зеленый, ярко-желтый, ярко-красный* / бел. *цёмна-русы^с, цёмна-руды^с, цёмна-чырвоны^с, цёмна-шэры^с, ярка-белы^с, ярка-блакітны^с, ярка-жоўты^с, ярка-зялёны^с, ярка-сіні^с, ярка-чырвоны*;

– ПЦ₄ «Отношение сравнения»: рус. *жемчужно-белый (= белый, как жемчуг), пепельно-серый (=серый, как пепел), соломенно-желтый (= желтый, как солома)* / бел. *малочна-белы (= белы, як малако); нябесна-блакітны (= блакітны, як неба), снежна-белы^с (= белы, як снег)*.

Вторую, дастаткова многічисленную падгруппу (ПГ₂) складаюць вторічныя (адценныя) колоратывы (рус. *апельсиновый, болотный, брусничный, васильковый, вишневый, малиновый* / бел. *бірузовы, бронзавы, гарчычны, дымчаты, кармінавы* і др.). І рускія, і беларускія адзінцы данай падгрупы мотывіраваны адносіцельнымі прылагатальнымі на аснове метафарычнага переноса. У вторічных колоратывах, у адрозненне ад асноўных, значэнне колера, як ужо адзначалася, праяўляецца праз прадмет-носіцель. Часцей за ўсё падобныя адзінцы ўваходзяць у склад ЛСГ па вторым лексіка-семантычнаму варыянту, напр.:

рус. **изумрудный** ЛСВ2 'ярко-зеленый, цвета изумруда' (ср.: *изумруд* 'драгоценный прозрачный камень ярко-зеленого цвета') / бел. **ізумрудны** ЛСВ2 'колера ізумруду, ярка-зялёны' (ср.: *ізумруд* 'каштоўны празрысты камень ярка-зялёнага колера');

рус. **канареечный** ЛСВ2 'ярко-желтый, цвета оперения канарейки' (ср.: *канарейка* 'певчая птица сем. вьюрковых, с ярко-желтым оперением') / бел. **канарэечны** ЛСВ2 'ярка-жоўты, пад колер пер'я канарэйкі' (ср.: *канарэйка* 'пеўчая птушка з ярка-жоўтым апярэннем, больш вядомая як пакаёвая');

рус. **рябиновый** ЛСВ2 'оранжево-красный, цвета ягод рябины' (ср.: *рябина*¹ ЛСВ1 'дерево сем. розоцветных, с оранжево-красными ягодами, собранными в пучок', ЛСВ2 'ягоды этого дерева') / бел. **рабінавы** ЛСВ2 'які нагадвае сабой колер ягад рабіны; аранжава-чырвоны' (ср.: *рабіна* ЛСВ1 'дрэва сямейства ружакветных, на якім гронкамі растуць аранжава-чырвоныя ягады', ЛСВ2 'ягады гэтага дрэва') і др.

Нарэдка бывае, калі канкретная «цветовая» сема ў значэнні мотывіруючых слоў гэтай групы колоратываў-прылагатальных вербальна не выражана, як у прадставленых вышэй адзін-

¹ Колоративы-прилагательные, имеющие при себе значок (с), зафиксированы только в «Слоўніку беларускай мовы» [10].

ниц; предполагается, что у человека имеется четкое представление о цвете данного предмета-носителя. Примерами таких полевых членов могут служить, например, следующие адъективы:

рус. **каштановый** ЛСВ2 ‘коричневый, цвета каштана’ (ср.: *каштан* ‘дерево сем. буковых, дающее плоды в виде крупного ореха; съедобный плод этого дерева’) / бел. **каштанаваы** ЛСВ2 ‘колелу каштана, чырванавата-карычневых’ (ср.: *каштан* ‘дрэва сямейства букавых, якое дае плады ў выглядзе буйнога арэха; плод гэтага дрэва’);

рус. **кирпичный** ЛСВ2 ‘коричневато-красный, цвета кирпича’ (ср.: *кирпич* ‘прямоугольный брусок из обожженной глины, используемый для строительных работ; предмет, имеющий форму такого бруска; дорожный знак’) / бел. **цагляны** ЛСВ2 ‘які мае колер цэгля; карычневата-чырвоны’ (ср.: *цэгла* ‘штучны будаўнічы матэрыял у выглядзе прамавугольных брускоў з гліны і іншай мінеральнай сыравіны’);

рус. **соломенный** ЛСВ2 ‘светло-желтый, цвета соломы’ (ср.: *солома* ‘сухие стебли злаковых растений, остающиеся после обмолота зерна’) / бел. **саламяны** ЛСВ2 ‘светла-жоўты, колелу саломы’ (ср.: *салома* ‘сухія сцёблы злакавых раслін, якія застаюцца пасля абмалоту; сцёблы злакавых раслін на карані’) и др.

В процессе анализа было выявлено, что русскому колоративу-прилагательному в белорусском языке не всегда соответствует лексема, обозначающая цвет, напр.:

рус. **абрикосовый** ЛСВ2 ‘цвета абрикоса; красновато-желтый’ (ср.: *абрикос* ‘южное плодое дерево; плод этого дерева оранжевого цвета с крупной косточкой’) / бел. **абрыкосавы** ‘які мае дачыненне да абрыкоса’ (ср.: *абрыкос* ‘паўднёвае пладовае дрэва; плод гэтага дрэва чырвонажоўтага колелу з буйнай костачкай’);

рус. **помидорный** ЛСВ2 ‘имеющий цвет помидора, ярко-красный (обычно о щеках, румянце и т. п.)’ (ср.: *помидор* ‘огородное растение сем. пасленовых, овощ; округлый красный плод этого растения’) / бел. **памідоравы** ‘які мае адносіны да памідора’ (ср.: *памідор* ‘аднагадовая агародная расліна сямейства паслёнавых з чырвонымі або жоўтымі пладамі, прыдатнымі да яды; плод гэтай расліны’);

рус. **тигровый** ЛСВ1 ‘...// Желтый с темными полосами, цвета шкуры тигра’ (ср.: *тигр* ‘крупное хищное млекопитающее сем. кошачьих, оранжево-желтой с черными полосами окраски’) / бел. **тыгравы** ЛСВ2 ‘такі, як у тыгра, уласцівы тыгру’ (ср.: *тыгр* ‘буйная драпежная млекакормячая жывёліна сямейства кашэчых аранжава-жоўтай з чорнымі палосамі афарбоўкі’) и др. На наш взгляд, это объясняется тем, что белорусскому языку менее свойственно использование прилагательных такого типа в качестве цветообозначений. Думается, однако, что употребление белорусских лексем в значении колоративов вполне возможно и они могут быть выявлены в художественных текстах.

Отметим еще один тип корреляции членов анализируемой подгруппы: некоторым русским колоративам в белорусском языке соответствует сразу несколько лексем или ЛСВ со значением цвета, что обусловлено чисто внутриязыковыми причинами (наличие разветвленной синонимии, словообразовательные особенности и т. п.), напр.:

Рус.

стальной ЛСВ1 ‘...// Напоминающий сталь, похожий на сталь по цвету’,
ЛСВ2 ‘имеющий цвет стали;
серебристо-серый’.

янтарный ЛСВ2 ‘золотисто-желтый,
цвет янтаря’.

Бел.

стальны ЛСВ2 ‘падобны колерам
на сталь, светла-шэры з адлівам’,
сталёвы ‘тое, што і стальны’.

янтарны ЛСВ2 ‘перан. Які па колеры
нагадвае янтар; залаціста-жоўты’,
бурытынавы ЛСВ2 ‘колерам падобны
на бурштын’ (ср.: *бурытын* ‘скамянелая,
жоўтая, празрыстая смала хвойных
дрэў...’).

В ходе анализа дефиниций были выявлены случаи полного несовпадения основных семантических признаков цвета одного из белорусских эквивалентов:

Рус.

свинцовый ЛСВ2 ‘темно-серый, цвета свинца’.

Бел.

свінцовы ЛСВ2 ‘цёмна-шэры, колеру свінцу’, **алавяны** ЛСВ3 ‘чым-н. падобны да волава, такі, як у волава’ (ср.: *волава* ‘хімічны элемент, мяккі коўкі метал *серабрыста-белага* колеру’).

В рамках ПГ₂ выделяется ПЦ «Наименьшая / наибольшая степень насыщенности цвета» (напр.: рус. *светло-каштановый, светло-сиреневый; темно-каштановый, ярко-малиновый*¹ / бел. *светла-каштанаваы, светла-ліловы^е, светла-малінавы^е; цёмна-вішнёвы^е, ярка-малінавы^е*).

В значениях лексем **третьей** подгруппы (ПГ₃) отражена сема смешанных цветов (рус. *белорозовый, красно-бурый, серовато-голубой, черно-бурый* / бел. *бела-ружовы, чорна-буры, чырво-на-буры*). В обоих близкородственных языках данная подгруппа номинаций немногочисленная. В русском языке в рамках ПГ₃ выделяется ПЦ «Колоративы на основе ассоциативного сравнения» (*изжелта-зеленый, изжелта-красный*); в белорусском языке такие единицы отсутствуют.

Четвертую подгруппу (ПГ₄) составляют номинации цвета органов и частей тела человека (напр.: рус. *карий* ‘коричневый (о цвете глаз)’², *русый* ‘светло-коричневый (о волосах)’. // Со светло-коричневыми волосами’, *смуглый* ‘более темной окраски (по сравнению с обычным цветом кожи людей белой расы)’ / бел. *кары¹* ‘карычневы (пра колер вачэй)’, *русы* ‘светла-карычневы з шараватым ці жаўтаватым адценнем (пра валасы)’. // Які мае валасы такога колеру (пра чалавека)’, *чарнявы* ‘які мае цёмныя валасы і смуглявы твар; з цёмнымі валасамі’. // Чарнаваты, цёмны (пра валасы); смуглы (пра твар)’ и т. д.). В рамках ПГ₄ выделяется ПЦ «Слабая степень проявления цвета» (рус. *смугловатый*³ / бел. *смуглаваты*).

Колоративы-прилагательные **пятой** подгруппы (ПГ₅) – редко употребляемые номинации цвета, напр., рус. *кубовый* ‘синий, яркого, густого оттенка’, *шарлаховый* ‘спец. Ярко-красный’, *шаровый* ‘серо-дымчатый’ / бел. *крэмавы* ЛСВ2 ‘белы з жаўтаватым адценнем’, *кубавы* ‘сіні, з яркім, густым адценнем’. Сопоставление лексических составов данной подгруппы в близкородственных языках позволяет констатировать больше отличий, чем совпадений в количественном отношении (таких единиц в русском языке больше, чем в белорусском) и максимальное совпадение их дефиниций, за исключением некоторых случаев, напр.: рус. *бордо*² ‘неизм. прил. Темно-красный, цвета красного вина’ / бел. *бардо*² ‘нязм. прым. Цёмна-чырвоны’, рус. *индиговый* ЛСВ2 ‘темно-синий, цвета индиго’ / бел. *індыгавы* ЛСВ2 ‘цёмна-сіні, кубавы’, рус. *хаки* ЛСВ1 ‘неизм. прил. Серовато-зеленый с коричневым оттенком; защитный’ / бел. *хакі* ЛСВ1 ‘прым., нескл. Шаравата-зялёны, зелянковы’ и некот. др. В рамках ПГ₅ выделяется парцелла «Меньшая степень насыщенности цвета» (напр.: рус. *светло-кремовый*⁴ / бел. *светла-крэмавы^е*).

Прилагательные, обозначающие масти животных в сопоставляемых близкородственных языках, составляют **шестую** подгруппу (ПГ₆) (рус. *буланный, вороной, гнедой, игреневый, караковый, каурый, муругий, мухортый, чалый* (ЛСВ1) – бел. *буланы, вараны, гняды* (и *гнеды*), *паджары* (ЛСВ1), *дарашаваы* и др.). В дефинициях названных лексем присутствует сема специализированного объекта *о масти лошади* / *пра масць коней*, указывающая на принадлежность данных колоративов к этой подгруппе (напр., рус. *вороной* ЛСВ1 ‘черный (*о масти лошади*)’ – бел. *вараны* ЛСВ1 ‘чорны (*пра масць коней*)’. В ходе анализа дефиниций было установлено полное несовпадение

¹ Русский колоратив-прилагательное *ярко-малиновый* зафиксирован только в «Беларуска-рускім слоўніку» [11].

² Русский колоратив-прилагательное *карий*, в отличие от белорусского *кары*, по своему оттенку может еще входить в состав ПГ₆: *карий* ‘...// Темно-гнедой, но несколько светлее каракового, с буроватым отливом на ногах (о масти лошади)’.

³ Колоратив-прилагательное *смугловатый* зафиксирован только в «Новом орфографическом словаре-справочнике русского языка» [12].

⁴ Колоратив-прилагательное *светло-кремовый* зафиксирован только в «Беларуска-рускім слоўніку» [11].

основных семантических и некоторых дифференциальных признаков цвета перечисленных выше единиц, которые подаются в «Русско-белорусском словаре» как эквиваленты, ср.: рус. *гнедой* ЛСВ1 ‘красновато-рыжий с черным хвостом и гривой (о масти лошади)’ – бел. *гняды* (и *гнеды*) ‘цёмна-рыжы (пра масць коней)’; рус. *игреневый* ‘рыжий со светлой, белой гривой и хвостом (о масти лошади)’ – бел. *буланы* ‘жаўтаваты, палавы з чорным хвостом і чорнай грываю (пра масць коней)’ (*палавы*² ‘які мае бледна-жоўты колер’); рус. *каурый* ЛСВ1 ‘светло-каштановый, рыжеватый (о масти лошади)’ – бел. *буланы* ‘жаўтаваты, палавы з чорным хвостом і чорнай грываю (пра масць коней)’; рус. *мухортый* ‘гнедой с желтоватыми подпалинами (о масти лошади)’ – бел. *гняды* (и *гнеды*) ‘цёмна-рыжы (пра масць коней)’ и др.

В рамках ПГ₆ выделяется ПЦ «Большая степень насыщенности цвета» (напр., рус. *караковый* ‘темно-гнедой, почти вороной, с подпалинами (о масти лошади)’ – бел. *цёмна-гняды*¹).

Отдельно стоят адъективы типа рус. *черно-белый* ЛСВ1 ‘состоящий из черного и белого цвета, представляющий собой соединение, сочетание этих цветов’ / бел. *чорна-белы* ЛСВ1 ‘які аб’ядноўвае ў сабе чорны і белы колеры’; рус. *красно-белый* – бел. *чырвона-белы*²; рус. *сине-красный*³ / бел. *сіне-чырвоны*^с и под., которые, исходя из их семантических значений, не могут входить ни в одну из перечисленных выше подгрупп, поскольку представляют собой не оттенки цветов, а их сочетания.

Таким образом, анализ соотносительных лексико-семантических групп русских и белорусских колоративов-адъективов позволил представить состав и структуру данных лексических множеств и установить общее и различное в адъективных ЛСГ цветообозначений как частеречных сегментов ЛСП «Цвет» и «Колер» в сопоставляемых близкородственных языках, что в первую очередь связано как с совпадением членения языками семантического пространства, так и со спецификой видения народами предметов и явлений действительности.

Список использованных источников

1. Современный русский язык : Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для вузов: в 2 ч. – Ч. 1 : Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 544 с.
2. Уфимцева, А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева // Вопр. языкознания. – 1962. – № 4. – С. 36–46.
3. Кузнецова, Э. В. Части речи и ЛСГ слов / Э. В. Кузнецова // Вопр. языкознания. – 1975. – № 5. – С. 78–81.
4. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М., 1974. – 254 с.
5. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Очерки по теории языкознания. – М., 1982. – С. 229–239.
6. Прохорова, В. Н. Лексико-семантические группы как лексические микросистемы русского языка / В. Н. Прохорова // Системные семантические связи языковых единиц: сб. науч. тр. – М., 1992. – С. 123–130.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
8. Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т., 6 кн. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984.
9. Кузнецова, Э. В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов / Э. В. Кузнецова // Вопр. металингвистики. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – С. 84–95.
10. Слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Н. П. Еўсіевіч [і інш.]; навук. рэд. А. А. Лукашанец, В. П. Русак. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 916 с.
11. Беларуска-рускі слоўнік: у 3 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2003.
12. Новый орфографический словарь-справочник русского языка / ред.-сост. В. В. Бурцева. – 6-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. – 754 с.

¹ Белорусский колоратив-прилагательное *цёмна-гняды* в «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» [8] не зафиксирован.

² Колоративы-прилагательные *красно-белый* / *чырвона-белы* зафиксированы только в «Беларуска-рускім слоўніку» [11].

³ Русский колоратив-прилагательное *сине-красный* зафиксирован только в «Новом орфографическом словаре-справочнике русского языка» [12].

References

1. Dibrova, E. I. (2001), *Sovremennyyi russkii yazyk: Teoriya. Analiz yazykovykh edinit: Ucheb. dlya vyssh. ucheb. zavedenii: V 2 ch., Ch. 1: Fonetika i orfoepiya. Grafika i orfografiya. Leksikologiya. Frazеologiya. Leksikografiya. Morfemika. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language: A Theory. Analysis of Linguistic Units: A Textbook for Higher Education Institutions: In 2 Parts, Part 1: Phonetics and Orthoepy. Graphics and Orthography. Lexicology. Phraseology. Lexicography. Morphemics. Word Formation], The publishing center "Academy", Moscow, RU.
2. Ufimtseva, A. A. (1962), "Regarding the Lexical Semantic System of a Language", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 36–46.
3. Kuznetsova, E. V. (1975), "Parts of Speech and Lexical Semantic Groups of Words", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 78–81.
4. Shchur, G. S. (1974), *Teorii polya v lingvistike* [Theories of the Field in Linguistics], Moscow, RU.
5. Filin, F. P. (1982), "On Lexical Semantic Groups of Words", in Filin, F. P. *Ocherki po teorii yazykoznaniya* [Essays on the Theory of Linguistics], Moscow, RU, pp. 229–239.
6. Prokhorova, V. N. (1992), "Lexical Semantic Groups as Lexical Microsystems in the Russian language", *Sistemnye semanticheskie svyazi yazykovykh edinit: sb. nauch. trudov* [Systemic and Semantic Bonds between Language Units], Moscow, RU, pp. 123–130.
7. Evgen'eva, A. P. (ed.) (1984), *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language in 4 Vol.], 2nd ed., Russian language, Moscow, RU, 4 vol.
8. Atrakhovich, K. K. (K. Krapiva) (ed.) (1983), *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskai movy, u 5 t., 6 kn.* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language in 5 Vol., 6 Books], Belarusian soviet encyclopedia, Minsk, BY, vol. 5, kn. 6.
9. Kuznetsova, E. V. (1973), "Stepped Identification as a Means to Describe Semantic Bonds between Words", in Zazorina, L. N. (ed.) *Trudy Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Zhdanova "Voprosy metalingvistiki"* [Proceedings of Leningrad State A. A. Zhdanov University: Metalinguistic Issues], pp. 84–95.
10. Lukashanets, A. A., Rusak, V. P. (ed.) (2012), *Sloŭnik belaruskai movy* [Dictionary of the Belarusian Language], Belarusian science, Minsk, BY.
11. (2003), *Belarуска-ruski sloŭnik: u 3 t.* [Belarusian-Russian Dictionary: In 3 Vol.], 3rd ed., Minsk, BY, vol. 3.
12. Burtseva, V. V. (2007), *Novyi orfograficheski slovar'-spravochnik russkogo yazyka* [New Spelling Dictionary and Handbook of the Russian language], 6th ed., Moscow, RU.

Информация об авторе

Елынцева Ирина Владимировна – канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник. ГНУ "Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси" (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: i.elyntseva@gmail.com.

Information about the author

Elyntseva Irina Vladimirovna, Ph. D. (Philol.), Lead Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: i.elyntseva@gmail.com.

Для цитирования

Елынцева, И. В. Структурно-семантические особенности адъективных лексико-семантических групп колоративов русского и белорусского языков / И. В. Елынцева // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 62–70.

For citation

Elyntseva I. V. Structural and Semantic Features of Lexical Semantic Groups of Colorative Adjectival Units in the Russian and Belarusian Languages. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 62–70.

ISSN 0321-1649 (print)

УДК 811.161.1'373.611+811.161.3'373.611

Поступила в редакцию 04.05.2016

Received 04.05.2016

О. С. Юшкевич

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Республика Беларусь*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ» В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию словообразовательных отношений единиц лексико-семантического поля «Географический ландшафт» в русском и белорусском языках. Выявить эти отношения позволяет построение лексико-семантических вариантов гнезд – фрагментов словообразовательных гнезд, которые состоят только из элементов, входящих в исследуемое лексико-семантическое поле. В основу сравнительного анализа были положены следующие характеристики: 1) тип вершины; 2) количественный состав; 3) особенности структуры: а) наличие синтагматических и парадигматических единиц; б) число ступеней словообразования; в) наличие словообразовательных лакун.

Названы наиболее распространенные способы словообразования полевых единиц: суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы и основосложение с суффиксацией. Меньше всего слов, номинирующих природные объекты, образовано префиксальным способом.

Сравнительный анализ лексико-семантических вариантов гнезд русского и белорусского языков позволяет сделать вывод о том, что в словообразовательных отношениях единиц лексико-семантических полей «Географический ландшафт» и «Геаграфічны ландшафт» обнаруживается много общего. Вершина фрагментов гнезд может входить в исследуемое поле либо являться элементом других полей. Количественный состав варьируется от 2 до 32 единиц. Фрагменты гнезд полевых элементов содержат единицы горизонтального и вертикального уровней; производные расположены не более чем на 3 ступенях деривации. Различия в структуре лексико-семантических вариантов гнезд связаны с несовпадением способов номинации соотносительных понятий в близкородственных языках, с несоответствием словообразовательных средств и способов словообразования коррелятивных единиц лексико-семантических полей русского и белорусского языков.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательное гнездо, словообразовательная пара, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма, морфема, синтагматическая единица, парадигматическая единица, лексико-семантическое поле.

O. S. Yushkevich

*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus*

WORD FORMATION RELATIONS IN THE LEXICAL SEMANTIC FIELD “GEOGRAPHIC LANDSCAPE” IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

The article explores word formation relations between units of the lexical semantic field “Geographical Landscape” in the Russian and Belarusian languages. These relations can be identified by building lexical semantic variants of word formation nests, i.e. nest fragments comprising only elements that are part of the lexical semantic field under study. The comparison analysis is based on the following parameters: 1) type of headword; 2) number of elements; 3) structural features: a) presence of syntagmatic and paradigmatic units; b) number of word formation stages; c) presence of word formation lacunas.

The most common word formation methods for field units are specified: suffixation, prefixation and suffixation, and compounding with suffixation. Least of the words nominating natural objects are formed by prefixation.

The comparative analysis of lexical semantic variants of word formation nests in Russian and Belarusian shows that there is much in common in the word formation relations between units of the lexical semantic field “Geographical Landscape” in the both languages. A nest fragment headword can be a part of the field under study or a part of other fields. The quantitative composition varies from 2 to 32 units. Nest fragments of field elements contain horizontal and vertical level units; derivatives demonstrate no more than 3 derivation stages. Differences in the structure of lexical semantic variants of word formation nests are associated with varied ways of nominating correlative notions in closely related languages and varied word formation means and methods in Russian and Belarusian languages.

Keywords: word formation, word formation nest, word formation pair, word formation chain, word formation paradigm, morpheme, syntagmatic unit, paradigmatic unit, lexical semantic field.

В лексико-семантических системах русского и белорусского языков выделяются четко очерченные лексико-семантические поля географического ландшафта, поскольку эта сфера является для человека жизненно важной. Системное изучение ландшафтных наименований, принадлежащих к древнейшему пласту лексической системы, позволяет получить доступ к знаниям и представлениям носителей языка о мире. Это связано с тем, что история природы неотделима от истории людей, именно географические условия определяют образ жизни и хозяйственную деятельность этноса. В поля географического ландшафта входят лексические единицы, номинирующие природные объекты (в том числе водные) и связанные между собой различными отношениями.

В белорусском языкознании изучению лексико-семантических полей в близкородственных языках посвящены работы О. М. Николаевой [7], И. В. Кондратени [4], И. В. Елынцевой [11], Т. П. Кугейко [5], О. Г. Ванкевич [3], Н. В. Лавринович [6] и других ученых.

Объектом данного исследования являются словообразовательные отношения единиц лексико-семантического поля «Географический ландшафт» в русском и белорусском языках.

При полевом подходе к изучению лексики словообразовательные отношения рассматриваются как отдельный тип категориальных семантических отношений лексем (наряду с эпидигматическими, синтагматическими и парадигматическими). Выявить эти отношения позволяет построение лексико-семантических вариантов гнезд (ЛСВГ) – фрагментов словообразовательных гнезд, которые состоят только из элементов, входящих в исследуемое лексико-семантическое поле (ЛСП).

Для обоих соотносительных полей «Географический ландшафт» и «Геаграфічны ландшафт» характерно большое количество лексико-семантических вариантов гнезд. Их вершины представлены корнями разных частей речи, образующими слова, которые объединяются в подгруппы «Рельеф», «Заросли», «Почва» и другие.

Большинство полевых единиц являются производными, однако и в русском, и в белорусском языках есть одиночные немотивированные и не являющиеся производными лексемы, например, рус. *айсберг, барханы, джунгли* / бел. *айсберг, барханы, джунглі* и др. В основном в качестве вершин выступают существительные (например, рус. *берег, болото, гора, дерн, дно, лес* и др. / бел. *бераг, балота, гара, дзёран, дно, лес* и др. Вершинами ЛСВГ также могут быть прилагательные (например, рус. *глубокий, глухой, крутой, высокий* / бел. *глыбокі, глухі, круты, высокі*) и отдельные глаголы (например, рус. *отложить* 'Геол. Нанеся, осадив частицы размытых пород, образовать (слой, пласт и т. п.)' [8, т. 2, с. 689]; бел. *пратаць* 'растаць, утварыўшы праталіну' [10, т. 4, с. 375]). Наречия в пределах исследуемых полей входят в состав ЛСВГ, однако не являются их вершинами.

При этом вершиной ЛСВГ может быть однозначное слово (рус. *болото* 'топкое место, часто со стоячей водой' [8, т. 1, с. 105]; бел. *лужа* 'тое, што і лужына' [10, т. 3, с. 61]), многозначное слово (рус. *берег* '1. Край земли у водной поверхности. 2. Суша (в противоположность воде)' [8, т. 1, с. 79] / бел. *дзірван* '1. Тое, што і дзёран. 2. Нявораная зямля, густа парослая травой' [10, т. 2, с. 175]) либо лексико-семантический вариант слова (рус. *лес* ЛСВ1 'деревья, стоящие во множестве на корню, а также пространство, обильно заросшее деревьями' [8, т. 2, с. 176] / бел. *балота* ЛСВ1 'нізкае багністае месца, звычайна з стаячай вадой і вільгацелюбнай расліннасцю' [10, т. 1, с. 334]). В зависимости от количества единиц и характера мотивационных отношений, которые между ними устанавливаются, ЛСВГ структурируются по нескольким словообразовательным ступеням.

Члены полей образуются в языках разными морфологическими способами.

1. Суффиксальным: рус. *болото* – *болот-н-ый, канава* – *канав-к-а, лес* – *лес-н-ой* / бел. *балота* – *балот-н-ы, канава* – *канаў-к-а, лес* – *ляс-н-ы* и др.

2. Префиксальным: рус. *почва* – *под-почва, травень* – *за-травень* / бел. *глеба* – *пад-глеба, травянец* – *за-травянец*.

3. Префиксально-суффиксальным: рус. *гора* – *на-гор-н-ый, глина* – *су-глин-ок, край* – *за-край-ин-а* / бел. *гара* – *на-гор-н-ы, гліна* – *су-глін-ак, край* – *за-край-ін-а*.

4. Сложением:

1) основосложением: рус. *раздел воды* – *вод-о-раздел* / бел. *лес, стэп* – *лес-а-стэп, лес, тундра* – *лес-а-тундра-а¹, падзел вады* – *вод-а-падзел*;

¹ Необходимо отметить, что в качестве способа словообразования данных единиц в словаре А. Н. Тихонова [9] указывается сложение производящей основы и производящего слова, а в «Словаўтваральным слоўніку беларускай мовы» [2] – основосложение.

2) основосложением с суффиксацией: рус. *левый берег* – *лев-о-береж-н-ый* / бел. *левы бераг* – *лев-а-бярэж-н-ы*;

3) основосложением с нулевой суффиксацией (характерно только для белорусского языка): *дробны лес* – *драбн-а-лесс-Ø-е*;

4) основословосложением: рус. *образование гор* – *гор-о-образование*, *лес, степь* – *лес-о-степь*, *лес, тундра* – *лес-о-тундр-а* / бел. *утварэнне гор* – *гор-а-ўтварэнне*.

Наиболее распространены в соотносительных лексико-семантических полях суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы и основосложение с суффиксацией. Меньше всего слов образовано префиксальным способом.

В состав ЛСП «Географический ландшафт» входят производные четырех словообразовательных типов.

1. Модификационного: рус. *бугорок* ← *бугор*, *взгорочек* ← *взгорок*, *канавка* ← *канав* / бел. *пагорчак* ← *пагорак*, *узгорчак* ← *узгорак*, *канаўка* ← *канав* и др.

2. Мутационного: рус. *болотный* ← *болото*, *перелесок* ← *лес* / бел. *балотны* ← *балота*, *пера-лесак* ← *лес*.

3. Транспозиционного: рус. *выпуклость* ← *выпуклый*, *намыв* ← *намыт* / бел. *выпукласць* ← *выпуклы*, *намыў* ← *намыць*.

4. Синтагматического: рус. *чернозем* ← *черная земля* / бел. *чарназём* ← *чорная зямля*.

В ЛСП обоих языков больше всего слов с мутационным словообразовательным значением.

На наш взгляд, существенными для сравнительного анализа будут следующие характеристики ЛСВГ: 1) тип вершины (которая может входить в исследуемое поле либо являться элементом других полей); 2) количественный состав; 3) особенности структуры: а) наличие синтагматических и парадигматических единиц; б) число ступеней словообразования; в) наличие словообразовательных лакун.

Анализ фактического материала дает основания утверждать, что в ЛСП «Географический ландшафт» включаются ЛСВГ, вершины которых не входят в исследуемое поле из-за отсутствия в их семантической структуре сем 'рельеф', 'заросли', 'почва', 'горная порода', например:

рус. (**СОСАТЬ**)¹

1 | *про-сосать*
2 | *просас-ыва-ть*
| *просос-Ø*
—
—

бел. (**МЫЦЬ**)

1 | *пра-мыць*
2 | *прамы-ва-ць*
| *прамыў-Ø*
| *прамыв-ін-а*
| *прамыj-ін-а*

В данном случае единицы русского поля образованы от исходного глагола *сосать* в значении 'есть, вызывая такими движениями языка и губ постепенное растворение, размягчение пищи (сахара, конфет, сухарей и т. п.)' [8, т. 4, с. 204] на основе метафорического переноса: *прососать* 'просачиваясь, проделать сквозное отверстие в чем-л. (о жидкости)' [8, т. 3, с. 524]. Аналогичным способом образованы элементы белорусского поля от исходного глагола *мыць* 'абліваць вадой паверхню чаго-н.; абмываць' [10, т. 3, с. 188]: *прамыць* 'праваць што-н. або прасачыцца праз што-н. (пра ваду). ...// Сілай цячэння зрабіць упадзіну, паглыбленне ў чым-н. (пра ваду)' [10, т. 4, с. 348].

Количественный состав ЛСВГ двух языков может быть сходным либо различаться, что обусловлено разной степенью продуктивности лексем. Необходимо отметить, что не все единицы исследуемых полей образуют развернутые ряды дериватов. В структуре ЛСП обоих языков присутствуют одиночные элементы, преимущественно заимствованные слова (например, рус. *шивера* 'каменистый мелководный участок русла сибирских и уральских рек с быстрым течением' [8, т. 4, с. 714]; бел. *бар* 'падводная пясчаная наносная мель у прыбярэжнай паласе мора перад вусцем ракі' [10, т. 1, с. 339]). В простейших ЛСВГ, кроме исходного, – только одно производное. В частности, ядро ЛСП представлено ЛСВГ из 2 единиц:

рус. **ЛАНДШАФТ**

1 | *ландшафт-н-ый*

бел. **ЛАНДШАФТ**

1 | *ландшафт-н-ы*

¹ В скобках указаны слова, которые не входят в исследуемые ЛСП.

Большие гнезда могут включать десятки образований: с вершиной *лес* – 31 в русском языке и 30 в белорусском, с вершиной *гора* – 27 и 32 соответственно, с вершиной *берег* – 18 и 14, с вершиной *болото* – 12 и 17:

рус. **ЛЕС**

1 | лес-ок
| лес-н-ой
| лес-ист-ый
2 | лесист-ость
| без-лес(-н-ый)
безлес'-j-е
за-лесн-ый
за-лес'-j-е

| пере-лес-ок
| пере-лес'-j-е
| по-лес'-j-е
| под-лес-н-ый
| под-лес-ок
| подлесоч-н-ый
| под-лес'-j-е
| про-лес-ок
| обез-лес-е-ть
| обезлесене-ни-е
| (обез-лес-и-ть)
обезлесить-ся
лес-о-степь
лесостеп-н-ой
лес-о-тундр(а)
лесотундр-ов-ый
красн-о-лес'-j-е
мелк-о-лес(-н-ый)
мелколес'-j-е
редк-о-лес'-j-е
черн-о-лес(-н-ый)
чернолес'-j-е

бел. **ЛЕС**

1 | ляс-ок
| ляс-н-ы
| ляс-іст-ы
2 | лясіст-асць
| бяз-лес-н-ы
| бяз-лесс-Ø-е
| бяз-лес-іц-а
| за-лес-н-ы
| за-лесс-Ø-е
| між-лесс-Ø-е
| пера-лес-ак
| пера-лесс-Ø-е
| па-лесс-Ø-е
| пад-лес-н-ы
пад-лес-ак
пад-лесс-Ø-е

| абяз-лес-е-ць
| абязлес-енн-е
| (абяз-лес-і-ць)
| абязлесі-(ц)-ца
| уз-лес-ак
| уз-лесс-Ø-е
| лес-а-стэп
| лесастэп-ав-ы
| лес-а-тундр-а
лесатундр-ав-ы
драбн-а-лесс-Ø-е
рэдк-а-лесс-Ø-е

| чарн-а-лесс-Ø-е

В структуре ЛСВГ можно выделить единицы горизонтального уровня, или синтагматические (к которым относятся словообразовательная пара, словообразовательная цепочка), и вертикального уровня, или парадигматические (словообразовательная парадигма). Например, в приведенном выше ЛСВГ с вершиной *лес* присутствуют все указанные словообразовательные единицы: словообразовательные пары: рус. *лес* → *лесок* / бел. *лес* → *лясок*; словообразовательные цепочки: рус. *лес* → *лесистый* → *лесистость* / бел. *лес* → *лясісты* → *лясістасць*; словообразовательные парадигмы:

рус. *лес* →

лесок
лесной
лесистый
безлесный
залесный
залесье
перелесок и т. д.

бел. *лес* →

лясок
лясны
лясісты
бязлесны
бязлесіца
залесны
залессе и т. д.

Большинство производных расположено на первой ступени деривации. Всего в ЛСВГ исследуемого поля от 1 до 3 словообразовательных ступеней. При этом соотносительные производные в гнездах разных языков могут находиться на разных ступенях словообразования. Например, в русском языке слово *мелколесье* находится на второй ступени деривации (поскольку есть прилагательное *мелколесный*), а в белорусском языке соответствующее производное *драбналессе* находится на первой ступени из-за отсутствия мотивирующего прилагательного.

Полностью идентичных ЛСВГ в обоих языках немного (см. приведенные выше фрагменты гнезд с вершиной *ландшафт*).

Большинство ЛСВГ в двух языках имеют много различий. Рассмотрим эти различия на примере ЛСВГ с вершиной *гора*:

рус. *ГОР(А)*

1 | *гор-к-а*
 | *гор-ист-ый*
 2 | *горист-ость*
гор-н-ый
вз-гор-ок
взгороч-ек

 | *вз-гор'-j-e*
 | *меж-гор'-j-e*
 | *меж-гор-н-ый*
 | *на-гор'-j-e*
на-гор-н-ый

 | *под-гор'-j-e*
 | *под-гор-н-ый*
пред-гор'-j-e
пред-гор-н-ый
при-гор-ок
у-гор
у-гор'-j-e
гор-о-образование
высок-о-гор-н-ый
высок-о-гор'-j-e
кос-о-гор
крут-о-гор
плоск-о-гор(-н-ый)
плоскогор'-j-e
пол-у-гор-а

бел. *ГАР(А)*

1 | *гор-к-а*
 | *гар-ыст-ы*
 2 | *гарыст-асць*
 | *гор-н-ы*
 | *ад-гор-j-e*
 | *уз-гор-ак*
 | *узгорач-ак*
 | *узгорк-ават-ы*
 3 | *узгоркават-асць*
 | *узгор-ыст-ы*
 | *узгорыст-асць*
 | *уз-гор-j-e*
 | *між-гор-j-e*
 | *міжгор-н-ы*
 | *на-гор-j-e*
 | *на-гор-н-ы*
 | *па-гор-ак*
 | *пагорач-ак*
 | *пад-гор-j-e*
 | *пад-гор-н-ы*
 | *прад-гор-j-e*
 | *перад-гор-j-e*
 | *перад-гор-н-ы*
пры-гор-ак

 | *гор-а-ўтварэнне*
 | *высак-а-гор-н-ы*
 | *высак-а-гор-j-e*
 | *кас-а-гор*
 | *крут-а-гор*
 | *пласк-а-гор(-j-e)*
 | *пласкагор-н-ы*

Вершины обоих фрагментов гнезд входят в ЛСП «Географический ландшафт»: рус. *гора* '1. Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей' [8, т. 1, с. 331] / бел. *гара* '1. Участак зямной паверхні, які высока ўзнямаецца над акалячай мясцовасцю; *проціл. нізіна*' [10, т. 2, с. 27]. Частеречный состав анализируемых ЛСВГ идентичен (в них входят существительные и прилагательные), однако наблюдаются некоторые различия в количественном составе фрагментов гнезд полевых единиц: в ЛСВГ русского

языка 19 существительных, 8 прилагательных, в то время как в аналогичном фрагменте белорусского языка 22 существительных и 10 прилагательных, что связано с наличием в обоих ЛСВГ словообразовательных лакун. Существование таких лакун объясняется различиями в способах номинации соотносительных понятий в близкородственных языках. Неоднородны исследуемые ЛСВГ и по своей структуре: производные русского фрагмента гнезда распределяются по 2 ступеням деривации, в то время как в ЛСВГ белорусского языка выделяется 3 ступени. Это связано с большим словообразовательным потенциалом исходного слова и отдельных элементов гнезд в белорусском языке. Кроме того, в русском и белорусском языках учеными по-разному устанавливаются мотивационные отношения исследуемых единиц. Так, в русском ЛСВГ прилагательное выступает в качестве мотивирующего по отношению к существительному: *плоск-о-гор(-н-ый) → плоскогор'-j-е*. В белорусском языке мотивационные отношения устанавливаются в обратном порядке (*пласк-а-гор(-j-е) → пласкагор-н-ы*), что подтверждается данными толкового словаря: *пласкагорны* 'ўласцівы пласкагор'ю' [10, т. 4, с. 268].

В результате исследования было установлено, что наибольшее число различий обнаруживается в словообразовательной структуре ЛСВГ. Для соотносительных единиц полей в близкородственных языках характерно несовпадение способа словообразования и используемого форманта. Кроме того, фрагменты гнезд обоих языков содержат словообразовательные лакуны. Они возникают в случаях, когда лексемы, номинирующие соотносительные понятия, в русском и белорусском языках образованы от разных основ и, следовательно, входят в состав разных ЛСВГ. Так, русское слово *опушка* 'край леса' [8, т. 2, с. 634] является непроизводным и выступает в качестве вершины лексико-семантического варианта гнезда, в то время как соотносительные белорусские лексемы *узлесак* 'тое, што і ўзлесце' [10, т. 5, кн. 1, с. 641], *узлесце* 'край лесу' [10, т. 5, кн. 1, с. 641] образованы от слова *лес*, а потому входят в состав ЛСВГ с вершиной *лес*. Словообразовательные лакуны также возникают в результате несовпадения способов номинации соотносительных понятий в близкородственных языках (например, русской лексеме *краснолесье* соответствует белорусское словосочетание *хваёвы лес*) (таблица).

Различия в словообразовательной структуре ЛСВГ «Географический ландшафт» в русском и белорусском языках

Различие	Примеры	
	русский язык	белорусский язык
Способ номинации	<i>крупинка гравия</i>	<i>жвір → жвір-ынк-а</i>
	<i>порасти травой</i>	<i>дзірванець → па-дзірванець</i>
	<i>холм → холм-и-ть-ся</i>	<i>падымацца ўзгоркамі</i>
	<i>красн-о-лес'-j-е</i>	<i>хваёвы лес</i>
Способ словообразования	<i>вода, мыть → вод-о-мој-ин-а</i>	<i>вымыць → вымој-ін-а</i>
	<i>вода, скат → вод-о-скат</i>	<i>скаціць ваду → вад-а-скат-Ø</i>
	<i>вода, сток → вод-о-сток</i>	<i>месца, па якім сцякае вада → вад-а-сцёк-Ø</i>
Средство словообразования (формант)	<i>берег → по-береж-ж-е</i>	<i>бераг → уз-бярэжж-Ø-а</i>

Сравнительный анализ ЛСВГ русского и белорусского языков позволяет утверждать, что в словообразовательных отношениях единиц ЛСП «Географический ландшафт» и «Геаграфічны ландшафт» обнаруживается много общего. Вершина ЛСВГ может входить в исследуемое поле (рус. *лес, гора, болото*; бел. *лес, гара, балота*) либо являться элементом других полей (рус. *сосать*; бел. *мыць*). Количественный состав ЛСВГ русского языка варьируется от 2 единиц (с вершиной *ландшафт*) до 31 единицы (с вершиной *лес*). ЛСВГ белорусского языка включают от 2 единиц (с вершиной *ландшафт*) до 32 единиц (с вершиной *гара*). Фрагменты гнезд полевых элементов содержат единицы горизонтального и вертикального уровней; производные расположены не более чем на 3 ступенях деривации. Различия в структуре ЛСВГ связаны с несовпадением способов номинации соотносительных понятий в близкородственных языках, с несоответствием словообразовательных средств и способов словообразования коррелятивных единиц лексико-семантических полей русского и белорусского языков.

Список использованных источников

1. Бардовіч, А. М. Марфемны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, Л. М. Шакун. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1989. – 718 с.
2. Бардовіч, А. М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 413 с.
3. Ванкевич, О. Г. Деривационный аспект исследования членов ЛСП близкородственных языков «Погода» и «Надворье» / О. Г. Ванкевич // Беларуская мова ў XXI стагоддзі : асноўныя тэндэнцыі развіцця (да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага) : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2015 г. / Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літ. Нац. акад. навук Беларусі ; адк. рэд. В. П. Русак. – Мінск, 2015. – С. 67–75.
4. Кандрацэня, І. У. Дэрывацыйны патэнцыял намінантаў ЛСП «Страх» у беларускай і рускай мовах / І. У. Кандрацэня // Словаўтварэнне і іншыя ўзроўні беларускай літаратурнай мовы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 24–25 лістап. 2014 г. / Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літ., філіял «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы» ; навук. рэд. В. М. Нікалаева. – Мінск, 2014. – С. 92–97.
5. Кугейко, Т. П. Взаимосвязь ЛСП речи с другими ЛСП в русском и белорусском языках / Т. П. Кугейко // Беларуская мова ў XXI стагоддзі : асноўныя тэндэнцыі развіцця (да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага) : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2015 г. / Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літ. Нац. акад. навук Беларусі ; адк. рэд. В. П. Русак. – Мінск, 2015. – С. 177–184.
6. Лаўрыновіч, Н. В. Структура лексіка-семантычнага поля «Геаграфічны ландшафт» у лексічных сістэмах рускай і беларускай моў / Н. В. Лаўрыновіч // Беларуская лінгвістыка. – 2015. – Вып. 74. – С. 55–61.
7. Нікалаева, О. М. Опыт сопоставительного анализа словообразовательных отношений в ЛСП звучания близкородственных языков / О. М. Нікалаева // Словаўтварэнне і іншыя ўзроўні беларускай літаратурнай мовы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 24–25 лістап. 2014 г. / Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літ., філіял «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы» ; навук. рэд. В. М. Нікалаева. – Мінск, 2014. – С. 156–163.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – 4 т.
9. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : ок. 145 000 слов : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – 2 т.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БелССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
11. Ялынцава, І. У. Каларатывы як адзінкі супастаўляльнага даследавання словаўтваральных сістэм блізкародных моў / І. У. Ялынцава // Беларуская лінгвістыка. – 2013. – Вып. 71. – С. 3–8.

References

1. Bardovich, A. M. and Shakun, L. M. (1989), *Marfemny sloŭnik belaruskaj movy* [Morpheme Dictionary of the Belarusian Language], High school, Minsk, BY.
2. Bardovich, A. M., Krutalievich, M. M. and Lukashanets, A. A. (2000), *Slovaŭtvaral'ny sloŭnik belaruskaj movy* [Word Formation Dictionary of the Belarusian Language], Belarusian science, Minsk, BY.
3. Vankevich, O. G. (2015), "Derivational Aspect in Studying Members of the Lexical Semantic Fields "Weather" in Closely Related Languages", *Belaruskaya mova ŭ XXI stagoddzi: asnoŭnyya tendentsyi razvitsysya (da 80-goddzia akademika A. I. Padluzhnaga): zbornik materyyalaŭ Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi* [Belarusian Language in the 20th Century: Main Development Trends (to Academician A. I. Padluzhny's Eightieth Anniversary)], Minsk, BY, pp. 67–75.
4. Kandratsenya, I. U. (2014), "Derivational Potential of Nominations in the Lexical Semantic Fields "Fear" in the Belarusian and Russian Languages", *Slovaŭtvarenne i inshyya ŭzroŭni belaruskaj litaraturnaj movy: materyyaly Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi* [Word Formation and Other Levels in the Belarusian Literary Language], Minsk, BY, pp. 92–97.
5. Kugeiko, T. P. (2015), "Interrelation between Lexical Semantic Fields of Speech and Other LSFs in the Russian and Belarusian Languages", *Belaruskaya mova ŭ XXI stagoddzi: asnoŭnyya tendentsyi razvitsysya (da 80-goddzia akademika A. I. Padluzhnaga): zbornik materyyalaŭ Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi* [Belarusian Language in the 20th Century: Main Development Trends (to Academician A. I. Padluzhny's Eightieth Anniversary)], Minsk, BY, pp. 177–184.
6. Laŭrynovich, N. V. (2015), "The Structure of the Lexical Semantic Field "Geographical Landscape" in the Lexical Systems of the Russian and Belarusian Languages", *Belaruskaya lingvistyka* [Belarusian linguistics], no. 74, pp. 55–61.
7. Nikolaeva, O. M. (2014), "Experience of the Comparative Analysis of Word Formation Relations in the Lexical Semantic Field of Sound in Closely Related Languages", *Slovaŭtvarenne i inshyya ŭzroŭni belaruskaj litaraturnaj movy: materyyaly Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi* [Word Formation and Other Levels in the Belarusian Literary Language], Minsk, BY, pp. 156–163.
8. (1984), *Slovar' russkogo yazyka v 4 t. pod red. A. P. Evgen'evoi* [Dictionary of the Russian Language in 4 Vol. Edited by A. P. Yevgenyeva], 2nd ed., Russian language, Moscow, RU, vol. 4.
9. Tikhonov, A. N. (1985), *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka v 2 t.* [Russian Word Formation Dictionary in 2 Vol.], Russian language, Moscow, RU, vol. 2.
10. (1984), *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskaj movy ŭ 5 t. pad re'd. K. K. Atrakhovicha (K. Krapivy)* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language in 5 Vol. Edited by K. K. Atrakhovich (K. Krapiva)], Belarusian soviet encyclopedia, Minsk, BY, 5 vol.
11. Jalyntsava, I. U. (2015), "Colour Denotations as units of a Comparative Study of Word Formation Systems in Closely Related Languages", *Belaruskaya lingvistyka* [Belarusian Linguistics], no. 71, pp. 3–8.

Информация об авторе

Юшкевич Ольга Сергеевна – канд. филол. наук, науч. сотрудник ГНУ “Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси” (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : okuh@mail.ru.

Information about the author

Yushkevich Olga Sergeevna, Ph. D. (Philol.), Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: okuh@mail.ru.

Для цитирования

Юшкевич, О. С. Словообразовательные отношения в лексико-семантическом поле “Географический ландшафт” в русском и белорусском языках / О. С. Юшкевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 71.–78.

For citation

Yushkevich O. S. Word Formation Relations in the Lexical Semantic Field “Geographic Landscape” in the Russian and Belarusian Languages. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 71–78.

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК [39+94+81'373'234] (=16)

Паступіў у рэдакцыю 04.10.2016

Received 04.10.2016

Л. Я. Агеева

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Рэспубліка Беларусь

АСІМЕТРЫЧНЫ ЭЛЕМЕНТ АРНАМЕНТУ ВІЦЕБСКАГА РУЧНІКА

Исследуется асимметричный элемент белорусского народного рушника из Витебской области. Собраны названия крестообразной розетки носителями культуры в Беларуси, России и Украине. На основе сравнительного анализа этих названий выявлена этимология орнаментального мотива, который входит в исследуемый асимметричный блок. Показана ее связь с культом оленя и другими элементами геометрического орнамента, которые также имеют отношение к этому культу. Изучен ареал распространения данной символики, в который входит Восточная Европа, Урал, Зауралье и Кавказ. Обнаружена взаимосвязь культа оленя с архаичным культом паука. Приведены примеры, которые иллюстрируют наличие культа паука в прошлом, предложена его символика в народном ткачестве белорусов. В качестве доказательной базы приведен иллюстративный материал, в котором представлены примеры простой и сложной сетки, а также сетчатого ромба в народной вышивке и ткачестве. Определена связь культа оленя с народным праздником масленицы. Рассмотрен эпитет народного праздника масленицы – «кривошейка», показан ее символ в народном орнаменте Восточной Европы и на Кавказе. На основе лингвистических данных реконструировано имя божества у славян и скифов, зооморфным символом которого был олень. Предложена гипотеза об этимологии имени славянского божества Лада.

Ключевые слова: тур-олень, рука, паук, сетка, борона, масленица.

L. E. Aheyeva

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

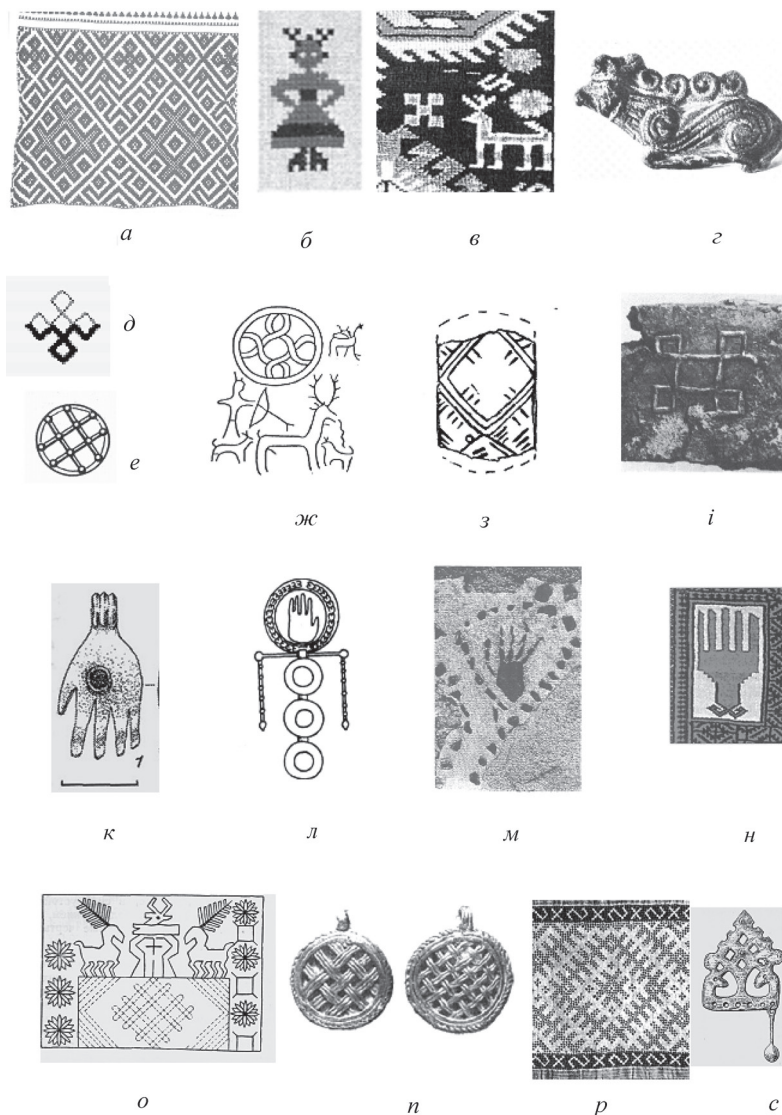
ASYMMETRICAL ELEMENT IN ORNAMENTED TOWELS FROM VITEBSK REGION

The asymmetric element in the Belarusian folk ornamented towel from Vitebsk region is explored. Names of a cross-shaped rosette given by culture bearers in Belarus, Russia and Ukraine are collected. Based on the comparative analysis of these names, the etymology of the ornamental element which is part of the explored asymmetrical block is found. The link of the etymology to the deer cult and other geometrical ornament elements related to this cult is demonstrated. The areal spread of these symbols including Eastern Europe, the Urals, Zauralye and Caucasus has been studied. The interrelation between the deer cult and the archaic spider cult has been found. Examples are given to illustrate the presence of the spider cult in the past, and spider symbols used in the Belarusian folk needlework are shown. Illustrative evidence material is given including examples of a simple and complex grid and gridded rhombus in folk embroidery and needlework. The relation between the deer cult and Pancake Week, a folk fest is defined. The epithet “kryvosheyka” (crooked neck) given to this fest is considered, and its symbol in the Eastern European and Caucasian folk ornament is shown. Based on linguistic data, the name has been reconstructed for the Slavic and Scythian god whose zoomorphic symbol was a deer. The hypothesis is proposed regarding the etymology of Lada, a Slavic goddess.

Keywords: auroch-deer, hand, spider, grid, harrow, Pancake Week.

Уводзіны. Сярод геаметрычных арнаментальных матываў беларускіх ручнікоў пэўную цікавасць уяўляюць асіметрычныя элементы, адзін з якіх намі ўжо разглядаўся [1]. У дадзеным артыкуле даследаецца яшчэ адзін элемент вясельнага ручніка канца XIX ст. з Віцебскай вобласці (мал. 1, а) [19, с. 199]. На першы погляд ствараецца ўражанне, што ткачыха збілася з падлікам нітак, у выніку чаго з'явіўся элемент, які выбіваецца з арнаментальнага рытму. Але прымаючы пад увагу тое, што гэты ручнік вясельны, нельга прыняць гэтую версію. Калі так было выткана наўмысна, то варта высветліць, што гэты элемент азначае.

Даследчыкамі народных арнаментаў адзначалася, што выяўленчае мастацтва ў старажытнасці было глыбока сімвалічным па сваёй форме і часта не перадавала поўнага падабенства з арыгіналам, таму шматлікія ўзоры і малюнкі архаічнага арнаменту здаюцца людзям іншай эпохі пазбаўленымі ўсялякага сэнсу, аднак яны мелі скрыты сэнс [8, с. 276]. У разглядаемы асіметрычны элемент як складнік уваходзіць крыжападобная разетка, якая некаторымі носьбітамі культуры

Сімволіка аленя ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве:

a – ручнік з асіметрычным элементам, 1840 г., Віцебскі р-н, Беларусь [19, с. 199]; *б* – багіня-аленіха, фрагмент беларускага ручніка, пач. XX ст., г.п. Ветка Гомельскай вобл. [19, с. 284]; *в* – фрагмент дагестанскага дывана з аленем і яго сімваламі [22, с. 300]; *г* – бронзавая дэталі з Лурыстана, Іран, IX–VIII стст. да н.э. [20, с. 25]; *д* – крыжападобная разетка; *е* – простая сетка – залаты амулет з элементам народнага арнаменту [25, с. 573]; *ж* – дагестанскі наскальны малюнак [9, с. 275, мал. 60-1]; *з* – прасніца з сімвалам аленя, гліна, Лепельскі р-н, Беларусь, пачатак н.э. [35, с. 60, мал. 3-2]; *и* – плінфа са знакам аленя, Беларусь, XII ст. [3, с. 504]; *к* – сармацкі амулет з фондаў Азоўскага музея-запаведніка; *л* – палявы знак рымскіх кагорт [16, с. 329]; *м* – фрагмент дэжору сцяны свірана ў в. Пагошча Браслаўскага р-на, пач. XIX ст. [28, мал. 117]; *н* – «рука Фацімы», усходні дыван [22, с. 19]; *о* – паўночнарускі гафт XIX ст. [11, с. 91, мал. 28]; *п* – амулеты з могільніка Крапіўны, каля Чудскага возера, VI–VIII стст. [26, с. 179]; *р* – фрагмент беларускага ручніка з S-падобным знакам [34, с. 295]; *с* – падвеска для кудменяў, Расія [25, с. 541]

Deer symbolism in decorative and applied arts:

a – a towel fragment with an asymmetric element, 1840, Vitebsk, Belarus [19, p. 199]; *b* – the goddess deer, a fragment of a Belarusian ornamented towel, early 20th cent., Vetka, Gomel Oblast [19, p. 284]; *v* – a fragment of a Dagestan carpet with a deer and its symbols [22, p. 300]; *g* – a bronze detail, Luristan, Iran, 9th–8th cent. BC [20, p. 25]; *d* – a cross-shaped rosette; *e* – a simple grid: a gold amulet with a folk ornament element [25, p. 573]; *zh* – a Dagestan petrograph [9, p. 275, pict. 60-1]; *z* – a spindle whorl with a deer symbol, clay, Lepel District, Belarus, first centuries AD [35, p. 60, pict. 3-2]; *i* – a clay brick with a deer sign, Belarus, 12th cent. [3, p. 504]; *k* – a Sarmatian amulet from the Azov Nature Reserve and Museum; *l* – a Roman cohort field sign [16, p. 329]; *m* – a barn wall decoration fragment, Pogoshcha, Braslav District, Belarus, early 19th cent. [28, pict. 117]; *n* – the Hand of Fatima, an Oriental carpet [22, p. 132]; *o* – northern Russian embroidery, 19th cent. [11, p. 91, pict. 28]; *p* – amulets, Krapivny grave field near Lake Chudskoe, 6th – 8th cent. [26, p. 179]; *r* – a fragment of a Belarusian ornamented towel with a S-shaped sign [34, p. 295]; *c* – an amulet pendant, Russia [25, p. 541].

ў Заураллі часам завецца *аленем* (мал. 1, д) [12, с. 125]. Таму ў нашым артыкуле разглядаецца ўзаемасувязь гэтага знака з зааморфным культам, а таксама з іншымі элементамі арнаменту, выяўляецца яго каляндарная адпаведнасць, а таксама арэал распаўсюджвання.

Асноўная частка. Тэма алень ў беларускай народнай творчасці досыць папулярная. Яго выявы можна сустрэць на маляваных і тканых дыванах у народнай творчасці канца XIX – пачатку XX ст. [14, с. 176], выцінанках, гліняных цацках, у драўляным разьбярстве і на вырабах з салямы, чаго нельга сказаць пра гафт і ткацтва. Для параўнання: ручнікі і жаночыя галаўныя ўборы таго ж перыяду з Архангельскай вобласці Расіі маюць шмат падобнага матэрыялу. Выявы жывёл падаюцца і рэалістычна, і стылізавана [21, с. 77–79]. Цяжка паверыць, каб у зоне бытавання алень не засталася слядоў ад яго культу на такіх сакральных прадметах, як ручнікі, тым больш, што, па сведчанні археолага Э. Зайкоўскага, на тэрыторыі Беларусі культ алень і лася існаваў яшчэ ў бронзавым веку, а знаходкі вырабаў у выглядзе ласіных галоў з бурштыну ў сучаснай Літве датуюцца эпохай неаліту [4, с. 22].

Пра культ алень ў славян сведчыць балгарскае павер’е пра тое, што калі Бог жадае сказаць нешта людзям, ён пасылае святога ў выглядзе алень. У балгарскай песні ў *святога алень* «на лбе сонца ззяе, на грудзі яго месяц, рогі ў яго – чыстае золата». Балгары лічылі, што алень трымае зямлю на сваіх рогах, а калі яму ў вуха садзіцца муха, ён трасе галавой, таму і адбываюцца землетрасенні [29, т. 3, с. 546]. Містычныя ўяўленні пра алень маюцца таксама ў рускіх вясельных песнях і ў беларускай загадцы: «Жыў – і ў цэркві не быў, памёр – не пахавалі, а быў *баганосец*» [29, т. 3, с. 545]. Сярод асноўных матываў народнага гафту Усходняй Еўропы алень характэрны для мастацкай творчасці карэльскага і рускага насельніцтва верхняй Волгі. У Вёс’ягонскім павеце геаметрызаваная выява алень ў ромбе звалася «*багатка*», паколькі змяшчалася ў цэнтральнай частцы ўзору і гафтавалася залатой альбо срэбранай ніткай [21, с. 74]. Антрапаморфны малюнак алень прадстаўлены на адным з беларускіх ручнікоў пачатку XX ст. з Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці. Тут сімвал алень прадстаўлены ў выглядзе 4 жанчын з характэрнымі рогамі (мал. 1, б) [19, с. 284].

Даследчыкам арнаменту С. В. Івановым зафіксавана такая назва арнаментальнага матыву *крыжападобнай разеткі*, як «рогі алень» ў геаметрычным арнаменце, дзе ён нагадвае крыж, які складаецца з 5 ромбаў (мал. 1, д). Прыводзіцца тлумачэнне, чаму дадзены знак звязваецца з аленем: калі разглядаемы элемент распалавініць, то кожная частка арнаментальнага матыву нагадвае рогі алень [12, с. 124, 125, іл. 74-6, 9, 10]. На тэрыторыі Беларусі крыжападобная разетка мае назву «*ўзор сям’і*» [14, с. 155], на Усходнім Палессі яго завуць «кацелкі» [2, с. 126]; ва Украіне – «галовы» і «крыжыкі» [27, с. 247], комі-пермякі таксама завуць яго «крыжык» [17, с. 51]. Улічваючы тое, што алень згадваецца ў *вясельным фальклоры* [29, с. 545], то ўскосна назва «*ўзор сям’і*» можа мець дачыненне да алень, як і назва «крыжыкі», якая магла з’явіцца як асацыятыўна (элемент, падобны на крыж), так і атаясамлівацца з фальклорным матывам, у якім адзначаецца, што алень мае паміж рогамі крыж.

Аднак не толькі крыжападобная разетка ў палавінным выглядзе можа нагадваць рогі алень, але і іншыя элементы народнага геаметрычнага арнаменту, напрыклад, *складаная рашотка (сетка)*, якая складаецца з трох (4, 5 і больш) гарызантальных і трох (4, 5 і больш) папярочных ліній (мал. 1, е). Але больш за ўсё пераконвае ў сувязі сімвала алень з крыжападобнай разеткай той факт, што гэты знак знаходзіцца побач з выявай алень ў *наскальных малюнках* Дагестана ў сцэне палявання (мал. 1, ж) [9, с. 275, мал. 60-1]. Гэта сведчыць пра тое, што сімвал алень мае досыць старажытную традыцыю і арэал яе распаўсюджвання ўключае ў сябе не толькі Урал, Зауралле, Усходнюю Еўропу, але і Каўказ. Самы старажытны малюнак гэтага арнаментальнага матыву на тэрыторыі Беларусі выяўлены на прасніцы з гліны з в. Новыя Валасовічы Лепельскага р-на, якое датуецца пачаткам н. э. (мал. 1, з) [35, с. 60], а таксама на плінфе XII ст. [3, с. 504] (мал. 1, і). Гэта дае падставу зрабіць выснову, што на тэрыторыі Беларусі знак алень ў выглядзе крыжападобнай разеткі ўжываецца як самастойны сімвал ужо дзве тысячы гадоў. Аб тым, што крыжападобная разетка – не выпадковы знак або дэкаратыўны элемент, а сапраўды мае дачыненне да сімвала алень, сведчыць таксама яго малюнак побач з аленем на дагестанскім тканым дыване з Дэрбента (мал. 1, в) [22, с. 300]. Матыў алень – досыць частая з’ява на ўсходніх дыванах, а найбольш старажытная – на пахавальным скіфскім дыване V ст. да н.э. з могільніка Пазырык на Алтаі [22, с. 11], у якасці татэма-абярэга скіфы малявалі алень на сваіх шчытах [5, с. 23]. З’яўленне знака ў арнаменце магло адбывацца рознымі шляхамі, напрыклад, замест малюнка жывёлы магла

адлюстроўвацца якая-небудзь яго частка, у нашым выпадку – рогі. Гэта адбывалася па розных рэлігійных матывах, дзе імя аленя і нават яго выява забараняліся.

Паводле Т. У. Гамкрэлідзе першапачаткова назва аленя ў індаеўрапейскіх мовах зводзілася да зыходнага кораня *el-, *ol- (з прапанаваным зыходным значэннем каляровай прыкметы «буры», «чырвоны». І-е. *el-en, *el-n-: грэч. *ελλος* (алень), *ελαφος* (алень, лань); армянскае *eln*, літоўскае *elnis* (алень); ст.-слав. *елень*, балгарскае – *елен*, нямецкае *elen* – лось. Некаторыя індаеўрапейскія дыялекты ўжо ў досыць ранні перыяд забараняюць назву аленя, замяняючы яго іншым. У іранцаў алень характарызуецца асаблівым культавым значэннем, яго назва была заменена новым складаным словам *gav-az(на), літаральна: «**бык-казёл**». Пазней, ужо ў асобных іранскіх мовах і гэта назва забараняецца і замяняецца на азначэнне аленя як «рагатага» (метафарычна галіністага), напрыклад, асечінск. *sag* – алень, а *sāka* – галінка, сук; стар.-інд. *śākhā* – галінка; рус. *сук, соха, сохатый* (лось). Выказваецца здагадка аб магчымай першапачатковай сувязі **назвы локця** *olina з **назвай аленя** (*el-n-). Такая сувязь тлумачыцца як пэўная метафара «*рагатая костка*» [7, с. 517–518]. Тое ж паняцце захавалася і ў літоўскай мове, слова *saka* мае два значэнні: «сук, галіна» і «аленевы рог». Атаясамленне аленя з турам зафіксавана таксама ва ўкраінскім фальклоры XIX ст., дзе згадваецца **тур-алень**, на галаве якога дзесяць, дзесяць або семдзесят рогаў [31, с. 66].

Калі звярнуцца да індаеўрапейскай міфалогіі, то алень адпавядаў зааморфнай сімволіцы рымскай Дыяны, якая ў рымскіх правінцыях лічылася гаспадыняй лесу [23, т. 1, с. 376], а ў грэчаскай міфалогіі ёй адпавядала Артэміда – апякунка паляўнічых, якая была звязана з культам Вялікай Мядзведзіцы, таму звалася яшчэ «мядзведжай багіняй» [23, т. 1, с. 107], аднак звычайна суправаджалася з аланем. Гэта можа сведчыць аб зліцці двух культаў у адзін. Паводле А. Галана ў Спарце Артэміда асацыявалася з *Еленай*, дзе яна шанавалася як багіня, і яе культ быў звязаны з *культам дрэў* [9, с. 47], а ў жыхароў выспы Радос нават было свяцілішча «*Елены лясной*» [36, с. 222]. Такім чынам, можна зрабіць выснову, што першапачатковая этымалогія імя *Елена* – алень. Варта адзначыць, што ў старажытнасці шматлікія асабістыя імёны часта паходзілі ад назваў жывёл альбо птушак, напрыклад: Рахіль – авечка, Дэбора – пчала, Лія – карова, Эгла – цёлка, Акбар – мышка, Яніна – галубка, Ларыса – чайка, **Табіт** – газель і інш. [6, с. 119]. Прымаючы пад увагу, што ў скіфаў галоўная багіня звалася **Табіці**, то становіцца відавочным, чаму персы называлі іх аленямі (перс. *saki*) [7, с. 517].

З аланем звязана яшчэ дадатковая сімволіка. Паводле міфалогіі Артэміды нарадзілася пад *пальмай*, а лац. *palma* азначае *далонь*, г. зн. да сімволікі аленя мае дачыненне яшчэ выява *далоні*. Кудмёнямі (амулетами) у выглядзе далоні карысталіся сарматы (мал. 1, к), а таксама лічыліся свяшчэннымі палявымі знакамі ў рымскіх кагорт, у тым ліку з малюнкам далоні (мал. 1, л) [16, с. 329]. Гэты знак быў вядомы таксама і мусульманам, якія называюць яго «рука Фцімы» (маці прарока Мухамеда). Сустрэкаецца гэты матыў у народным ткацтве славян, напрыклад, на ўкраінскіх ручніках [24, с. 202]. У цяперашні час на Блізкім Усходзе шырокае распаўсюджванне маюць не толькі кудмёні ў выглядзе далоні, але і яе малюнкi на дыванах (мал. 1, н) [37, с. 276]. Паводле В. П. Кобычава звычай у якасці засцярогі пакідаць адбітак далоні на тынкоўцы пабудаванай хаты быў шырока распаўсюджаны па ўсім Блізкім Усходзе і на Каўказе [15, с. 155]. На тэрыторыі Беларусі такі звычай зафіксаваны ў в. Пагошча Браслаўскага р-на. Тут выява далоні выкладзена ў муроўцы свірана ў XIX ст. (мал. 1, м) [28, с. 62]. Левая далонь – знак хрысціянскай святой Параскевы, якая лічыцца заступніцай вяселляў і ткачых.

У спартанскім і македонскім календарых месяц сакавік завецца «*артэмісій*» [30, с. 551]. У гэты час, калі абуджаецца прырода, у шэрагу краін Еўропы святкуецца культ багіні Артэміды (масленка). Яна была адным з найбольш шанаваных грэкамі багоў, ёй было прысвечана каля 80 храмаў [32, с. 399]. Атрыбутамі Артэміды былі лук і стрэлы, гэта азначае, што першапачаткова яна была бажаствам паляўнічых, а потым функцыі яе пашырыліся і яна стала таксама апякункай лясоў: у адной старажытнагрэчаскай эпіграме ёсць радкі: «Эту свяшчэнную рошу одень, Артемида, цветами» [10, с. 290]. Яна таксама «адказвала» за вяселлі і ткацтва.

Паралельна існаваў і культ Афіны, якая хоць і лічылася багіняй мудрасці і ваеннай моцы, але ў адной грэчаскай эпіграме паведамляецца, што дзяўчына прысвяціла ёй верацянно, ніткі, клубкі, называючы яе *гаспадыняй ткачых*, а ў іншай яе завуць *уладаркай жанчын* [10, с. 191, 207]. У яе храм неслі ахвяраванні ў выглядзе ткацкага станка кудзелі. Існаванне двух альбо больш божастваў з аднолькавымі функцыямі можа сведчыць пра запазычанні міфалагічных ідэй суседніх

народаў, якія замянілі больш старажытнае бажанства, напрыклад, культ Афіны выціснуў Арахну (грэч. *павук*). Чаму павук мог стаць апекуном ткачых, не патрабуе дадатковых тлумачэнняў. Пра існаванне калісьці культу павука ў беларусаў сведчаць архаічныя рытуалы. Напрыклад, пры выбары месца для будаўніцтва хаты павука клалі ў слоік і пакідалі на ноч. Калі да раніцы ў слоіку не было павуціння, то гэтае месца лічылася дрэнным для будаўніцтва хаты [4, с. 350].

Багіня аленіха таксама мела дачыненне да ткацтва. На адным з гафтаў, апублікаваных Л. А. Дзінцес (мал. 1, о) [11, с. 91], акрамя аленяў з рогамі ў выглядзе пальмавага лісця ў цэнтры арнаментальнай кампазіцыі Рускай Поўначы знаходзіцца схематычны малюнак у выглядзе сеткі. Пра культывую значнасць гэтага знака сведчыць і той факт, што матыў сеткі сустракаецца нават на кудменях VI–VIII стст. (мал. 1, n), якія былі знойдзены недалёка ад Чудскага возера ў могільніку Крапіўны [26, с. 179]. У беларусаў сеткаваты ромб у геаметрычным арнаменце мае розныя назвы: «матыў *Сонца*», «*абярэг ад хвароб і нячыстай сілы*» і нават «*сімвал продкаў*» [14, с. 189, 190, 206]. У Заураллі ён вядомы як «*дзядоўнік*» [12, с. 442]. М. Селівачовым зафіксавана назва гэтага арнаментальнага матыву ва ўкраінскай арнаментыцы – «*хустачка*» [27, с. 327], што не супярэчыць нашай трактоўцы (павуцінне–сетка–тканіна). Мяркуючы па кудменях (мал. 1, n), складваецца ўражанне, што колькасць падоўжаных і папярочных ліній сеткі не мае значэння. Напрыклад, на славянскіх залатых скроневых кольцах іх колькасць мінімізавана – па дзве вертыкальныя і дзве гарызантальныя лініі (2×2) (мал. 1, e) [25, с. 573]. Пра ўзаемасувязь аленя са знакам сеткі сведчыць і славянская падвеска для кудменяў з выявамі двух аленяў, рогі якіх зліваюцца, ствараючы малюнак гэтага арнаментальнага матыву [25, с. 541] (мал. 1, c). Пра ўзаемасувязь гэтага знака ў народнай арнаментыцы з больш старажытным культам павука сведчыць таксама каляднае і вясельнае ўпрыгажэнне ў выглядзе саламянага актаэдра з назвай «павук», а на Палессі – «павучыя кросны» [29, т. 3, с. 648]. Яго схематычны малюнак супадае з арнаментальным матывам сеткавага ромба ці ромба з сеткай усярэдзіне (стылізаванае павуцінне) і знака на кудменях.

Асабліваю цікавасць уяўляюць назвы сеткі, зафіксаваныя ва Украіне. Нягледзячы на тое, што *простая сетка* (2×2) мае 8 канцоў (мал. 1, e), ён завецца там «*семірог*» і «*семік*» [27, с. 318], а варыянты сеткі маюць назву «*павучкі*» [27, с. 195]. **Сёмик, Сёмуха** – народныя назвы свята Тройцы (7 тыдняў пасля Вялікадня). Паводле Б. А. Рыбакова ў заходніх славян напярэдадні *Сёмухі* святкуецца карнавал пад назвай «турыцы», а ў паўднёвых славян «турыцы» спраўляюцца на масленку [25, с. 538]. І гэта дае падставу сцвярджаць, што матыў сеткі мае дачыненне да *тура-аленя* і яго больш старажытнага папярэдніка – апекуна ткацтва – павука.

Сеткі ў старажытнасці ўжываліся не толькі для рыбалоўства ці палявання, але часам і ў вясельных рытуалах Усходняй Еўропы. Па звестках Н. І. Талстога, у 1901 г. у Арлоўскай губерні існаваў вясельны рытуал падпрэзвання сеткай, з якім звязаны выраз «вузы шлюбу». Сяляне тлумачылі яго так: «Калі едзеш браць шлюб, то аперажыся рыбалоўнай сеткай і тады ... ніхто цябе не сапсуе. Толькі тады вораг пашкодзіць, калі развяжыць усе вузельчыкі» [33, с. 237]. «Боская сетка» згадваецца нават у старажытнаегіпецкіх прымаўках і заговорах, а ў Евангеллі з рыбалоўнай сеткай параўноўваецца нябеснае царства [36, с. 182, 183].

Сярод вялікай разнастайнасці назваў матыву сеткі звяртае на сябе ўвагу «дзядоўнік», зафіксаваны ў Заураллі [10, с. 442]. На першы погляд гэтая расліна не мае ніякага дачынення да павуціння. Аднак ён, як і павуцінне, мае ўласцівасць прыліпаць да адзежы, што лічылася магічным і магло калісьці выкарыстоўвацца ў любоўнай магіі. Улічваючы гэта, матыў сеткі можна інтэрпрэтаваць прыкладна так: як муха прыліпае да павуціння, так і каханы павінен быць «прыліпнуць» да дзяўчыны. Для ўзмацнення гэтага жадання выкарыстоўваўся арнаментальны матыў *падвойнай сеткі*, ці *сетка ў сетцы* (мал. 1, p), які часта сустракаецца ў народным гафце і ткацтве беларусаў. Такі прыём вядомы ў славянскіх мовах, напрыклад, у словах «моцна» і «моцна-моцна». Выявы стылізаваных павукоў выяўлены намі на беларускім ручніку з Вілейскага р-на Мінскай вобл. [19, с. 270].

Да сімвалікі простаі і складанай сетцы ў арнаменце мае дачыненне яшчэ адзін рытуальны прадмет, які таксама датычыцца і да сеткі, і да вясны, і да вяселляў – *барана*. Яна мае форму сеткі, зуб’і яе ўмацоўваліся вузламі, яна выкарыстоўвалася ў вясельных абрадах і на масленку. Існавала забарона на выраб бараны перад Сёмухай [29, т. 1, с. 235]. Катанні на баране альбо на зялёных траецкіх галінках таксама мелі месца ў вясельных абрадах. А на Палессі да вяселля і на Звеставанне пяклі хлеб у выглядзе бараны [29, т. 1, с. 237].

Культ аленя і масленкі звязаны з яшчэ адным знакам у народнай арнаментыцы. У фальклоры Бранскай вобласці эпітэт масленкі – «*кровошейка*», і гэта дае нам падставу выказаць думку, што выява *S-падобнага знака* над галавой аленя на дагестанскім дыване (мал. 1, в) уяўляе сабой графічную ідэаграму масленкі, якая ў шматлікіх народаў Еўропы ў старажытнасці святкавалася як *Новы год*. Гэты знак можна ўбачыць таксама і на беларускім ручніку з Магілёўскай вобласці, цэнтральным матывам якога з’яўляецца сетка ў сетцы, а *S-падобныя* знакі аблямоўваюць яго з чатырох бакоў квадратам (мал. 1, р) [34, с. 295]. Выява *S-падобнага знака* сустракаецца на балгарскіх ручніках [18, с. 121], а разам з крыжападобнай разеткай – у цвярскім ручніку [13, с. 41, мал. 24]. Ва ўкраінскай арнаментыцы гэты знак завецца *зігзаг*, *крываног* ці *крывулька* [27, с. 205]. Да сімвалікі старажытнага Новага года мае таксама дачыненне сюжэт нападу льва на тура (аленя), гэта – папулярны старажытнаўсходні сімвал вясновага раўнадзенства [20, с. 68].

У славянскім пантэоне X ст. з сямі багоў згадваецца толькі адно жаночае імя – Макош, у якой, напэўна, было не адно імя. Напрыклад, у Афіны было каля 50 эпітэтаў, а у Артэміды – 40 [32, с. 398, 399]. На масленку значнае месца адводзілася эратычна афарбаваным звычаям, а таксама адкрыта сексуальным песням [29, т. 3, с. 196], таму ў гаворках Падмаскоўя слова «*макосья*» стала азначаць «жанчыну лёгкіх паводзін» [4, с. 325], такое ж значэнне выяўляецца і ў імі Лады (*lado*) у верхнялужыцкай мове [4, с. 275]. Што ж тычыцца эпітэта масленкі («*кровошейка*»), то на еўрапейскіх мовах ён гучыць для славян як ненарматыўнае слова. Верагодна, першапачаткова імя Лада азначала «зямля», гэтая этымалогія назіраецца ў германскіх мовах *land* – суша, у беларускім слове *ляды*, а таксама ў назве *высны* Лада (недалёка ад Мілета, дзе ў 494 г. да н. э. персідскі флот разбіў караблі іанійцаў [16, с. 196]). Гэтую ж этымалогію мае і слова «ладдзя» – хоць і рукатворны, але кавалачак сушы на вадзе. Тое ж тычыцца і слова «аладкі», паколькі ў старажытнасці людзі лічылі, што зямля круглая і плоская.

Вывады. У выніку можна зрабіць выснову, што асіметрычны элемент віцебскага ручніка ўяўляе сабой стылізаваную выяву аленя з яго геаметрычным знакам – крыжападобнай разеткай, якую можна сустрэць як на традыцыйных ручніках, так і на беларускім адзенні. У старажытнасці ў продкаў славян алень *быў кultaвай жывёлай*, бажанствам раслін і прыроды з імем *Елена*, якая таксама адказвала за свята *Новага года* ў сакавіку, – масленка – і масавыя вяселлі. Табуіраванне назвы аленя або зліццё з іншым культам прывяло да з’яўлення «тура-аленя». Тэрмін пачатку года перыядычна мяняўся (увесну, узімку, улетку), таму ва Украіне «вадзілі тура» на Каляды, а заходнія славяне – на Сёмуху. У асяцінскай мове назва лані – *куаз*, у іранцаў – *гавазна*, літаральна – «*бык-казёл*». Гэтае запазычанне прывяло да таго, што алень стаў асацыіравацца спачатку з быком (турам), а пасля з казой. Звяртае на сябе ўвагу яшчэ адно запазычанне: у англійскай мове *каза* (*goat*) гучыць як «*год*», у той час як у рускіх летапісах *лета*злічэнне вялося *летамі*.

Святу масленкі і адпаведна пачатку новага года ў народным арнаменце адпавядае *S-падобны* знак, які ў фальклоры мае эпітэт «*кровошейка*». Да сімвалаў аленя належаць таксама далонь, пальмавы ліст або галінкі, падобныя на елку. Паколькі бажанства аленя апекавала ткацтва, то арнаментальны матыв у выглядзе простага і складанага сеткі, а таксама сеткаватага ромба (стылізаванага павуціння) стаў яшчэ адным з яго знакаў, бо ён схематычна сімвалізуе рытуальныя вясельныя прадметы (сетку, вузлы а таксама барану). Пра кultaвую значнасць матыву *простай сеткі* сведчыць тое, што яна сустракаецца на цэнтральнаеўрапейскай лінейнай кераміцы пачатку 4 тыс. да н. э. (тэрыторыя сучаснай Чэхіі) [23, с. 12], а таксама ўваходзіць у набор з пяці знакаў беларускага арнаменту з назвай «Знакі продкаў» [14, с. 206]. Некаторыя народныя назвы арнаментальнага матыву сеткі, а таксама існаванне рытуалаў з выкарыстаннем павука, наўнасць каляднага саламянага ўпрыгажэння з аднайменнай назвай дазваляюць зрабіць выснову, што апекуном ткацтва ў больш старажытны час быў павук, а пра яго калісьці высокі статус сведчыць палескае ўяўленне пра тое, што «Павук сусвет сенаваў» [29, т. 3, с. 648]. Такія ж першабытныя ўяўленні ў цяперашні час захаваліся ў абарыгенаў Афрыкі ў іх казках пра павука Анансі.

Падзякі. Аўтар выказвае вялікую падзяку доктару мастацтвазнаўства Т. В. Габрусь за абмеркаванне артыкула і каштоўныя заўвагі.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the doctor of art criticism T. V. Gabrus for the discussion of article and valuable remarks.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Агеева, Л. Я. Рэлікты дахрысціянскіх культаў у народным арнаменце: Васіліск і Грыфон / Л. Я. Агеева. – Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2015. – № 3. – С. 71–77.
2. Арнаменты Падняпроўя / пад рэд. Г. Р. Нечаевай. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 608 с.
3. Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыкл. – Мінск: Бел. Энцыкл., 1993. – 704 с.
4. Беларуская міфалогія: энцыкл. слоўнік. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
5. Бонгард-Левин, Г. М., Грантовский, Э. А. От Скифии до Индии / Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. – М.: Мысль, 1983. – 208 с.
6. Вардиман, Е. Женщина в Древнем мире / Е. Вардиман. – М.: Наука, 1990. – 334 с.
7. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2 т. Т.2 / Т. В. Гамкрелидзе, В. Иванов. – Тбилиси: Тбилисский ун-т, 1984. – 1409 с.
8. Гиббс, Р. Аборигены Австралии / Р. Гибс // И на суше, и на море. – М.: Мысль, 1985. – С. 265–277.
9. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – Иерусалим; Москва, 1994. – 376 с.
10. Греческая эпиграмма. – СПб.: Наука, 1993. – 448 с.
11. Динцес, Л. А. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // СЭ. – 1947. – №2. – С. 67–94.
12. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник / С. В. Иванов. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – 500 с.
13. Калмыкова, Л. Э. Народная вышивка Тверской земли (вторая половина XVIII – начало XX в.) / Л. Э. Калмыкова. – Ленинград: Художник РСФСР, 1981. – 210 с.
14. Кацар, М. С. Беларускі арнамент / М. С. Кацар. – Мінск: Бел. Энцыкл., 1996. – 208 с.
15. Кобычев, В. П. Язык есть нем // Сов. этнография. – 1973. – № 4. – С. 149–159.
16. Козленко, А. В. Военная история Античности. Полководцы, битвы, оружие / А. В. Козленко. – Минск: Беларусь, 2001. – 480 с.
17. Климова, Г. Н. Текстильный орнамент коми / Г. Н. Климова. – Пермь: Коми-перм. кн. изд-во, 1994. – 130 с.
18. Кръстева-Ножарова, Г. Домашно традиционно тъкачество и орнаментирани тъкани в България / Г. Кръстева-Ножарова. – София: Българската Академия на науките, 1981. – 132 с.
19. Лабачэўская, В. А. Повазь часоў. Беларускі ручнік / В. А. Лабачэўская. – Мінск: Беларусь, 2009. – 300 с.
20. Луконин, В. Г. Искусство Древнего Ирана / В. Г. Луконин. – М.: Искусство, 1977. – 232 с.
21. Маслова, Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник / Г. С. Маслова. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
22. Мехди, З. Ковры. Справочник / З. Мехди. – М.: Астрель, 2006. – 320 с.
23. Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. – М.: Сов. Энцикл., 1991.
24. Нікорак, О. Українська народна тканина / О. Нікорак. – Львів, 2004. – 584 с.
25. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1988. – 783 с.
26. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
27. Селівачов, М. Лексикон української орнаментики. Вип. XV / М. Селівачов. – Київ: Редакція вісника «АНТ», 2005. – 400 с.
28. Сергачев, С. А. Белорусское народное зодчество / С. А. Сергачев. – Мінск: Ураджай, 1992. – 232 с.
29. Славянские древности: в 4 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004.
30. Справочник личных имен народов РСФСР. – М.: Рус. яз., 1987. – 656 с.
31. Сумцов, Н. Ф. Культурные переживания. Олень в произведениях народной словесности и искусства // Киевская старина. – 1889. – Т. XXIV. – С. 65–74.
32. Токарев, С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – М.: Полит. лит., 1986. – 576 с.
33. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: ИНДРИК, 1995. – 512 с.
34. Фадзеева, В. Я. Беларускі ручнік / В. Я. Фадзеева. – Мінск: Полымя, 1994. – 328 с.
35. Харитонович, З. А., Кенько, П. М. Предварительные итоги изучения городища возле д. Новые Волосовичи Лепельского района // Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 годзе. – Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2009. – С. 52–62.
36. Церен, Э. Лунный бог / Э. Церен. – М.: Наука, 1976. – 260 с.
37. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М.; СПб.: Сова, 2006. – 1010 с.

References

1. Ageeva, L. Ya. (2015), "Relicts of pre-Christian cults in a national ornament. Vasilisk and the Griffin", *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi, Seryya humanitarnykh navuk* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian series], no 3, pp. 71–77.
2. (2004), *Arnamenty Padnyaproŭya* [Podneprovye Ornaments], *Belaruskaya navuka*, Minsk, Belarus.
3. (1993), *Arkhealogiya i numizmatyka Belarusi. Entsiklapedyya* [Archeology and Numismatics of Belarus], The Belarus encyclopedia, Minsk, Belarus.
4. (2004), *Belaruskaya mifalogiya* [Belarusian Mythology: An Encyclopaedic Dictionary], Belarus, Minsk, Belarus.
5. Bongard-Levin, G. M. and Grantovskii, E. A. (1983), *Ot Skifii do Indii* [From Scythia to India], The Idea, Moscow, RU.
6. Vardiman, E. (1990), *Zhenshchina v Drevnem mire* [Woman in the Ancient World], Science, Moscow, RU.
7. Gamkrelidze, T. V. and Ivanov, V. (1984), *Indoevropaiskii yazyk i Indoevropaitsy* [Indo-European Language and Indo-Europeans], The Tbilisi university, Tbilisi, Georgia.

8. Gibbs, R (1985), *Aborigeny Avstralii* [Aboriginal Australians], Thought, Moscow, RU.
9. Golan, A. (1994), *Mifi simbol* [Myth and Symbol], Jerusalem–Moscow, RU.
10. (1993), *Grecheskaya epigrama* [The Greek Epigram], Science, Moscow, RU.
11. Diness, L. A. (1947), "Pre-Christian temples of Russia in the light of folk art monuments", *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no2, pp.67–94.
12. Ivanov, S. V. (1963), *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik* [Ornament of the Peoples of Siberia as a Historical Source], Academy of Sciences of the USSR, Moscow-Leningrad, RU.
13. Kalmykova, L. E. (1981), *Narodnaya vyshivka Tverskoi zemli (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Folk Embroidery of Tver Land. Second Half of the 18th Century – Early 20th Century], The artist of RSFSR, Leningrad, RU.
14. Katsar, M. S. (1996), *Belaruski arnament* [Belarusian Ornament], The Belarusian encyclopedia, Minsk, Belarus..
15. Kobych, V. P. (1973), "Mute language", *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no 4, pp. 149–159.
16. Kozlenko, A. V. (2001), *Voennaya istoriya Antichnosti. Polkovodtsy, bitvy, oruzhie* [Military History of Antiquity. Commanders, Battles and Weapons], Minsk, Belarus.
17. Klimova, G. N. (1994), *Tekstilnyi ornament komi* [Komi's Textile Ornament], Komi-Perm publishing house, Permian, RU.
18. Kreteva-Nosharova, G. (1981), *Domashno traditsionno tkachestvo i ornamentirani tkani v Bolgaria* [Traditional Household Weaving and Tapestry Materials in Bulgaria], Academy of sciences of Bulgaria, Sofia, Bulgaria.
19. Labachevskaya, V. A. (2009), *Povyaz' chasov. Belaruski ruchnik* [Bond of Time. The Belarusian Ornamented Towel], Belarus, Minsk, Belarus.
20. Lukonin, V. G. (1977), *Iskusstvo drevnego Irana* [Art of Ancient Iran], Art, Moscow, RU.
21. Maslova, G. S. (1978), *Ornament russkoi narodnoi vychivki kak istoriko-etnograficheskii istochnik* [Ornament in Russian Folk Embroidery as a Historical and Ethnographic Source], The Science, Moscow, RU.
22. Mekhdi, Z. (2006), *Kovry. Spravochnik* [Carpets. A Handbook], Astrel, Moscow, RU.
23. (1991), *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Folk Myths Worldwide. An Encyclopedia], The Soviet encyclopedia, Moscow, RU.
24. Nikorak, O. (2004), *Ukrainska narodna tkanina* [Ukrainian National Fabrics], National academy of sciences of Ukraine, Lvov, Ukraine.
25. Rybakov, B. A. (1988), *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Russia], Science, Moscow, RU.
26. Sedov, V. V. (1982), *Vostochnye slavyane v VI–XIII vekakh* [East Slavs in the 6th to 13th centuries], The Science, Moscow, RU.
27. Selivachov, M. (2005), *Leksikon ukrainskoi ornamentiki* [Lexicon of the Ukrainian Ornamentics], Bulletin edition "ANT", Kiev, Ukraine.
28. Sergachev, S. A. (1992), *Belorusskoe narodnoe zodchestvo* [Belarusian Folk Architecture], The crop, Minsk, Belarus.
29. (2004), *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities: In 4 Volumes], The international relations, Moscow, RU.
30. (1987), *Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR* [Directory of Personal Names of the RSFSR Peoples], Russian language, Moscow, RU.
31. Sumtsov, N. F. (1889), "Cultural experiences. A deer in products of national literature and art", *Kievskaya starina* [Kiev's Ancient Times], January, vol. XXIV, pp. 65–74.
32. Tokarev, S. A. (1986), *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of Nations of the World], The political literature, Moscow, RU.
33. Tolstoi, N. I. (1995), *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Sketches on Slavic Mythology and Ethnolinguistics], INDRIK, Moscow, RU.
34. Fadzeeva, O. E. (1994), *Belaruski ruchnik* [Belarusian Ornamented Towels], The Flame, Minsk, Belarus.
35. Haritonovich, Z. A. and Ken'ko, P. M. (2009), "Preliminary results of studying of a site of ancient settlement near v. New Volosovichy from Lepelsky area", *Arkheologichnyye dasledavanni na Belarusi y 2007 godze* [Archaeological Research in Belarus in 2007], Institute of history of Belarus, Minsk, BY, pp. 52–62.
36. Ceren, E. (1976), *Lunnyi bog* [Lunar Deity], The Science, Moscow, RU.
37. (2006), *Entsiklopediya simvolov* [The encyclopaedia of Symbols], The Owl, Moscow, St.-Petersburg, RU.

Информация об авторе

Агеева Людмила Евгеньевна – мл. науч. сотрудник. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : agmile@rambler.ru.

Information about the author

Aheyeva Ludmila Evgenyevna, Junior Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: agmile@rambler.ru.

Для цитирования

Агеева, Л. Я. Асіметрычны элемент арнаменту віцебскага ручніка / Л. Я. Агеева // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 79–86.

For citation

Aheyeva L. E. Asymmetrical Element in Ornamented Towels from Vitebsk Region. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 79–86.

Е. В. Артёмова

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

ПРИЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА В ЖИВОПИСИ КИТАЯ

Интерпретация сама по себе является одним из ключевых феноменов культуры и социальной реальности. В чем состоит целостность произведения искусства? В силу чего оно обретает свою индивидуальность? Что создает единство произведения и в чем заключается индивидуализирующий его момент? Что представляет собой его «центр»? В этих вопросах рассмотрение предпосылок интерпретации достигает своей высшей точки. Интерпретация в искусстве заключается в том, что первоначальное смысловое значение некоего художественного явления в рамках каждой новой системы представлений заменяется самобытным смысловым значением.

Китайских художников интересовало не соответствие действительности тем или иным объективным прототипам, а ее верность внутренней правде жизни, глубочайшим истокам человеческого опыта. Исходя из этого, многие мастера современной живописи в Китае, ознакомившись с образцами европейской живописи, в том числе и произведениями современного искусства, обращали внимание на художественные приемы, близкие смыслом, которые мастера привыкли вкладывать в процесс творения произведения искусства.

Приведена характеристика художественных приемов, посредством которых осуществлялась интерпретация европейского искусства в произведениях китайских художников, работавших в разных стилях и представлявших ряд наиболее ярких направлений в современной китайской живописи. Впервые отмечена уникальность роли приемов интерпретации достижений европейской живописной школы середины XX века в деле актуализации творчества представителей национальных художественных школ Китая в условиях нового времени.

Ключевые слова: художественный прием, современная китайская живопись, художественный стиль, художественное направление, художественная школа, национальная художественная школа.

A. V. Artsiomava

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

INTERPRETING EUROPEAN ART IN CHINA'S PAINTING

Interpretation itself is one of the key phenomena of culture and social reality. What is the integrity of a work of art? By virtue of what does it get its individuality? What creates the unity of the art work and what individualizes it? What is its “center”? These questions drive the consideration of interpretation prerequisites to the highest point. Interpretation in art is replacing the original meaning of a certain artistic phenomenon by a different, independent meaning within each new mental representation system.

Chinese artists' interest was not in whether reality corresponds to some objective prototypes but whether it is loyal to the inner truth of life and to the deepest roots of human experience. For this reason, many masters of modern painting in China, having become acquainted with examples of the European art including works of contemporary art, paid attention to the artistic techniques that were close to the meanings which these masters were accustomed to attach to the process of art work creation.

This article characterizes artistic techniques by means of which European art is interpreted in works by Chinese artists who worked in different styles and represented some of the most notable trends in modern Chinese painting. As noted for the first time, techniques of interpreting the achievements by the mid 20th century European painting school played a unique role in mainstreaming works by representatives of China's national art schools during the new time.

Keywords: artistic technique, modern Chinese painting, art style, art trend, art school, national art school.

Введение. Интерпретация сама по себе является одним из ключевых феноменов культуры и социальной реальности [1, с. 119]. Во все времена интерпретация адаптирует национальное искусство как элемент культурного пространства к условиям окружающей действительности, позволяя самобытным проявлениям искусства сохраняться в поле мировой художественной культуры.

В чем состоит целостность произведения искусства? В силу чего оно обретает свою индивидуальность? Что создает единство произведения и в чем заключается индивидуализирующий его момент? Что представляет собой его «центр»? В этих вопросах рассмотрение предпосылок интерпретации достигает своей высшей точки. И не только в теории – цель заключается в том, чтобы достигнутое здесь понимание сделать плодотворным для практики [2, с. 14].

Среди исследователей, чьи работы помогли обобщить представленный на русском языке материал по теме статьи, – историки, культурологи, теоретики искусства из Беларуси, постсоветского пространства, китайские исследователи и молодые ученые.

Монографии и исследования китайских искусствоведов в Беларуси и России, таких как Люй Чэн (Белорусская государственная академия искусств), Чжан Далэй (Белорусский государственный университет культуры и искусств), Чэнь Чжэн Вэй (Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской академии художеств), Ван Фэй (Московский государственный университет культуры и искусств), помогли более точно и глубоко отразить внутреннее состояние художественной среды Китая, их работы доносят до русскоязычного читателя новейшие идеи и концепции китайских ученых, искусствоведов и самих художников.

В данной статье будут проанализированы приемы интерпретации китайскими мастерами усвоенного на западе опыта, а также показано, в рамках каких традиционных концепций это происходило и какие новые теории позволили произведениям китайских художников стать достижением не только национального искусства Китая, но и занять достойное место в сокровищнице мировой художественной культуры.

Основная часть. Свойства художественного произведения находятся в отношении взаимного проникновения (интеграции), т. е. поддерживают и взаимоопределяют друг друга и в своей действительности внутренне связаны между собой [3, с. 21]. Благодаря тому, что в китайской живописи даже после тяжелых испытаний художники и ученые всякий раз возвращались к принципам, разнообразию стилей, четкой и в то же время разветвленной структуре жанровых форм старых мастеров и находили их непротиворечащими современным веяниям в мировой художественной культуре, им удалось сохранить целостность интерпретации и осуществить ее гармонично.

Интерпретация в искусстве заключается в том, что первоначальное смысловое значение некоего художественного явления в рамках каждой новой системы представлений заменяется самобытным смысловым значением.

В творчестве известного китайского художника XX века Ци Байши отразились классическая традиция китайского искусства и экспериментальные поиски. Его живопись содержит первые примеры весьма деликатной адаптации приемов западного искусства – таких, как светотеневая моделировка; прием пространственных построений на основе наложения плоских планов, подобно меткам на карте, обозначающим «глубину»; способ использования низкой линии горизонта и очень осторожная передача среды вокруг главных объектов картины («Ноктюрн с горящей свечой»). Ци Байши создал свой уникальный стиль – «Красные цветы, черные листья» – на основе изучения работ старых мастеров. Он одним из первых начал работать с натуры, использовал чистые цвета. В переходный период все эти техники подверглись детальному изучению и оказали значительное влияние на новых живописцев [4, с. 64].

Китайских художников интересовало не соответствие действительности тем или иным объективным прототипам, а ее верность внутренней правде жизни, глубочайшим истокам человеческого опыта [5, с.179]. Исходя из этого, многие мастера современной живописи в Китае, познакомившись с образцами европейской живописи, в том числе и с произведениями современного искусства, обращали внимание на художественные приемы, близкие смыслом, которые художники привыкли вкладывать в процесс творения произведения искусства.

Одними из первых приемов, которые соответствовали этим требованиям и одновременно позволяли интерпретировать достижения европейского искусства в лоне самобытных художественных концепций китайской живописи, стали **освобождение формы и деформация перспективы**. Подробное описание этих приемов и примеры их использования художниками Парижской школы, от которых произошло наследование данных художественных средств китайскими живописцами, изложены в нескольких трудах, посвященных феноменологии восприятия французского философа М. Мерло-Понти.

Согласно данной теории, все, что человек знает о мире, он открыл из своего видения и жизненного опыта. Философ призывает не трактовать всякое сущее как объект, а перейти к непосредственно чувственно воспринятому миру, каким он существует для нашего тела. М. Мерло-Понти считает, что это можно осуществить благодаря живописи. По его мнению, живопись выполняет фундаментальную задачу открытия дорефлексивного опыта мира. Посредством своего тела (удерживая кисть) и приема видения (картина мира мастера) художник преобразует этот опыт в произведение живописи [6, с. 200].

Еще одним приемом естественной интерпретации действительности, согласно М. Мерло-Понти, является деформация перспективы. В качестве примера его использования ученый приводит работы Поля Сезанна. М. Мерло-Понти замечает ряд искажений и несоответствий линейной и геометрической перспективе в натюрмортах художника, портретах, принадлежащих его кисти. В ряде случаев посуда, размещенная на столе в профиль, должна иметь форму эллипса, однородного по толщине. Однако вместо этого вершины эллипса утолщены, расширены.

Влияние данной концепции и использования описанных в ней приемов характерно для живописи таких мастеров китайского современного искусства, представителей национальных художественных школ, как, например, Линь Фэнмянь, У Гуаньчжун, китайского художника в эмиграции Зао Вуки.

Линь Фэнмянь обращался к традиционным формам национального искусства и стремился к гармоничному и непротиворечивому синтезу некоторых элементов западной и китайской эстетики в живописи. Мастер часто использовал аналоговые оттенки одного цвета – черного, голубого либо зеленого, цвета «циан» для разграничения пространства картины на необходимые части (небо, море, побережье). Однако саму идею трехзонавой структуры Линь Фэнмянь унаследовал от поэта и живописца Ни Цана, жившего во времена династии Янь (ок. 1301–1374 гг.). Следует отметить, что Линь Фэнмянь стоял у истоков Шанхайской школы живописи, потому используемые им приемы создания живописного произведения впоследствии унаследовала целая плеяда его учеников, блестящих молодых художников.

Китайскому живописному искусству оказалось присуще стремление к решению абстрактных художественных задач, ярко проявившееся в творчестве такого романтического мастера старшего поколения, как У Гуаньчжун, продуктивно творившего в технике масляной живописи до конца 1990-х гг. Синтезируемый в его работах опыт китайской традиции и западной живописи содержателен и эстетичен, напоминая достижения 1940–1950-х гг., принадлежащие американским абстрактным экспрессионистам – «романтикам авангарда». Работы У Гуаньчжуна 1980–1990-х гг. («Лес Конфуция», 1980 г.; «Три вершины», 1987 г.; «Весна, похожая на нити», 1993 г.) визуально приближаются к произведениям на стыке реализма и экспрессионизма. На протяжении всей своей жизни У Гуаньчжун эволюционировал от реализма и экспрессионизма к фигуративному искусству и абстрактному экспрессионизму. Используемые им приемы вдохновили многих мастеров периода «100 школ», а также его учеников в институте художеств Политехнического университета «Цинхуа».

Французский художник китайского происхождения Зао Вуки (Чжао Уцзи, родился в 1921 г. в Пекине), с 1948 г. живущий и работающий в Париже, рассматривается исследователями как яркое явление так называемой второй Парижской школы 1940–1950-х годов. В работах этого времени (например, «Черная масса») Зао Вуки отразил общее увлечение художников западного модернизма традиционной культурой стран Дальнего Востока, проявившееся, в частности, в интересе к творческим методам чань-буддизма и формировании направления стилизованных фигур [7, с. 66].

Китайские художники вызывают неизменный интерес у зарубежного зрителя тем, что, отражая в своем творчестве историю родины, со всем драматизмом переживающей империализм, капитализм, социализм и глобализацию, они касаются универсальных проблем, интерпретируют их средствами современной национальной живописи. В творчестве таких живописцев присутствует широкий спектр приемов интерпретации европейского искусства, однако системообразующим является прием репликации.

Репликация (от «реплика») представляет собой авторское повторение какого-то фрагмента художественного произведения, отличающееся от оригинала в деталях. Репликация имеет большое значение в процессах взаимодействия и взаимовлияний в искусстве: в Европе имело место репродуцирование художниками сюрреалистического направления (С. Дали, Ф. Бэкон, П. И. Тремуа) картин прошлого с использованием таких композиционных решений, как тавтология, фрагментация и бесконечное повторение. Использование данного приема позволило китайской живописи, имеющей к началу 1980-х гг. почти вековую собственную историю, продолжить развитие в определившихся ранее и некоторых новых направлениях [10, с. 281].

Вначале опыт репликации не был удачным. В национальных формах создавались произведения, украшающие интерьеры ресторанов, клубов, гостиниц для иностранцев, станковые картины го-хуа, предназначенные для продажи в антикварных и художественных магазинах или для реали-

зации более «демократичными» способами. «Экзотика» создавалась путем тиражирования самых удачных классических образов го-хуа в виде художественных клише, что, по мнению В. Л. Сычева, было неизбежным явлением «рыночного» этапа развития китайского искусства [11, с. 19].

Следуя как традиционными, так и экспериментальными путями, китайское искусство рубежа XX–XXI веков посредством репликации пришло к продолжению попыток обновить собственную связь с литературным творчеством и национальными философскими системами [12, с. 48]. В нем сказалось желание некоторых художников преодолеть эстетизм академической живописи и каллиграфии, актуализировать их процессуальную природу, позволяющую воспринимать искусство создания изображений и письменных знаков в качестве игры, тем самым сближая его с искусством действия – перформансом. Явления такого порядка демонстрирует, например, творчество Сюй Бина, который с января 1995 года ведет свой дневник, делая записи водой на каменной плите, и Чжу Циншэна. Последний в эссе «Восхваление работ Чжу Циншэна» описал свой совместный с музыкантом Чжан Вэйляном перформанс 1997 года, названный авторами «Си шань сяо шу» («Река, гора, [звук] флейты, каллиграфия»). Прием репликации открыл потенциал переосмысления истории в живописи современных китайских художников.

Используя **антитезу** как дополнительный прием, контрасты современного мира на материале недавней истории исследует 40-летний живописец Ван Цзы, выпускник Академии искусств в Пекине. Суть его метода заключается в совмещении противоположностей. Изображая нежную встречу двух антиподов современного мира – Мао Цзэдуна с Мэрилин Монро, художник сталкивает такие понятия, как капитализм и коммунизм, Запад и Восток, свободу и консервативность, чувственность и целомудрие.

Вовлеченность в современную историю в стиле поп-арт демонстрирует живопись Рен Женью. Художник, окончивший академию искусств в Тяньцзине, а теперь работающий там преподавателем, завоевал известность в Европе благодаря серии портретов политических деятелей. В первую очередь это портреты Мао. По мнению критиков, образ Мао – это отправная точка современного китайского искусства [13, с. 11]. Интерпретация образа вождя – многообразный, сложный и противоречивый феномен, имеющий дело как с попытками избавиться от памяти прошлого, так и с новыми попытками ее сакрализации. Мао на картинах Рен Женью изображен в нарочито экспрессионистской манере, на грани абстрактной живописи.

Художник обращает внимание на то, что, несмотря на катастрофы недавнего прошлого, нация так и не избавилась от чар этого образа, нет более сильного образа, чтобы его заменить. Тема «икон» современного мира с блеском выражена серией гипнотических портретов мировых знаменитостей, в числе которых Иосиф Сталин, Дэн Сяопин, Уинстон Черчилль, Барак Обама, Елизавета II, Альберт Эйнштейн, Фрэнсис Бэкон, Люсьен Фрейд, Дэмьен Херст.

На рубеже 1980–1990-х гг. в структуре китайской живописи официально признанному искусству (реалистическому по форме и часто апологетическому по содержанию, представленному на выставках, организованных Союзом китайских художников при поддержке Министерства культуры КНР) противостояло рыночное искусство «свободных» художников, обращенное к достижениям западного модернизма и постмодернизма.

Живописец Дэн Ченвэн размышляет над судьбой современной молодежи. Он определяет молодежь как потерянное поколение, ставшее жертвой глобализации. Художник всегда использует прием **иносказания**, посредством аллегории его произведения приобретают глубокий психологизм и экспрессию. Художник изображает молодежь, которая вслепую идет по своим городам, не имея ни корней, ни цели, не понимая того, что происходит вокруг. На первый взгляд может показаться, что молодые люди играют, но скоро зрителю передаются внутреннее беспокойство и растерянность, охватившие героев. Дело в том, что политические, экономические и социальные изменения в Китае дали новому поколению экономическую свободу, но оставили неразрешимыми мировоззренческие вопросы, которые воспринимаются как тяжелое бремя [14, с. 512]. Прием иносказания широко используется в китайской живописи с начала XXI века. Авторские интерпретации посредством данного приема в рамках художественных произведений были настолько неординарны и самобытны, что отнести работы художников к определенному стилю или школе не представляется возможным. Это были авторские стили и авторские школы, о которых вскоре заговорил весь мир. Повсеместную известность приобрели иносказания и авторские

аллегии Ю Минджуна, Чжан Сяогана, Ло Чжунли, У Гуаньчжуна, способные как растрогать зрителя, так и шокировать его.

Примечательно, что наряду с аллегорией в произведениях представителей направления «циничный реализм» в Китае широкое распространение получил прием **пастиш**. В Европе и Северной Америке пастиш считается характерным художественным приемом эпохи постмодернизма. Пастиш – своеобразная форма самопародии и самоиронии, при помощи которых автор намеренно растворяет свое сознание в игре цитат и иллюзий. В китайской живописи наиболее ярко этот прием интерпретации художником окружающей действительности представлен в работах Танг Джичанга, Лю Сяодуна, а также упомянутых выше Ю Минджуна и Ло Чжунли.

Интересно, что в современной китайской живописи также можно найти много примеров использования приема **имитации**. Наиболее часто данный прием представлен в произведениях художника Гу Вэньда.

Гу Вэньда принадлежит к общественному движению «Движение-85» (так называемая китайская «Новая волна»). В свое время этот мастер наотрез отказался от традиционной каллиграфической техники, разделил кисть и тушь, которую художник часто наносит на большую плоскость при помощи распылителя. В то же время живописец проводил опыты с самими иероглифами. Характерным примером его работ середины 1980-х гг. может послужить начатая в 1983 г. серия «Мифы потерянных династий» («神話遺失王朝»). Работы этой серии в основном представляют собой монохромные пейзажи (нередко с использованием элементов сюрреалистического изобразительного языка) с крупным изображением иероглифа на переднем плане или просто изображения иероглифов на сером фоне. Однако это не настоящая письменность, а выдуманные художником псевдознаки.

Обращенный посыл Гу Вэньда к китайскому зрителю заключался в том, что в реальности этот рядовой зритель не имеет никакого отношения к древнекитайской истории, он смотрит на нее так же, как западный зевача в музее китайских древностей, он обречен оставаться лишь туристом в своей истории.

Заключение. Принципиальное значение для развития китайской национальной живописи двух последних десятилетий XX в. приобрело, с одной стороны, переосмысление тезиса о связи искусства с политикой, с другой – фактическое признание в Китае 1980-х гг. не только западного модернизма, но и постмодернизма. Интерпретация достижений и тенденций европейской живописи китайскими художниками осуществлялась посредством таких художественных приемов, как репликация, цитирование, пастиш, антитеза, иносказание и авторские аллегии. Данные приемы интерпретации китайскими мастерами усвоенного на западе опыта в рамках местных традиционных концепций позволили обновить уже существующие теории и концепции живописи, а произведениям китайских художников стать достижением не только национального искусства Китая, но и занять достойное место в сокровищнице мировой художественной культуры.

Список использованных источников

1. Артемьева, Л. С. Основные интерпретационные стратегии современного искусствознания : метод. рекомендации к программе курса / Л. С. Артемьева. – М.: РГГУ, 1997. – 121 с.
2. Бабушкина, О. В. Феноменолого-экзистенциальный подход к интерпретации абстрактной живописи: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / О. В. Бабушкина ; Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2004. – 24 с.
3. Бажанов, Е. А. Китай : суть времени / Е. А. Бажанов // Новое время. – 2000. – № 16. – С. 20–22.
4. Ван Фэй. Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 12.02.06/ Фэй Ван; Моск. гос. ун-т культуры и искусств [Электронный ресурс]. – М., 2008. – Режим доступа: // <http://www.dissercat.com/content/sovremennoe-iskusstvo-kitaya-v-kontekste-mirovogo-khudozhestvennogo-protsessa>. – Дата доступа: 21.09.2012.
5. Дзэця Ли. Искусство и идеология. Духовная идеология китайской живописи / Ли Дзэця // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2012. – № 133. – С. 175–185.
6. Люй Пэн. Вопросы истории искусства: направления исследования истории искусства в XX в. (1950–1999 гг.) / Пэн Люй. – Сычуань, 2006. – 420 с. (на кит. яз.)
7. Неглинская, М. А. Творчество Зао Вуки: на перекрестке двух традиций / М. А. Неглинская // Грани творчества: сб. науч. ст. – 2005. – Вып. 2. – С. 64–72.
8. Ван Пин. Влияние русской художественной школы на развитие китайской традиции живописи маслом / Пин Ван // Уч. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2013. – № 4(51). – С. 207–214.

9. Евлампиев, И. И. Два измерения интерпретации / И. И. Евлампиев // Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. – 1997. – Вып. 1: Понимание. – С. 138–152.
10. Малявин, В. В. Сумерки Дао: культура Китая на пороге Нового времени / В. В. Малявин. – М.: Дизайн. Информация, Картография и др., 2000. – 436 с.
11. Сычёв, В. Л. Современная традиционная живопись Китая. Основные тенденции развития / В. Л. Сычёв // Искусство. – 1988. – № 9. – С. 18–26.
12. Неглинская, М. А. Об актуальных тенденциях современного китайского искусства и перспективах его изучения / М. А. Неглинская [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.synologia.ru/a/Об%20актуальных%20тенденциях%20современного%20китайского%20искусства>. – Дата доступа: 12.06.2013.
13. Неглинская, М. А. Абстрактный экспрессионизм и китайская национальная живопись го-хуа конца XX века / М. А. Неглинская [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Абстрактный_экспрессионизм_и_китайская_национальная_живопись_го-хуа_конца_XX_в. – Дата доступа: 07.05.2013.
14. Сычев, В. Л. Изобразительное искусство. Судьбы культуры КНР (1949–1974) / В. Л. Сычёв. – М.: Наука, 1978. – 628 с.
15. Яковлева, Н. Ф. Китайская живопись «гохуа»: важнейшие факторы развития и ключевые свойства / Н. Ф. Яковлева // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. – 2012. – № 9. – С. 9–12.

References

1. Artem'eva, L. S. (1997), *Osnovnye interpretatsionnye strategii sovremenogo iskusstvoznaniya: metod. rekomendatsyi k programme kursa* [The Main Interpretative Strategies in Contemporary Art History: Methodological Recommendations to the Course Program], RGGU, Moscow, RU.
2. Babushkina, O. V. (2004), "Phenomenological-Existential Approach to the Interpretation of Abstract Painting", Abstract of Ph.D. dissertation, aesthetics, Perm State Technical University, Permian, RU.
3. Bazhanov, E. A. (2000), "China: the Essence of Time", *Novoe vremya* [New time], no. 16, pp. 20–22.
4. Van Fei (2008), "Chinese Contemporary Art in the Context of the Global Art Process", Abstract of Ph.D. dissertation, Fine and decorative arts and architecture, Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Moscow, RU.
5. Detssya Li (2012), "Art and Ideology. Spiritual ideology of Chinese Painting", *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University of A.I. Hertsen], no. 133, pp. 175–185.
6. Lyui Pen (2006), *Voprosy istorii iskusstva: napravleniya issledovaniya istorii iskusstva v XX veke (1950–1999)* [Questions of Art History: The Areas of Study in the 20th-century Art History (1950–1999)], Sychuan, CN.
7. Neglinskaya, M. A. (2005), "Zao Wou-Ki's Works: At the Crossroads of Two Traditions", *Grani tvorchestva; sbornik nauchnykh trudov* [Facets of Creativity: A Collection of Scientific Papers], no. 2, pp. 64–72.
8. Van Pin. (2013), Influence of Russian Art School on the Development of the Chinese Tradition of Oil Painting", *Zapiski Zabaikal'skogo Gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, kulturologiya, sotsialnaya rabota* [Scientists' Notes by the Trans-Baikal State University. Philosophy, Sociology, Cultural Studies and Social Work Series], no. 4(51), pp. 207–214.
9. Evlampiev, I. I. (1997), "Two Dimensions of Interpretation", *Al'manakh laboratorii Metafizicheskikh Issledovaniy pri Filosofskom fakul'tete SPbGU* [Almanac of the Metaphysical Studies Laboratory under the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University], no. 1, pp. 138–152.
10. Malyavin, V. V. (2000), *Sumerki Dao: kul'tura Kitaya na poroge novogo vremeni* [Dao Twilight: Chinese Culture on the Threshold of New Times], Design- Information-Cartography, Moscow, RU.
11. Sychev, V. L. (1988), "Modern Traditional Chinese Painting. Key Development Trends", *Iskusstvo* [Art], no. 9, pp. 18–26.
12. Neglinskaya, M. A. "Current Trends in Contemporary Chinese Art and Prospects of Its Study", Synologia.ru: History and Culture of China. Available at: <http://www.synologia.ru/a/Об%20актуальных%20тенденциях%20современного%20китайского%20искусства>. (Accessed 12 June 2013).
13. Neglinskaya, M. A. "Abstract Expressionism and Chinese Traditional Painting (Guohua) in the Late Twentieth Century", Synologia.ru: History and Culture of China. Available at http://www.synologia.ru/a/Абстрактный_экспрессионизм_и_китайская_национальная_живопись_го-хуа_конца_XX_в., (Accessed 7 May 2013).
14. Sychev, V. L. (1978), *Izobrazitel'noe iskusstvo. Sud'by kultury KNR (1949–1974)* [Fine Art. Destinies of Culture in the CPR (1949–1974)], Science, Moscow, RU.
15. Yakovleva, N. F. (2012), "Chinese Guohua Painting: the Most Important Factors of Development and Key Properties", *Vestnik Zabaikal'skogo Gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Trans-Baikal State University], no. 9, pp. 9–12.

Информация об авторе

Артёмова Елена Викторовна – аспирант. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alienakropka@mail.ru.

Information about the author

Artsiomova Elena Viktorovna, postgraduate student, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str, Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: alienakropka@mail.ru.

Для цитирования

Артёмова, Е. В. Приемы интерпретации европейского искусства в живописи Китая / Е. В. Артёмова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 87–92.

For citation

Artsiomava A. V. Interpreting European Art in China's Painting. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 87–92.

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА **LITERARY SCIENCE**

УДК 821.161.3.09–3“19”

Паступіў у рэдакцыю 29.03.2016
Received 29.03.2016

I. М. Шаладонаў

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
Мінск, Рэспубліка Беларусь*

ГЕНЕЗІС БЕЛАРУСКОЙ АПОВЕСЦІ XX СТАГОДДЗЯ

Рассматривается исторический и художественный процесс возникновения и развития жанра белорусской повести, а также дается обоснование актуализации этой прозаической формы в отечественной прозе XX столетия. Делается вывод о том, что жанровый принцип рассмотрения литературного процесса является наиболее эффективным и оправданным способом постижения теории, поэтики и эстетики художественно-литературного дискурса.

Особое внимание уделяется анализу взаимодействия разных прозаических форм, в особенности взаимосвязи жанров романа и повести. Отмечается тот факт, что изучению жанра повести в белорусском литературоведении долгое время не уделялось должного внимания. Ее жанровое определение часто носило фрагментарный, расплывчатый и неопределенный характер. Повесть нередко фигурировала в отечественном литературоведении под названием и определением других жанров прозы – рассказа, новеллы или же романа.

Значительное место в исследовании отведено глубокому теоретическому анализу произведения Якуба Коласа “В полесской глуши”, осуществленному в статье «“В полесской глуши” как новый этап белорусской художественной прозы» литературоведом М. Пиотуховичем. Констатируется его высокая оценка этой повести в белорусской литературе.

Отмечается интенсивный характер развития повести в белорусской литературе 20-х гг. XX столетия, раскрывается продуктивная сущность этого жанра прозы, ее востребованный высокий поэтико-художественный потенциал для плодотворного развития национальной белорусской литературы.

Ключевые слова: художественная литература, проза, поэтика, эстетика, повесть, рассказ, роман, новелла, жанр, образ, прозаик, летопись.

I. M. Shaladonau

*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus*

GENESIS OF THE 20TH CENTURY BELARUSIAN NOVEL

The article explores the historical and artistic process whereby the Belarusian novel genre emerged and developed and substantiates the relevance of this prose form in the Belarusian fiction in the 20th century. The conclusion is made that the genre-based approach to analyzing the literary process is the most effective and justified way to comprehending the theory, poetics and aesthetics of the fictional discourse.

Special attention is also paid to the analysis of the interaction between different prose forms, especially the interrelation between romance and novel. It is noted that studying the novel genre has long been neglected by Belarusian literary critics. Its genre definition was often much fragmented, vague and indefinite. The novel was often featured in the national literary criticism under a different name and defined as other prose genres: a story, novella or romance.

An important place in the study is given to the deep theoretical analysis of *In the Wilderness of Polesie* by Yakub Kolas presented by M. Piotukhovich in his article, *In the Wilderness of Polesie as a New Stage of Belarusian Fiction*. It is noted that he assessed this novel as highly valuable for the Belarusian literature.

The study also notes the intensive development of the novel in the Belarusian literature of the 1920s and exposes the productive nature of this fiction genre, and its relevant high poetic and artistic potential for the fruitful development of the Belarusian national literature.

Keywords: fiction, prose, poetics, aesthetics, novel, story, romance, novella, genre, image, prose writer, chronicle.

Літаратура ўвесь час развіваецца, дыферэнцыруецца, утвараючы ўсё новыя субдыскурсы, паколькі яна існуе ў часе і гісторыі. Адным з такіх значных і знамянальных субдыскурсаў у літаратуры, у яе паэтыцы з’яўляецца жанр. Менавіта пра яго знакамёты літаратуразнаўца і філосаф М. Бахцін гаварыў як пра “гістарычны вобраз часу” ў сваім агульнавядомым вучэнні аб хранатопе. “Жанр, – пісаў М. Бахцін, – ёсць прадстаўнік творчай памяці ў працэсе літаратурнага развіцця” [1, с. 120].

Трэба адзначыць, што кожны жанр літаратуры, згодна са сваім канонам і эстэтычнымі магчымасцямі, авалодвае і адлюстроўвае толькі пэўныя бакі наяўнай рэчаіснасці, дзе яму падпарадкаваны спецыфічныя прынцыпы адбору матэрыялу, замацаваныя за ім формы бачання і разумення свету, характэрныя толькі для яго межы ў раскрыцці шырыні ахопу і глыбіні пранікнення ў свет рэчаіснасці і псіхалогіі чалавека.

Жанр аповесці ў гэтым сэнсе ў айчыннай літаратуры мае, на нашу думку, магчыма, найбольшую глыбіню гістарычнай “пісьмова-вербальнай” памяці, бо экстрапалюе наш рэтраспектыўны позірк да знакамітага агульнага ўсходнеславянскага культурна-кодавага пісьмовага твора – летапісу “Аповесць мінулых гадоў”, створанага яшчэ напачатку XII стагоддзя ў Кіеўскай Русі. І хоць паняцце аповесці на той час яшчэ канкрэтна не мела выразных адзнак жанравага характару, але ўжо настойліва скіроўвала да тых вызначальных паэтыка-стылістычных і этычных дамінантаў і каардынатаў, якія затым стануць вызначальнымі і галоўнымі структурнымі адзнакамі жанравага нападнення зместу новай аповесці.

Вызначальнай адзнакай і жанравай якасцю аповесці з’яўляецца яе паэтычны пафас светаадчування і светаадлюстравання, а таксама здольнасць да інтэнцыянальнасці (актыўнага самаразвіцця) і паспяховага засваення эстэтычнага, маральнага і жыццёвага вопыту гісторыі і чалавечага жыцця. Літаратурныя формы, якія звычайна мелі ў Сярэдневяковай Русі назву аповесці, вызначаліся ярка выяўленай этычнай афарбоўкай, антрапалагічнай цэнтрычнасцю. Як эстэтычная мастацкая форма аповесць да сённяшняга часу працягвае захоўваць сваю гістарычную родавую рысу, так званую “архаіку жанру”, якая праяўляецца ў акцэнтаванай схільнасці да аксіялагічна-маральнай заангажаванасці.

Генетычна сучасная беларуская аповесць таксама звязана і з сярэдневяковымі аповесцямі “Аповесць пра Жыгімонта і Барбару Радзівіл”, “Аповесць пра Баву”: «Па сутнасці, аповесцямі з’яўляюцца і беларускія сярэдневяковыя перакладныя рыцарскія раманы “Александрыя”, “Аповесць пра Трышчана”, “Аповесць пра Таўдала” і інш.» [9, с. 73].

На пэўны час гэты жанр заняпаў, на што былі свае прычыны, звязаныя з негатыўнымі падзеямі, калі беларуская літаратура была пазбаўлена належных умоў для свайго развіцця. Беларуская ж аповесць XX стагоддзя – адзін з самых актыўных папулярных і запатрабаваных жанраў айчыннай літаратуры і разам з тым адна з найменш вывучаных літаратурных праявістых форм.

На фоне здавалася б адносна вялікай колькасці артыкулаў, прысвечаных аналізу асобных твораў ці аўтараў, якія паспяхова працуюць у жанры аповесці, здзіўляе мізэрная наяўнасць канкрэтных абагульняючых тэарэтычных даследаванняў па тэматыцы, паэтыцы і эстэтыцы гэтага жанру ў айчынным літаратуразнаўстве.

Да апошніх найбольш значных навуковых прац, прысвечаных жанру беларускай аповесці, мы можам аднесці такія літаратуразнаўчыя даследаванні, як “Беларуская савецкая проза. Раман і аповесць” (1971), “Беларуская проза XX стагоддзя: дынаміка жанравых структур” (1996) Л. Д. Сіньковай, “Праблема жанру і стылю ў беларускай прозе XIX – пачатку XX стагоддзя” (2001) А. М. Макарэвіча, “Беларуская аповесць для юнацтва 20-х гадоў XX стагоддзя: стылёва-жанравая спецыфіка” (2004) В. М. Смаля. Кожная з гэтых літаратуразнаўчых прац высвечвае толькі пэўныя аспекты развіцця жанру беларускай аповесці XX стагоддзя, глыбока і дэтальна не закранае жанрава-відавы, стылёвы, родавы і тэматычны самарух айчыннай аповесці ў цэлым. Можа, па гэтай прычыне ў нашым літаратуразнаўстве і захавалася да сённяшняга дня даволі спрошчаная характарыстыка і тлумачэнне самога паняцця аповесці, якое было зафіксавана яшчэ пачынаючы з прац айчынных тэарэтыкаў літаратуры 20-х гадоў XX стагоддзя.

Так, М. Гарэцкі ў сваёй “Гісторыі беларускай літаратуры”, выдадзенай у 1920 годзе ў Вільні, дае наступную інтэрпрэтацыю жанру аповесці: “Повесць – эпічны твор, у якім даецца шырокі малюнак жыцця грамадзянства ў пэўны час і ў пэўным месцы (тое ж самае, што і раман, толькі меншага аб’ёму і вузейшага зместу)” [5, с. 396].

Вядомы вучоны ў галіне паэтыкі літаратуры пачатку XX стагоддзя прафесар А. Барычэўскі ў сваёй навукова-тэарэтычнай працы “Паэтыка літаратурных жанраў” (1927) дае наступную інтэрпрэтацыю аповесці: «Часта побач з раманам ужываецца тэрмін “повесць”. Яна адрозніваецца ад рамана больш простаай фабулай, але калі яна багатая апісальнымі момантамі, то можа не ўсту-

паць яму па сваіх памерах. Беларуская літаратура мае толькі адзіночныя прыклады гэтага літаратурнага жанру, а іменна – “Сокі цаліны” Ц. Гартнага, “У палескай глушы” Я. Коласа, “Дзве душы” М. Гарэцкага» [1, с. 95].

У “Слоўніку літаратуразнаўчых тэрмінаў” за 1996 год пад рэдакцыяй М. А. Лазарука і А. Я. Ленсу азначэнне жанру аповесці толькі крыху пашыраецца і ўдакладняецца: «Аповесць – жанр эпічнай літаратуры, пераважна пражайтнай. Ёсць, аднак, і ў паэзіі (вершаваная А.). Па сваіх памерах А. *знаходзіцца паміж раманам і апавяданнем, таму яе часта называюць сярэдняй эпічнай формай*. У адрозненне ад рамана А. мае менш складаны сюжэт, развівае звычайна адну сюжэтную лінію, звязаную з галоўным героем, які паказаны ва ўзаемаадносінах з іншымі персанажамі на працягу пэўнага, нярэдка даволі працяглага часу. Ад рамана і апавядання А. адрозніваецца не толькі аб’ёмам і характарам кампазіцыі, але і своеасаблівай, больш спакойнай, “замаруджанай” манерай апавядання. А. больш лірычныя, і таму ў А. часта апавяданне вядзецца ад імя галоўнага героя або аднаго з герояў. Аднак граніца паміж раманам і А. даволі ўмоўная. Таму нярэдка жанр адных і тых жа твораў вызначаецца па-рознаму. Іх называюць то аповесцямі, то раманамі (“Салавей” З. Бядулі, “Люба Лук’янская” К. Чорнага)» [6, с. 176].

Уяўленне пра аповесць як жанр “прамежкавы” – у самых розных адносінах, але ў першую чаргу па памеры тэксту – паміж “вялікімі” пражайтнымі формамі (эпапеяй і раманам) і “малымі” (апавяданнем і навелай) з тэарэтычнага і эстэтычнага пункта гледжання падаецца нам не зусім апраўданым і ў тэарэтычным плане недасканалым. Гэта думка, хутчэй за ўсё, ідзе ад той тэарэтыка-літаратуразнаўчай тэндэнцыі, якая лічыла, што галоўным жанрам XIX і XX стагоддзяў з’яўляецца жанр рамана як “новай пражайтнай эпапеі”, дзе жанрам апавядання і аповесці адводзілася толькі вузкая роля “падрыхтоўчых, вучнёўскіх” практыкаванняў для напісання будучага рамана.

Аднак уся гісторыя фарміравання новай беларускай пражайтнай мастацкай літаратуры, пачынаючы ад В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, Я. Баршчэўскага і канчаючы сучаснымі маладымі пражайткамі XXI стагоддзя, дае нам бяспрэчныя падставы лічыць, што жанр аповесці змяшчае ў сваім структурна-паэтычным змесце і ў формаўтваральнай унутранай патэнцыі магутны паўнаважны зарад мастацка-эстэтычнага самавыяўлення аўтарскай волі ў раскрыцці чалавечых характараў, а таксама шматаспектных працэсаў гістарычнага і нацыянальнага жыцця.

Тэарэтыка-літаратуразнаўчая нявызначанасць жанру аповесці ў нашым сучасным літаратуразнаўстве, на нашу думку, тлумачыцца хутчэй за ўсё тым, што “*новая*” аповесць як літаратурны жанр – з’ява неардынарная і своеасаблівая ў сусветным літаратуразнаўстве, бо як жанр літаратуры аповесць не пазначана ў заходнеўрапейскім прыгожым пісьменстве, фігуруючы там часцей за ўсё пад знакам невялікага рамана ці некананічнай навелы.

Трэба адзначыць, што ва ўсходнеславянскіх літаратурах як стала замацаваны мастацка-эстэтычны і крытыка-тэарэтычны феномен *новая аповесць* найбольш выразна заявіла пра сябе толькі ў 1830-х гадах у рускай рэалістычнай прозе, пачынаючы са знакамітых “Аповесцей Белкіна” А. С. Пушкіна, і асабліва плённа раскрыла сябе ў такіх творах М. В. Гоголя, як “Нос”, “Тарас Бульба” і інш. Першасную значную крытыка-тэарэтычную апрацоўку гэтыя аповесці атрымалі ў працах знакамітага рускага даследчыка літаратуры В. Р. Бялінскага. Так, аналізуючы рускую прозу ў артыкуле “Размежаванне паэзіі на роды і віды”, В. Р. Бялінскі адзначаў: “Аповесць ёсць той жа раман, толькі ў меншым аб’ёме, які абумоўліваецца сутнасцю і аб’ёмам самога зместу” [3, с. 327].

Як можна заўважыць, крытык не рабіў поўнасна тоеснымі паняцці рамана і аповесці, а толькі ўказваў на іх агульную родавую прыроду. Акрамя таго, аб’ём аповесці ён разглядаў не фармальна, а цесна ўвязваючы яго з жанравым зместам твора. Як вядома, высновы В. Р. Бялінскага бяруць пачатак з эстэтыкі Гегеля, які аб’ём твора тлумачыў прадметам і мэтай мастацкага адлюстравання.

Для нас важным у гэтым азначэнні рускага літаратуразнаўцы з’яўляецца яшчэ той аспект, што ён цесна збліжае працэс развіцця эстэтычнага “эпасу новай эпохі”, г. зн. жанру рамана, з жанрам аповесці. Прычым агульнавядомымі і агульнапрынятымі сталі яго высновы наконт таго, што аповесць у нейкай меры можа выступаць “часткай рамана”, якую даволі лёгка можна вылучыць з яго як самастойную мастацка-эстэтычную форму. Так, ён даводзіў, што “... аповесць – падзеленая на часткі, на тысячы частак раман, глава, вырваная з рамана” [4, с. 132].

Вядомы сучасны рускі тэарэтык літаратуры Н. Тамарчанка, грунтуючыся на вывучэнні пражайснага мастацка-літаратурнага працэсу развіцця жанру аповесці, прыйшоў да важнай, з наша пункта гледжання, думкі аб тым, што кананічная форма новай рускай аповесці пачала складвацца ў XIX стагоддзі і гэты працэс актыўна працягваецца і па сённяшні дзень пры дзейным узаемадзеянні з жанрам рамана і апавядання, дзе аповесць актыўна ўбірае і развівае новыя мастацка-тэматычныя і стылёва-паэтычныя формы і сэнсаўтваральныя напрацоўкі і якасці іх паэтычных практык.

Вельмі слушную думку на гэты конт, нам думаецца, выказаў у сваім даследаванні “Человек у савецкім рамане” Н. Перкін: «Ні “звычайны” раман, ні аповесць, ні нават апавяданне не з’яўляюцца толькі подступамі, “загатоўкамі”, а таксама не “прыватнымі” рашэннямі ў адносінах да эпапеі. Яны не толькі паўнакроўныя і незаменныя жанры, якія валодаюць неабмежаванымі магчымасцямі. Справа тут толькі ва ўзроўні, у якасці, у сапраўднай ці ўяўнай мастацкасці» [7, с. 219].

У пэўныя гісторыка-культурныя перыяды развіцця літаратурнага працэсу аповесць нават выходзіць на першы план у асэнсаванні і выяўленні галоўных і дамінуючых анталагічна-каштоўнасных, філасофскіх і духоўна-маральных праблем і задач у адлюстраванні сацыяльнай рэчаіснасці. Пры гэтым менавіта яна найбольш спрактыкавана магла прапаноўваць сябе на роўнаватасную замену папярэдніх варыяцыйных форм вялікай эпічнай прозы, эпапеі і рамана як жанр, які, паводле выразу Шэкспіра, удала стварае “вобраз і напружанне часу”. З гэтай прычыны аповесць актыўна і прадукцыйна магла заяўляць аб сабе і самавызначацца, безумоўна, толькі ў працэсе абвостранай палемічнасці з раманнай паэтычнай формай, як найбольш генеруючым і актуалізаваным мастацка-эстэтычным літаратурным жанрам XIX – XX стагоддзяў.

Гэты рэтраспектыўны дыскурс разваг аб развіцці расійскага літаратурнага і літаратуразнаўчага працэсу дазваляе больш фундаментальна і ўсебакова ўбачыць і зразумець шлях развіцця беларускай аповесці XX стагоддзя.

Пераходзячы непасрэдна да разгляду гісторыі развіцця новай беларускай аповесці, ёсць сэнс звярнуць асаблівую ўвагу на артыкул літаратуразнаўца М. Піятуховіча «Апавяданне “У Палескай глушы” як новы этап беларускай мастацкай прозы», надрукаваны ў Навуковым зборніку Інстытута беларускай культуры ў 1925 годзе. У гэтым артыкуле літаратуразнавец, які плённа працаваў на ніве беларускай літаратуры ў 1920-я гады, ужо ў назве свайго даследавання сцвярджае факт фарміравання “новага этапу” ў развіцці беларускай прозы са з’яўленнем гэтага пражайснага твора Я. Коласа, які ён апублікаваў у 1923 годзе пад псеўданімам Тарас Гушча.

І хоць па жанры М. Піятуховіч называе новы твор Я. Коласа толькі апавяданнем, але пры аналізе яскрава высвечваецца больш якасны і паўнаватасны характар напісанай пражайснай формы апаведу. Так, ужо ва ўводзінах свайго артыкула даследчык зазначае цікавую і важную для нас заканамернасць у гісторыі развіцця літаратуры: «Даўно ўжо зроблена назіранне, што ўсюды паэзія старажытней прозы. Гэтае назіранне некаторыя даследчыкі, як вядома, лічаць адным з агульных законаў гістарычнага руху літаратур. Беларуская літаратура прадстаўляе бліскачае пацвярджэнне дадзенай думкі» [8, с. 31].

З гэтай высновы вельмі важна яшчэ засведчыць тое, што беларуская пражайсная аповесць найперш, так сказаць, пупавінна звязана з вершаванай аповесцю, даволі шырока прадстаўленай у беларускай літаратуры XIX стагоддзя ў творчасці В. Равінскага “Энеіда навыварат”, К. Вераніцына “Тарас на Парнасе”, В. Дуніна-Марцінкевіча з яго вершаванымі аповесцямі “Гапон”, “Вечарніцы”, “Шчароўскія дажынкi”, “Купалле”, Ф. Багушэвіча з яго сюжэтна-сацыяльнай паэмай “Кепска будзе”. Менавіта гэтыя пісьменнікі змаглі сваім дэмакратызмам паэтычнага і сацыяльнага мыслення ўнесці ў беларускую мастацкую прастору новага героя, героя з народа, які паступова становіўся вызначальным фактарам не толькі сацыяльна-гістарычнага, але і мастацка-эстэтычнага засваення нацыянальнай паэтыкі жыцця.

Распрацоўка майстрамі вершаванай аповесці новых метадалагічных эстэтыка-паэтычных, мастацка-духоўных і стылёва-родавых падыходаў у адлюстраванні новых рэалій нацыянальнага жыцця не магла не ўвасобіцца ва ўдасканаленні і пашырэнні пражайсных форм літаратурнага працэсу, калі на змену лірыка-сімвалічнай эстэтыкі пры стварэнні вобраза героя сцвярджалася новая паэтычная канцэпцыя пашырэння пабудовы сюжэта і вобразнай структуры, што прыво-

дзіла да змяшчэння родава-відавых спосабаў у спасціжэнні нацыянальнага быту і быцця. А ў літаратурным, мастацка-эстэтычным плане адбываўся акцэнтаваны зрух у працэсе пераходу ад жанраў паэзіі да жанраў прозы.

Гэты момант мастацкага росту беларускай прозы своечасова адзначыў і прафесар М. Пятуховіч, калі ў прыведзенай вышэй працы пра аповесць Я. Коласа “У палескай глушы” падкрэсліваў наступнае: “Гэта ў беларускай літаратуры, можна сказаць, першы досыць вялізны і, галоўнае, сапраўдны мастацкі твор у вобразнай і каларытнай прозе. Ужо ў гэтым заключаецца яго вялізнае значэнне для нашага пісьменства, ён *пашырае асяродкі беларускай літаратуры з боку формы*” [8, с. 31].

У “Слоўніку-мінімуму па літаратуразнаўству”, выдадзеным у 2000 годзе, В. Рагойша выказвае наступную думку: «Новая беларуская літаратурная аповесць (празаічная) з’явілася толькі напачатку XX стагоддзя (“Бацькава воля” Ц. Гартнага (1916), “Антон”, “Дзве душы” М. Гарэцкага (1919)). Сваё развіццё яна атрымала ў творчасці Якуба Коласа ...» [9, с. 23].

Праўда, дзеля справядлівасці трэба зазначыць і той факт, што некаторыя даследчыкі не без падстаў лічаць першай празаічнай аповесцю новай беларускай літаратуры твор Я. Баршчэўскага “Драўляны дзядок і кабета Інсекта” з яго знакамітага зборніка “Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях”, выдадзенага ў 1844–1846 гадах у Санкт-Пецярбургу.

Іншыя літаратуразнаўцы схільны лічыць, і не без падстаў, першай спробай напісання беларускай аповесці твор Ядвігіна Ш. “Золата”, які друкаваўся ў газеце “Беларусь” у Мінску за 1920 год, але не быў канчаткова завершаны. Маюць пэўную рацыю і тыя даследчыкі, якія да ліку адной з першых аповесцей, якія былі надрукаваны на тэрыторыі сучаснай Беларусі, адносяць гуманістычна-прыгодніцкую аповесць В. Ластоўскага “Прыгоды Тараса і Панаса”, выдадзеную ў Пінску ў мясцовай газеце за 1922 год.

Усе вышэйназваныя творы, безумоўна, пашыраюць творчыя набыткі беларускай аповесці, але аповесць Я. Коласа “У палескай глушы” адыграла ролю больш значнай, якая-эстэтычнай і грамадскай падзеі менавіта як *новага этапу* літаратурна-празаічнага адлюстравання беларускай ментальнай рэчаіснасці.

У творы Тараса Гушчы, як зазначае М. Пятуховіч, «перад намі паўстае малюнак на шырокім палотнішчы, дзе зарысавана прырода, побыт сялянства, жыццё гэтак званай інтэлігенцыі правінцыяльнага кутка і, апроч таго, пастаўлена агульна-людская псіхалагічная праблема. Пры гэтым у адносінах да сялянства не заўважаецца ўжо народніцкай ідэалізацыі, а больш цвярозы і аб’ектыўны падыход да яго, а ў адносінах да інтэлігенцыі дадзена першая спроба тыпізацыі жыцця» [6, с. 35].

Аповесць “У палескай глушы” Я. Коласа – знамянальная з’ява нашага прыгожага пісьменства яшчэ і ў тым, што ў ёй ужо першапачаткова была закладзена ўнутрана-глыбінная раманная структурна-эстэтычная аснова мастацкага мыслення, якая затым рэалізавалася праз цыклічную форму аповесці – трылогію “На ростанях”. Такая цыклічная празаічная форма стала пашыраным метадам далейшага функцыянавання нацыянальнай прозы XX стагоддзя.

Выдаўшы сваю першую аповесць, Я. Колас амаль адначасна дэклагаваў аб сваім жаданні напісаць трылогію, дзе ў цэнтры яго ўвагі будзе жыццёвы лёс цэнтральнага героя твора нацыянальнага інтэлігента Андрэя Лабановіча. Гэты прынцып напісання можна таксама прасачыць і па тым, як працаваў і друкаваў па частках-аповесцях свой раман Ц. Гартны “Сокі цаліны”.

Адсюль можна зрабіць вывад аб тым, што беларускі раман у XX стагоддзі арганічна развіваўся з аповесці, чэрпаючы з яе канфлікты, сістэму вобразаў, формы апаведу, прычым найбольш частым прыёмам арганізацыі сюжэта ранняга беларускага рамана з’яўляецца прыём ушчыльнення частак-аповесцей, што нагадвае сістэму вялікага эпічнага твора, але які лёгка можа распадацца на асобныя элементы, паколькі ў ім прысутнічае паслаблены агульны сюжэтна-фабульны і ідэйна-спрасаваны аб’яднаўчы пачатак, асноватворная манадыя дамінанта.

Выразная мадальнасць беларускай аповесці XX стагоддзя як некананічнага жанру прозы дазваляе ёй быць актыўнай і адкрытай мастацкай структурай і жыватворна ўзаемадзеінаць з іншымі жанрамі, убіраючы іх прадукцыйныя якасці і рысы, паспяхова і шматгранна папаўняючы і раскрываючы свой мастацка-ідэйны, стылёва-тэматычны і духоўна-маральны патэнцыял. Гэта

сэдзейнічала таму, што вялікая колькасць беларускіх пражыткаў найбольш паспяхова і вынікова змаглі рэалізаваць сябе менавіта ў жанры аповесці, скарыстаўшы яе ўнікальны мастацка-эстэтычныя і стылявыя магчымасці, вобразна-пераканаўча перадаваць духоўна-маральныя калізій і канфлікты жыцця, а таксама сацыяльна-гістарычныя тыпы і характары людзей шмат у чым катастрофічнай і метамарфознай эпохі мінулага стагоддзя. Доказ таму – творы Я. Коласа, М. Гарэцкага, М. Зарэцкага, К. Чорнага, В. Быкава, І. Шамякіна, Я. Брыля, Я. Маўра, М. Стральцова, А. Федарэнкі, А. Казлова і інш.

Усё гэта дазволіла айчынным аповесцям XX стагоддзя стаць адной з самых прыкметных і запатрабаваных мастацка-літаратурных форм, якая заўсёды імкнулася паўнаўважна і адэкватна, наколькі дазвалялі ідэалагічныя ўстаноўкі, увасобіць і перадаць шматаспектную і шматмерную сацыяльна-грамадскую ментальна-прыродную сутнасць і аблічча беларуса.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Барычэўскі, А. Паэтыка літаратурных жанраў / А. Барычэўскі. – Менск: БДВ, 1927. – 167 с.
2. Бахтин, М. М. Собр. соч.: в 7 т. / М. М. Бахтин. – М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. «Работы 1960 – 1970-х гг.». – 120 с.
3. Белинский, В. Г. Собр. соч.: в 9 т. / В. Г. Белинский. – М., 1959. – Т. 1. – 327 с.
4. Белинский, В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / В. Г. Белинский. – М.: Современник, 1982. – 606 с.
5. Гарэцкі, М. Гісторыя беларускай літаратуры / М. Гарэцкі. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 395 с.
6. Лазарук, М., Ленсу, А. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў / М. А. Лазарук, А. Я. Ленсу. – Мінск: Народная асвета, 1996. – 176 с.
7. Перкин, Н. С. Человек в советском романе / Н. С. Перкин. – Минск: Наука и техника, 1975. – 304 с.
8. Піятуховіч, М. Апавяданне “У палескай глушы” як новы этап беларускай мастацкай прозы / М. Піятуховіч. – Мінск: Інстытут Беларускае культуры, 1925. – 39 с.
9. Рагойша, В. Слоўнік-мінімум па літаратуразнаўстве / В. Рагойша. – Мінск: БДУ, 2000. – 123 с.

References

1. Barycheŭski, A. (1927), *Paetyka litaraturnykh zhanraŭ* [The Poetics of Literary Genres], BDV, Minsk, BY.
2. Bakhtin, M. M. (2002), *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky's Poetics], Moscow, RU.
3. Belinskii, V. G. (1959), *Sobranie sochinenii v 9 t. Tom 1* [Works in 9 Volumes. Volume 1], Moscow, RU.
4. Belinskii, V. G. (1982), *O russkoi povesti i povestiyakh g. Gogolya* [About the Russian Novel and Novels by Gogol], Contemporary, Moscow, RU.
5. Garetski, M. (1992), *Gistoryya belaruskai litaratury* [The History of Belarusian Literature], Fiction, Minsk, BY.
6. Lazaruk, M. and Lensu, A. (1996), *Sloŭnik litaraturaznaŭchykh terminaŭ* [The Dictionary of Literary Terms], Public education, Minsk, BY.
7. Perkin, N. S. (1975), *Chelovek v sovetskom romane* [Man in the Soviet Romance], Science and Technology, Minsk, BY.
8. Piyatukhovich, M. (1925), *Apavyadanne "U paleskai glushy" yak novy etap belaruskai mastatskai prozy* [In the Wilderness of Polesie as a New Stage of Belarusian Fiction], Belarusian Institute of Culture, Minsk, BY.
9. Ragoisha, V. (2000), *Sloŭnik-minimum pa litaraturaznaustvu* [Minimum Dictionary of Literary Science], BSU, Minsk, BY.

Информация об авторе

Шаладонаў Ігорь Михайлович – ст. науч. сотрудник. ГНУ “Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси” (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: shaladonov@tut.by.

Information about the author

Shaladonov Igor Mikhailovich, Senior Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: shaladonov@tut.by.

Для цитирования

Шаладонаў, І. М. Генезіс беларускай аповесці XX стагоддзя / І. М. Шаладонаў // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 93–98.

For citation

Shaladonau I. M. Genesis of the 20th Century Belarusian Novel. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 93–98.

Г. Ю. Новік

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
Мінск, Рэспубліка Беларусь*

ФЕНОМЕН ЛІТАРАТУРЫ НОН-ФІКШН: АСПЕКТЫ ТЭОРЫ І ВЕРЫФІКАЦЫІ

На рубеже XX–XXI веков в белорусской литературе наблюдается стремительная экспансия произведений с ярко выраженным документальным началом. Возникновение большого объема мемуарных, дневниковых, исповедальных, эпистолярных, биографических текстов детерминировано влиянием тенденций зарубежной литературы, где документалистика получила название non-fiction. Однако в отечественной гуманитарной науке изучение документальной прозы носит ограниченный и фрагментарный характер, что негативным образом влияет на восприятие литературного процесса, искажая его.

Цель исследования – теоретическое осмысление феномена non-fiction, для осуществления которого применяются сравнительный и структурно-аналитический (с элементами системного моделирования) методы. Задачи включают в себя сужение круга синонимических терминов, используемых для обозначения документальной литературы; определение дифференциальных черт феномена non-fiction, а также уровней его существования; выявление жанрового поля документальной прозы.

Автор приходит к выводу, что наиболее релевантными терминами для обозначения феномена non-fiction являются «документальная литература» и «документалистика». Для non-fiction характерно существование как в ипостаси самостоятельной «литературы факта», так и в качестве документального начала художественного произведения, причем в последнем случае тексты подразделяются на автобиографические (дневники, мемуары, исповеди, эпистолярный и т.п.) и документально-художественные (художественные хроники, эссе, беллетризированные биографии и т.п.). Жанровыми особенностями, общими для большинства произведений non-fiction, являются «утроение» авторского присутствия в тексте, гипотетическая неоконченность, соотносительность текста с постмодернистской традицией, балансировка на границе реальности и вымысла.

Ключевые слова: документальная литература, документалистика, non-fiction, художественная литература, автобиографическая проза, документально-художественные произведения.

A. Y. Novik

*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus*

NON-FICTION PHENOMENON: THEORETICAL AND VERIFICATIONAL ASPECTS

The Belarusian literature in recent decades demonstrates rapid expansion of works with a distinct non-fictional basis. The increasing emergence of memoirs, diaries, confessions, epistolary and biographical texts is influenced by trends in foreign literature where documentary prose was termed non-fiction. However, studying documentary prose in the Belarusian humanitarian science is limited and fragmentary. This affects and distorts the perception of the literary process.

The article seeks to explore and theoretically comprehend the non-fiction phenomenon using the comparison and structural analysis methods (including system modeling elements). The objectives include limiting the list of synonymic terms that are used to denote documentary literature, determining differentiating features and existence levels of the non-fiction phenomenon and identifying the genre field of documentary literature.

The author arrives at the conclusion that the terms “documentary literature” and “documentary” are most relevant to denote the non-fiction phenomenon. It is typical for the non-fiction phenomenon to exist both as independent ‘literature of fact’ and as a documentary basis for a work of fiction. In the latter case, texts are subdivided into autobiographies (diaries, memoirs, confessions, epistolary texts etc.) and documentary fiction (fictional chronicles, essays, fictionalized biographies etc.). Common genre features of most non-fiction works are the author’s presence ‘triplication’, hypothetical incompleteness, correlation with the post-modern tradition, and balancing between reality and fiction.

Keywords: documentary literature, documentary, non-fiction, fiction, autobiographical prose, documentary fiction works.

Адной з яскравых прыкмет сучаснай беларускай літаратуры з’яўляецца яе жанравая разнастайнасць. Non-fiction (або нон-фікшн) у шырокім сэнсе – літаратура, створаная з абмежаваным выкарыстаннем вымыслу. Праз сваю неаднастайнасць акрэсленая з’ява дагэтуль не атрымала сярод даследчыкаў аднагалоснай трактоўкі і ўніверсальнай дэфініцыі. Як заўважае А. Местэргазі, для абазначэння аднаго і таго ж паняцця часта ў сінанімічны шэраг беспадстаўна ставяцца тэрміны “дакументальная літаратура” (дакументалістыка), “літаратура факта”, “чалавечы даку-

мент”, “дакументальна-мастацкая літаратура”, “газетна-часопісная дакументалістыка”, “літаратура нон-фікшн” і інш. [1, с. 10]. У сваю чаргу даследчыца прапануе аўтарскі тэрмін “літаратура з дамінуючым дакументальным пачаткам” для дэталёвага вывучэння мастацкай прозы, якая «<...> распаўядае пра рэальныя падзеі і асоб з прыцягненнем дакументальных сведчанняў. Пры гэтым імёны, назвы могуць быць сапраўднымі, а могуць <...> замяняцца на прыдуманых; пад дакументальным сведчаннем разумеюцца як афіцыйныя дакументы, даведкі і інш., так і запісы вусных аповедаў, у тым ліку літаратурна апрацаваныя, а таксама нявыдуманых аповеды пісьменнікаў» [1, с. 16].

Многія літаратуразнаўцы спрабуюць сфармуляваць азначэнне, зыходзячы з апазіцыі “мастацкая” – “дакументальная” літаратура і ўлічваючы пры гэтым ролю вымыслу ў тэксце. Так, А. Даўгапят адзначае, што «літаратура прыдуманая – гэта даследаванне “нявыкарыстаных” жыццём магчымасцей рэальнасці» [2]. С. Файбісовіч сведчыць, што праз імкліваю экспансію non-fiction «<...> уласна жыццё ў яго як фармальных, так і зместавых параметрах усё большай колькасцю аўтараў адчуваецца не як матэрыял для творчасці, а як гатовы твор» [3]. У той жа час некаторыя даследчыкі робяць акцэнт на дакументальным пачатку ў творах нон-фікшн. Важнасць дакумента як прыёму падкрэсліваюць Н. Максімкіна («Документализм как ведущий принцип изображения действительности в творчестве С. Фетисова») і А. Драгамошчанка («Нашто літаратуры ўяўленне»), пазіцыянуючы яго як сродак зніжэння творчага вымыслу і набліжэння твора да рэальнага жыцця.

Разам з тым варта адзначыць, што наяўнасць аб’ектыўнай праўдзівасці ўласціва дакументам у “чыстым” разуменні, да якіх адносяцца дзелавыя паперы (справаздачы, даведкі, статуты), а таксама сціслыя біяграфіі, фотаздымкі, рэпартажы, што не маюць дачынення да мастацкай літаратуры ці часам уключаюцца ў яе тэксты ў выглядзе фрагментаў. Дакументы, сінтэзаваныя, відазмененыя пісьменнікамі ў мастацка-эстэтычным аспекце, займаюць у літаратуры нон-фікшн адметнае месца.

У аўтабіяграфічных тэкстах у якасці дакументальнай асновы выступаюць праявы навакольнага свету, прапушчаныя праз прызму пісьменніцкага ўспрымання. У выніку выяўлення аўтарскага суб’ектывізму інфармацыйная функцыя такога твора адыходзіць на другі план, саступаючы месца філасофска-эстэтычнай. Аўтахарактарыстыка творцы, яго самаацэнка, светабачанне выяўляюцца тут, як правіла, у маналогіх, лірычных адступленнях, снах і думках. Пры гэтым на эстэтычныя рэфлексіі аўтара можа накладацца жыццёвы вопыт чытача – веды пра апісаныя з’явы і падзеі, а таксама пра асобу пісьменніка. Аднак, як слушна сцвярджае А. Местэргазі, веды пра біяграфічнага аўтара ў літаратуры факта не з’яўляюцца абавязковымі, у той час як «без “вобраза аўтара” перастане існаваць твор, паколькі “вобраз аўтара” можна параўнаць з воссю, вакол якой круціцца і без якой непазбежна распадаецца створаны пісьменнікам мастацкі свет» [4, с. 117]. У сувязі з гэтым варта ўгадаць неадназначную ролю творцы ў тэкстах нон-фікшн, які можа, паводле Л. Нюбінай, выступаць «<...> у трох функцыях адначасова – аўтара як гістарычнай асобы, суб’екта, які распаўядае пра ўласнае жыццё, і героя ці аб’екта расповеду» [5, с. 110]. Множнасць іпастасей творчага “я” як адна з прыкмет “мастацкасці” арганічна дапаўняецца рэтраспектыўнасцю ў змесце – поўнай (да прыкладу, у споведзях) ці частковай (у мемуарах). Адлегласць паміж часам, у якім адбыліся важныя для аўтара падзеі, і часам, калі яны былі занатаваныя, нярэдка прыводзіць да пэўных недакладнасцей у адлюстраванні фактаў, што абумоўлена спецыфікай чалавечай памяці.

Калі ў аўтабіяграфічнай прозе вобраз аўтара ставіцца ў цэнтр адлюстраваных падзей, то ў дакументальна-мастацкіх творах ён адыходзіць на другі план ці саступае пазіцыю цэнтральнага героя іншым персонажам і з’явам. Аднак змена аб’екта нарацыі не надае твору значнага праўдападабенства. Большасць аўтэнтычных жыццёвых рэалій падпадае пад аўтарскую інтэрпрэтацыю, за кошт чаго зніжаецца інтэнцыя да шчырасці, адкрытасці, уласцівая дзённікам, мемуарам і споведзям. Акрамя гэтага, так званыя мнеманічныя лакуны ў дакументальна-мастацкай літаратуры не ўяўляюць асаблівай праблемы для ўспрымання тэксту чытачом, паколькі могуць быць паспяхова кампенсаваныя творчай фантазіяй аўтара. А. Цесля адзначае паступовае замяшчэнне ў сучаснай літаратуры цыклічных жанраў фрагментарнымі, паколькі «<...> неабавязковасць

апошніх пазбаўляе іх ад пастак памяці: апошнія больш не перашкода, а сама форма існавання памяці» [6]. Такім чынам, скажоныя рэальныя падзеі выступаюць у ролі аб'ектыўнай інфармацыі, якая і прапануецца чытачу. Адпаведна зніжаецца і значнасць хранатопу ў дакументальна-мастацкім тэксце, які перастае выконваць структураўтваральную функцыю, становячыся другасным элементам у адносінах да пісьменніцкага вымыслу. Відавочны сінтэз дакументалізму, у якім эмпірыка, «<...> вопыт трымае на прывязі вымысел і нібы вядзе барацьбу са структурным пачаткам» [7, с. 27], і мастацкай фантазіі, якая дазваляе ведам «<...> даваць матэрыял для вольнай работы задумы і вымыслу» [7, с. 27], стварае перашкоды для даследчыкаў пры вызначэнні ступені верагоднасці ўзгаданых пісьменнікамі фактаў у дакументальна-мастацкіх творах. Такі аспект дазваляе многім літаратуразнаўцам (А. Цеслі, Т. Дронавай, Ж. З'янтку) гаварыць пра дакумент ужо як пра сюжэтаўтваральную аснову твора, а не як пра сродак праўдзівасці і рэалістычнасці, пры гэтым не адмаўляючы існавання апазіцыі «дакумент – літаратура», але разам з тым прагназуючы хуткае знікненне дакументальнай прозы. Такі тэзіс сфармуляваў яшчэ Ж. Ф. Жакар, адзначыўшы, што «адзіная рэальная рэч у творы мастацтва – гэта сам твор мастацтва» [8]. Іншымі словамі, наяўнасць разнастайных дакументаў у структуры дакументальна-мастацкіх тэкстаў не пазбаўляе апошніх эстэтычнай вартасці, але дакладнае размежаванне дакументальнага і мастацкага пачаткаў пры аналізе пэўнага твора з'яўляецца немэтазгодным і можа паспрыяць неапраўдана аднабаковаму падыходу да праблемы.

Не менш спрэчным, чым вызначэнне ступені праўдзівасці дакумента ў структуры мастацкага твора, з'яўляецца пытанне ўзаемадачыннення літаратуры нон-фікшн і эстэтычнага пачатку як галоўнага атрыбута мастацкіх твораў. Вядома, што ў апошніх эстэтычнае перажыванне выступае як рэфлексійнае пачуццё чытача, якое ўзнікае, па сутнасці, з дапамогай гульні, паколькі рэальнасць у такіх тэкстах нярэдка не адлюстроўваецца, а мадэлюецца аўтарам. Ю. Бораў, вызначаючы характэрныя рысы мастацкага твора, называе ў іх ліку наступныя: «<...> 4) прадмет, пра які ідзе размова ў тэксце, па-за тэкстам не існуе, 5) поле адносін, на аснове якога ўзнікае камунікацыя рэцыпіента з мастацкім тэкстам, не існуе да ўспрымання гэтага тэксту. Адносіны рэцыпіента да тэксту – тлумачэнне (інтэрпрэтацыя)» [9, с. 123]. Адпаведна на падставе таго, што «мастацкі тэкст – першая ступень бытавання мастацтва, <...> носьбіт канцэптуальна напружанай і каштоўнасна арыентаванай інфармацыі» [9, с. 123], адмаўляецца эстэтычная вартасць “непрыдуманай” літаратуры. Такое меркаванне выказвае і А. Цесля, які сцвярджае другаснасць дакументальнай прозы ў адносінах да мастацкай. Аўтар першай свядома стварае тэкст, што прэтэндуе на немастацкасць, таму інтэнцыя на напісанне нон-фікшн – «<...> першапачатковы жэст разрыву, тэкст сцвярджае, што ён не літаратура» [6].

Відавочна, што і Ю. Бораў, і А. Цесля прытрымліваюцца вузкага разумення нявыдуманай прозы, атаясамліваючы яе з сухой канстатацыяй фактаў і дакументаў. Насуперак такому меркаванню А. Местэргазі вызначае нон-фікшн як дакументальны ўплыў у мастацкай літаратуры, паколькі «твор non-fiction, пабудаваны выключна на ўгледанні ў “аголеныя” факты, часта апынаецца пазбаўленым вялікай мастацкай і жыццёвай праўды» [1, с. 28]. Даследчыца падкрэслівае недастатковасць прэзентавання чытачу дакумента, не арганізаванага ўнікальным аўтарскім бачаннем. У такім выпадку апрацоўка фактаў пісьменнікам з'яўляецца прыкметай не мадыфікацыі рэчаіснасці, а апрацоўкі твора нон-фікшн у эстэтычным плане. Л. Гінзбург небеспадстаўна сцвярджае, што любы занатаваны факт а priori з'яўляецца эстэтычна апрацаваным, бо «ніякая падзея знешняга свету не можа быць вядомай <...> ва ўсёй паўнаце думак, перажыванняў, імкненняў яе ўдзельнікаў – ён (аўтар. – Г. Н.) можа пра іх толькі здагадвацца» [7, с. 8]. Дзякуючы гэтай недасведчанасці аўтара лакуны ў канве тэксту пасляхова запаўняюцца за кошт уяўлення.

Яшчэ адна група крытыкаў спыняе сваю ўвагу на аўтабіяграфічных творах нон-фікшн. Такая літаратура выступае, на іх думку, другаснай, паколькі разумеецца толькі як сродак дадатковага самараскрыцця пісьменніка, не здольнага напоўніцу самарэалізавацца ва ўласных мастацкіх творах. На падставе гэтага Л. Луцэвіч прапануе тэксты з дамінантай эга-дакумента аб'яднаць пад назвай “перадлітаратура” [10], а А. Геніс сцвярджае эстэтычную значнасць ужо не твора ці яго героя, але аўтара, унікальнасці «<...> творчай асобы, нераскладальнай сумы супярэчнасцей, сабранай у мастацкай свядомасці, непаўторнасці рэакцый на свет, эксцэнтрычнай выключнасці

духоўнага вопыту» [11]. Падобная змена арыенціраў можа быць растлумачана крызісам мастацтва слова, яго неканкурэнтаздольнасцю ў параўнанні з тэлебачаннем і кіно. Менавіта таму літаратура на сучасным этапе сімуляе навізну, замяняючы сюжэт дзеяннем і праз гэта – фантазію фактам.

Вострапалемічнай да гэтага часу застаецца праблема жанравай дыферэнцыяцыі ў межах нон-фікшн. Пад літаратурай факта Н. Чужак прапануе разумець «нарыс і навукова-мастацкую манаграфію; газету і фактамантаж; газетны і часопісны фельетон <...>; біяграфію <...>; мемуары; аўтабіяграфію і чалавечы дакумент; эсэ; дзённік; справаздачу з пасяджэння суда <...>; апісанне вандровак і гістарычных экскурсы; запісы сходу і мітыngu <...>; карэспандэнцыю з месца; памфлет, пародыю, сатыру; і г. д., і г. д.» [12]. А. Геніс значна пашырае кола жанраў, уключаючы ў яго «<...> не толькі навукова-папулярныя сачыненні, філасофскія трактаты, дарожныя нататкі, палітычныя праграмы і кулінарныя рэцэпты, але і лірычныя вершы, а таксама прыгожае, але небелетрыстычнае пісьменства, да якога належаць эсэ, дзённікі, лісты, гуманітарная проза, у тым ліку ўсемагчымыя “раманы-эсэ”, “раманы без хлусні”» [11]. А. Цесля, наадварот, імкнучыся да канкрэтыкі, робіць акцэнт на дамінанце аўтабіяграфічнага факта ў нон-фікшн і таму да дакументальнай прозы адносіць «<...> 1) дзённік, 2) ліст і ў некаторай ступені, 3) мемуары, успаміны і аўтабіяграфіі» [6]. Разам з тым на падставе шырокамаштабнасці з’явы нон-фікшн было б мэтазгодна разглядаць і структураваць яе не толькі ў аспекце наяўнасці / адсутнасці ў тэксце дакумента, але і паводле ступені яго эстэтычнай апрацоўкі.

Сучасная культурная сітуацыя дазваляе разглядаць феномен нон-фікшн на двух узроўнях. У якасці першага выступае ўласна «непрыдуманая» літаратура: слоўнікі, даведнікі, навукова-папулярныя публікацыі, артыкулы, альманахі, дыяграмы, планы, праекты, фотаздымкі, журналістыка, статуты, тэзаўрусы, травелогі, кулінарныя кнігі і інш. Другі ўзровень нон-фікшн набывае, узаемадзейнічаючы з мастацкай літаратурай у той ці іншай ступені. Мяжа між узроўнямі, паводле А. Геніса, праводзіцца дзякуючы функцыі персанажа: «<...> менавіта яго адсутнасць пазбаўляе літаратуру вымыслу, які і робіць яе “мастацкай”» [11].

В. Гумбалт разглядаў любы твор мастацтва як жывую, самастойную адзінку, што «мае ўнутраную сілу і жыццёвы прынцып, дзякуючы якому ўздзейнічае пэўным чынам» [13, с. 224]. Акрэсленая даследчыкам аўтаномнасць не можа не ўплываць на сэнсаўтваральны працэс. Гэта значыць, патэнцыяльная шматузроўненасць мастацкага тэксту рэалізуецца праз дыялог аўтара і чытача, прычым розная ступень жыццёвай дасведчанасці апошняга, а таксама колькасць прачытанняў ім тэксту спрыяюць пастаяннаму наслаенню сэнсаў адзін на аднаго. У сваю чаргу, літаратура нон-фікшн рэалізуе эстэтычную глыбіню дзякуючы наступным адметнасцям:

– *“патраенне” аўтарскай прысутнасці ў тэксце*. Праз вобраз аўтара пісьменнік рэалізуе сябе як стваральнік канкрэтнага тэксту і адначасова герой аповеду (у дакументальна-мастацкай прозе); а ў прозе аўтабіяграфічнай (дзённіках, мемуарах, споведзях) – яшчэ і як адрасат. У параўнанні з такой структурай вобраз чытача мае спрошчаны выгляд. Чытач, з аднаго боку, уяўляе сабой адрасата тэксту і выступае ў якасці імпульсу для ўзнікнення і рэалізацыі задумы пісьменніка, з другога – з’яўляецца ўдзельнікам сэнсаўтваральнага працэсу, прапускаючы мастацкую рэальнасць праз уласную свядомасць;

– *гіпатэтычная няскончанасць*. Дзейным стымулам для чытацкага ўяўлення з’яўляюцца не толькі шматлікія алузіі і рэмінісцэнцыі аўтара, але і фігуры замоўчвання, наўмысныя ці выпадковыя лакуны ў структуры твора ці яго відавочная няскончанасць. Такія асаблівасці ўласцівы перадусім аўтабіяграфічнай літаратуры, паколькі яе фрагментарнасць, схільнасць да раптоўнага перарывання (як у форме дзённіка), мнеманічныя “пусткі” і недакладнасці (мемуары, споведзі) абумоўлены самой жанравай прыродай;

– *суаднесенасць твора з постмадэрнісцкай традыцыяй*. Такім тэкстам, што ўвасабляюць, па словах Л. Перон-Муазес, «бясконцае поле для гульні пісьма» [14, с. 103], уласціва празмерная насычанасць інфармацыяй, што спрыяе ажыццяўленню бясконцай гульні аўтара з чытачом, звязанай з пошукам неадназначных інтэрпрэтацый. Прынцып гульні падтрымліваецца каламбурам, пастышызацыяй, узмацненнем карнавальнага пачатку, іроніяй і сарказмам і іншымі сродкамі выяўленчай выразнасці;

– *адначасовае выкарыстанне аўтарам некалькіх відаў факалізацыі пры напісанні аднаго тэксту*. Ж. Жэнет вылучае такія віды арганізацыі выражанага ў аповедзе пункта гледжання, як нулявая, дзе наратар – усеахопная катэгорыя, унутраная (апавядальнік паведамляе выключна тое, што гіпатэтычна ведае персанаж) і знешняя (персанаж ведае больш, чым паведамляе пра гэта наратар). Фокус нарацыі ў любым літаратурным тэксце з’яўляецца непастаяннай велічынёй, паколькі на яго могуць уплываць змены тэмы твора аўтарам, сэнсу якой-небудзь падзеі, ролі і значэння пратаганіста і г. д. Нестатычнасць факалізацыі ўласціва перадусім дакументальна-мастацкім творам, у якіх фантазія пісьменніка не звязана з неабходнасцю прытрымлівацца фактаграфіі. Дзённікі, мемуары і споведзі падкрэсліваюць аўтарэпрэзентатыўны характар творчасці. Акрамя гэтага, як слухна сцвярджае Л. Гінзбург, «аўтар твораў мемуарнага і аўтабіяграфічнага жанру заўсёды з’яўляецца свайго роду станоўчым героем» [8, с. 180], што абумоўлівае значны давер чытача да яго пункта гледжання ў творы і адсюль – немагчымасць кардынальнай змены фокуса нарацыі;

– *падкрэсленая транстэкстуальнасць у параўнанні з творамі мастацкай літаратуры, якія не належаць да постмадэрнісцкага дыскурсу*.

Асновай літаратурнасці, паводле Ж. Жэнета, з’яўляецца «сукупнасць некаторых абагульненых, трансцэндэнтальных класаў (тыпаў дыскурсу, спосабаў выказвання, літаратурных жанраў), да якіх можа быць аднесены кожны канкрэтны тэкст» [15, с. 58]. Гэтая з’ява, якая атрымала назву транстэкстуальнасці, уключае ў сябе пяць тыпаў суадносін, што рэалізуюцца і ў творах нон-фікшн. Архітэкстуальнасць як жанравая сувязь тэкстаў уласціва перадусім творам псеўданон-фікшн, паколькі ўзнікае пры тоеснасці формы ці зместу між рознымі тэкстамі ці дыскурсамі. Метатэкстуальнасць – адносіны каментавання аднаго тэксту іншым, выражаныя ў разнастайных заўвагах, пасляслоўях, аўтарскіх рэмарках і інш., – з’яўляецца характэрнай прыкметай твораў нон-фікшн, прысвечаных апісання мастацкай літаратуры, якія, па сутнасці, выконваюць функцыю разгорнутых каментарыяў. Адносіны супрысутнасці паміж двума або некалькімі тэкстамі, ці інтэртэкстуальнасць, звычайна выражаюцца праз традыцыйную практыку цытавання, плагіят, алузіі і больш уласцівы тэкстам нон-фікшн на аснове мастацкай літаратуры і псеўданон-фікшн, у якіх адлюстраваны моцныя сувязі з мастацкімі тэкстамі, у тым ліку псеўдагістарычнымі крыніцамі. Паратэкстуальнасць (адносіны тэксту са сваім калятэкставым акружэннем – загаловам, эпіграфам, прысвячэннем, прадмовай, ілюстрацыямі і інш.) і гіпэртэкстуальнасць (“прышчэпкавыя” адносіны між тэкстамі, калі, зліваючыся, яны не губляюць сваёй змястоўнасці і адметнасці) уласцівы большасці твораў нон-фікшн незалежна ад іх зместавай напоўненасці, але прэваліруюць менавіта ў аўтабіяграфічнай прозе. Чужыя тэксты, згадкі пра пэўныя гістарычныя, сацыяльныя, культурныя, палітычныя падзеі, ацэнка дзейнасці творцаў-сучаснікаў, пэўных лёсавызначальных з’яў спрыяюць стварэнню вобразнасці ў дзённіках, мемуарах і споведзях аўтара-апавядальніка, а таксама яго эпохі. Тэкст пры гэтым, як сцвярджае Р. Барт, «утвараецца з ананімных, няўлоўных і разам з тым ужо чытаных цытат – з цытат без двукосся» [16, с. 418];

– *балансіроўка на мяжы рэальнасці і вымыслу*. Адною з галоўных адметнасцей дакументальнай прозы з’яўляецца высвятленне суаднесенасці паняццяў “факт” і “дакумент”, а таксама ступень прымеркаванасці абодвух да рэальнасці. Як сцвярджае І. Шайтанаў, «факт – гэта не толькі дата, падзея, але і ўражанне» [17, с. 7]. Падобным чынам можна ахарактарызаваць і дакумент, паколькі ён з’яўляецца вынікам чалавечай дзейнасці, на пэўным этапе свайго стварэння быў прапушчаны праз прызму чыёйсьці свядомасці і малаверагодна, што адлюстроўвае пэўную з’яву/падзею з усіх бакоў, аб’ектыўна і дакладна. На падставе гэтага Т. Дронава падсумоўвае: «Аднымі з цікавых тэндэнцый у мастацка-гістарычнай свядомасці ХХ стагоддзя з’яўляюцца адмова ад «прэзумпцыі праўдзівасці» дакумента і разуменне абмежаванасці «праўды» крыніцы праз яе суб’ектыўны характар і тэкставую (наратыўную) структуру» [18, с. 77]. Яшчэ ў 1920-я гг. пазіцыя Ю. Тынянава адносна праўдзівасці дакументальных крыніц вызначалася глыбокім недаверам: «Там, дзе канчаецца дакумент, там я пачынаю» [19, с. 199]. Разам з тым відавочна, што дадумванне фактаў непазбежнае, паколькі не ўсе з’явы навакольнай рэчаіснасці могуць быць задакументаваны. Аднак гэтае дамысліванне не павінна моцна скажаць факт, інакш мэтазгоднасць ужывання апошняга будзе неапраўданай.

Такім чынам, феномен нон-фікшн (ці дакументальная літаратура, дакументалістыка) – гэта з’ява, якая існуе ў дзвюх іпастасях адначасова: як самастойная “літаратура факта” і ў выглядзе дакументальнага пачатку мастацкага твора. У апошнім выпадку маюцца на ўвазе як аўтабіяграфічныя (дзённікі, мемуары, споведзі), так і дакументальна-мастацкія (мастацкія хронікі, эсэ, белетрызаваныя біяграфіі) тэксты. У якасці адметнасцей, агульных для большасці тэкстаў нон-фікшн, выступаюць “патраенне” аўтарскай прысутнасці ў тэксце, гіпатэтычная няскончанасць, суаднесенасць твора з постмадэрнісцкай традыцыяй, змешванне розных відаў факалізацыі ў межах аднаго тэксту, падкрэсленая транстэкстуальнасць, балансіроўка на мяжы рэальнасці і вымыслу.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Местергази, Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / Е. Г. Местергази. – М., 2008. – 51 с.
2. Долгопят, Е. Для чего литературе воображение. Конференц-зал / Е. Долгопят [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/vool2.html>. – Дата доступа: 21.12.2014.
3. Файбисович, С. Для чего литературе воображение. Конференц-зал / С. Файбисович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/vool2.html>. – Дата доступа: 27.12.2014.
4. Местергази, Е. Г. Литература нон-фикшн/non-fiction / Е. Г. Местергази. – М.: Совпадение: Университетская книга, 2007. – 325 с.
5. Ньюбина, Л. М. Человек вспоминающий / Л. М. Ньюбина // Человек. – 2010. – №2. – С. 107–114.
6. Тесля, А. Документальная проза: проблема и история жанров / А. Тесля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rummuseum.ru/portal/node/2620>. – Дата доступа: 25.01.2015.
7. Гинзбург, Л. Д. О психологической прозе / Л. Д. Гинзбург. – М.: Intrada, 1999. – 413 с.
8. Жаккар, Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину : Избранные работы о русской словесности / Ж.-Ф. Жаккар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coollib.net/b/221862/read#t4>. – Дата доступа: 23.02.2015.
9. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. – М.: Высш. шк., 2002. – 511 с.
10. Луцевич, Л. Документальность и эго-документ / Л. Луцевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imli.ru/structure/theory/krugl_stol.php. – Дата доступа: 17.03.2015.
11. Генис, А. Фотография души. В окрестностях филологического романа / А. Генис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/9/genis.html>. – Дата доступа: 08.04.2015.
12. Чужак, Н. Литература жизнестроения (Исторический пробог) / Н. Чужак // Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/sbornik-literatura-fakta/sbornik-literatura-fakta.html>. – Дата доступа: 07.02.2015.
13. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
14. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.
15. Женетт, Ж. Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт. – М.: Наука, 1989. – 130 с.
16. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
17. Шайтанов, И. Попытка прогноза / И. Шайтанов // Вопр. литературы. – 2000. – № 1. – С. 7–14.
18. Дронова, Т. «Проблематизация» достоверности документа в художественно-историческом сознании XX века / Т. Дронова // Изв. СГУ. Социология. Политология. – 2009. – Т. 9, вып. 1. – С. 76–81.
19. Гурштейн, А. А. Роман Тынянова о Пушкине [Статья опубликована в журнале «Октябрь» № 8, 1937] / А. А. Гурштейн // Гурштейн А. А. Избранные статьи. – М.: Сов. писатель, 1959. – С. 198–201.

References

1. Mestergazi, E. G. (2008), "Art Literature and Reality (The Documentary Base in the 20th-century Native Literature) ", Abstract of D. Sc. Dissertation, The theory of literature, Textual, Literary Institute. AM Gorky, Moscow, RU.
2. Dolgopyat, E. "What Does Literature Need Imagination For? Conference Hall", Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/vool2.html/>, (Accessed 21 April 2015).
3. Faibisovich, S. "What Does Literature Need Imagination For? Conference Hall", Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/vool2.html/>, (Accessed 21 April 2015).
4. Mestergazi, E. G. (2007), *Literatura non-fikshn / non-fiction* [Non-fiction], Coincidence: University book, Moscow, RU.
5. Nyubina, L. M. (2010), "Homo Reminiscens", *Chelovek* [Man], no.2, pp. 107–114.
6. Teslya, A. "Documentary Prose: The Problem and History of Genres", Available at: <http://rummuseum.ru/portal/node/2620/>, (Accessed 25 January 2015).
7. Ginzburg, L. D. (1999), *O psikhologicheskoi proze* [About Psychological Prose], Intrada, Moscow, RU.
8. Zhakkar, Zh.-F. "Literature as Such. From Nabokov to Pushkin: Selected Works of Russian Literature", Available at: <http://coollib.net/b/221862/read#t4/>, (Accessed 22 February 2015).
9. Borev, Yu. (2002), *Estetika* [Aesthetics], High school, Moscow, RU.

10. Lutsevich, L. "Documentary and Ego-document", Available at: http://www.imli.ru/structure/theory/krugl_stol.php/, (Accessed 17 March 2015).
11. Genis, A. (2000), "Photo of the Soul. It the Vicinity of Philological Novel", Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/9/genis.html/>, (Accessed 12 March 2015).
12. Chuzhak, N. "Literature of Life Building (A Historical Run)", Available at: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/sbornik-literatura-fakta/sbornik-literatura-fakta.html/>, (Accessed 03 April 2015).
13. Gumbol'dt, V. (1985), *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture], Progress, Moscow, RU.
14. Il'in, I. P. (1996), *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism], Intrada, Moscow, RU.
15. Zhenett, Zh. (1989), *Palimpsesty: literatura vo vtoroi stepeni* [Palimpsests: Literature to the Power of Two], The Science, Moscow, RU.
16. Bart, R. (1994), *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics], Progress, Moscow, RU.
17. Shaitanov, I. (2000), "Trying to Forecast", *Voprosy literatury* [Literary Issues], no. 1, pp. 7–14.
18. Dronova, T. (2009), "The 'Problematization' of Document Authenticity in the 20th-century Artistic and Historical Perception", *Izvestiya SGU. Sociologiya. Politologiya* [Proceedings of the SGU. Sociology. Political Science], no. 9, pp. 76–81.
19. Gurshtein, A. A. (1959), "Tynianov's Novel about Pushkin", in Gurshtein, A. A. *Izbrannye stat'i* [Featured article], Soviet writer, Moscow, RU, pp. 198–201.

Информация об авторе

Новик Анна Юрьевна – аспирант. ГНУ "Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси" (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : thenameofpear@gmail.com.

Information about the author

Novik Anna Yuryevna, postgraduate student, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: thenameofpear@gmail.com.

Для цитирования

Новік, Г. Ю. Феномен літаратуры нон-фікшн: аспекты тэорыі і верыфікацыі / Г. Ю. Новік // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 99–105.

For citation

Novik A. Y. Non-fiction Phenomenon: Theoretical and Verificational Aspects. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 99–105.

ПРАВА

LAW

УДК 321.1

Поступила в редакцию 02.08.2016

Received 02.08.2016

Д. Г. Василевич

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Исследованы вопросы, имеющие отношение к формированию нового поколения прав – соматическим (личностным) правам и свободам. Соматические (личностные) права сегодня воспринимаются иначе, чем 20–30 лет назад. Появляются новые оценки этих прав. Все, что является позитивным, должно получить соответствующую правовую поддержку в нашем законодательстве и практике. К соматическим правам можно отнести право на трансплантацию органов, право на искусственное репродуктивное (экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство), стерилизацию, аборт, на изменение пола, сексуальные права и некоторые иные. В данном случае по существу речь идет о правах на манипуляции с телесной субстанцией. Основу личностных (соматических) прав составляют право на жизнь и достоинство человека, право на свободу и личную неприкосновенность. Обращается внимание на конституционные истоки соматических прав. Проанализировано действующее законодательство Республики Беларусь, обеспечивающее реализацию соматических прав. Подчеркивается, что устои нашего общества более прочные, чем в некоторых западных странах, где стала распространенной практика заключения однополых браков, пропаганда гомосексуализма, усыновление (удочерение) детей однополыми семейными парами. Высказаны предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: права и свободы, соматические права, репродуктивные права, трансплантация органов.

D. G. Vasilevich

The Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

SOMATIC HUMAN AND CIVIL RIGHTS

The article explores issues related to the formation of a new generation of rights, i.e. somatic (personal) rights and freedoms. Today somatic (personal) rights are viewed quite differently than 20 to 30 years ago. New evaluations of these rights have been emerging. All that is positive should receive appropriate legal support in our law and practice. Somatic rights can include the rights to organ transplantation, artificial reproduction (in vitro fertilization, surrogacy), sterilization, abortion, sex change, sexual rights and some others. In this case, we are actually talking about rights to manipulate bodily substance. The right to life and human dignity and the right to liberty and security of person are the core of personal (somatic) rights. Attention is drawn to constitutional sources of somatic rights. Current Belarusian laws providing for the exercise of somatic rights is analyzed. It is emphasized that the foundations of our society are stronger as compared to some Western countries where same-sex marriages, homosexuality promotion and child adoption by same-sex couples are commonly practiced. The article makes proposals to improve legislation and law-applying practice.

Keywords: rights and freedoms, somatic rights, reproductive rights, organ transplantation.

Процессы антропологизации права, которые происходят в мире в последние десятилетия, приводят к расширению восприятия свободы личности, объема ее прав. В последнее время благодаря достижениям биомедицины это дает возможность манипуляций с телесной субстанцией человека. Ученые демонстрируют возможности генной инженерии, трансплантологии, репродуктивных технологий, по-новому за рубежом оцениваются сексуальные права и т. д. С одной стороны, все это содействует улучшению качества и продолжительности жизни, а с другой – ставит на повестку дня ряд не только чисто медицинских, но и правовых проблем, требующих своего разрешения. Можно отметить еще некоторую неразработанность правовой регламентации в данной сфере отношений.

Соматические права имеют сугубо личностный характер. Российский ученый В. И. Крусс определил их в качестве таковых, исходя из этимологии слова: soma в греческом языке – тело [1, с. 43].

В научной литературе отмечается, что «появление каждого нового поколения прав человека обусловлено определенными коренными изменениями в обществе, сменой мировоззренческих установок» [2, с. 69]. Однако, на наш взгляд, если иные поколения прав появлялись наряду с другими ранее появившимися поколениями, то соматические права «отпочковались» от личных прав в результате научно-технического прогресса, в том числе благодаря достижениям медицины, общественной психологии, изменениям морально-этических норм. В данном смысле наш вывод созвучен точке зрения О.Э. Старовойтовой, согласно которой соматические права – часть естественных прав, при этом в системе соматических прав, по ее мнению, право на жизнь и право на смерть являются центральными [3, с. 12].

Соматические (личностные) права сегодня воспринимаются совсем иначе, чем 20–30 лет назад, не говоря уже о более раннем периоде развития общества. Появляются новые оценки этих прав, меняется мораль, нравственность. Все, что является позитивным (самое трудное – сделать правильный выбор), должно получить соответствующую правовую поддержку.

К соматическим правам можно отнести право на трансплантацию органов, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, на изменение пола, сексуальные права и некоторые иные. Как отмечает другой российский ученый А. И. Ковлер, в данном случае по существу речь идет о правах на манипуляции с телесной субстанцией [4, с. 425]. Основу личностных (соматических) прав, по мнению указанного автора, составляют право на жизнь и достоинство человека, право на свободу и личную неприкосновенность, свобода совести, которые являются базовыми для личностных прав [4, с. 427].

Обратим внимание на конституционные истоки соматических прав. Так, в статье 24 Конституции Республики Беларусь закреплено право на жизнь, смысл которого, на наш взгляд, раскрывается не только в указанной статье, но и в иных статьях Конституции. Согласно ст. 25 Основного Закона Республики Беларусь государство обязано обеспечивать свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам. В статье 28 Конституции закреплено право каждого на защиту от незаконного вмешательства в его личную (т.е. частную) жизнь, на его честь и достоинство. За нарушение этого права, как известно, предусмотрена юридическая ответственность, в том числе административная и уголовная. Как отмечается в научной литературе, категория «частная жизнь» охватывает непосредственно личную жизнь человека; его жизнь в семье; состояние здоровья; общение человека с другими людьми, в том числе через современные технические средства такого общения [5, с. 670]. В Конституции и текущем законодательстве Республики Беларусь закрепляется право на тайну личной (частной) и семейной жизни.

Право иметь детей относится к числу основных неотъемлемых (естественных) прав человека и получило закрепление в национальных конституциях и ряде международных актов. Более спорным является право на выбор пола ребенка. По данному вопросу нет однозначного подхода.

В Республике Беларусь вопрос о праве на выбор пола будущего ребенка в определенной мере решается в Законе «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [6]. Согласно ст. 15 этого Закона при применении вспомогательных репродуктивных технологий выбор пола будущего ребенка не допускается, за исключением случаев возможности наследования заболеваний, связанных с полом. Перечень таких заболеваний определяется Министерством здравоохранения Республики Беларусь. Однако речь идет только о вспомогательных репродуктивных технологиях. На наш взгляд, при решении вопроса о производстве аборта также необходимо выяснять мотивы прерывания беременности: не является ли такое желание, обусловленное полом будущего ребенка. В связи с этим полезно было бы установить в законодательстве запрет на сообщение пола ребенка при проведении в обычной ситуации исследований беременной женщины, в частности ультразвукового исследования. Исходя из того, что намерение сделать аборт может быть обусловлено желанием родителей иметь ребенка другого пола, на наш взгляд, при проведении врачом (психологом) беседы перед процедурой прерывания беременности следовало бы подчеркивать ценность ребенка независимо от его половой принадлежности. Отметим, что в ряде

стран существует уголовная ответственность врачей за сообщение будущим родителям пола ребенка. Исключения установлены лишь для тех случаев, когда возможно наследование болезни.

Обратим внимание, что согласно ст. 27 Закона «О здравоохранении» [7] женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве. На наш взгляд, сохраняя за ней такое право, все же было бы правильно, чтобы выяснялось мнение мужа замужней женщины. Законом предусмотрено, что в организациях здравоохранения должны быть созданы условия и обеспечено проведение предабортного психологического консультирования женщин, обратившихся за проведением искусственного прерывания беременности. Есть много случаев, когда решение о проведении операции беременности принимается поспешно, «на эмоциях», а затем супруги об этом сожалеют. Здесь ведь не только проблема одной семьи. К сожалению, численность населения постоянно сокращается, рождаемость невысокая.

Полагаем, что законодательство Республики Беларусь нуждается в совершенствовании. Особое внимание следует уделить работе врачей, включая психологов, по изменению желания женщины сделать аборт. К беседе с врачом желательно привлекать супруга женщины, чтобы они вместе основательно осмыслили серьезность данного шага. Естественно, что новая жизнь может состояться только с участием мужчины. Мужчина – не только «партнер», но и лицо, у которого также должны быть связанные с этим определенные права. Женщина, решая единолично вопрос о возможном аборте, определяет в некоторой мере и судьбу мужчины – станет он отцом или нет. Полагаем, что данные аргументы следует принимать во внимание.

Полезно было бы оценивать работу соответствующих медицинских специалистов, в том числе по такому критерию, как количество женщин, отказавшихся от проведения аборта после беседы с ними.

В Беларуси отмечается положительная тенденция, касающаяся производства аборт. По данным Министерства здравоохранения Беларуси, еще 30 лет назад в республике ежегодно проводилось около 300 тыс. абортов, теперь – более чем в 10 раз меньше. При этом на 1000 женщин фертильного возраста в 2015 году приходилось 10,8 аборта, в 2013 – 11,3. А еще в 2000 году этот показатель достигал 46. В странах Европы данный показатель 12–13, а в США достигает 20. В Беларуси статистика включает в число абортов также самопроизвольные, т. е. выкидыши, которые составляют около 20% абортов. В Беларуси ежегодно около 400 девушек до 17 лет делают аборты. Доля абортов в таком возрасте в общем их количестве составляет около 2%. Для сравнения: в Бельгии – 25%, в Финляндии – 22% [8].

К видам вспомогательных репродуктивных технологий относятся: экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство.

Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) – это вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона и дальнейшем переносе данного эмбриона в матку. Необходимым условием применения ЭКО является письменное заявление пациентки (если пациентка состоит в браке, то также письменное согласие ее супруга). Стоимость ЭКО в нашей стране составляет не менее 2 тыс. долларов. По данным Министерства здравоохранения, в ЭКО нуждается около 1,5 тыс. белорусок [9].

Что касается условий и порядка применения суррогатного материнства, то оно применяется на основе договора суррогатного материнства.

Услугой суррогатной матери, т. е. женщины, которая по договору суррогатного материнства вынашивает и рождает ребенка, не являющегося носителем ее генотипа, может воспользоваться только женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка по медицинским показаниям физиологически невозможны либо связаны с риском для ее жизни и (или) жизни ее ребенка.

Перечень медицинских показаний и медицинских противопоказаний к суррогатному материнству, порядок проведения медицинского осмотра суррогатной матери, генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, а также супругов генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, определяются Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

В ст. 21 Закона «О вспомогательных (репродуктивных) технологиях» предусмотрено заключение договора суррогатного материнства.

Установлены также критерии, предъявляемые к суррогатной матери. Так, суррогатной матерью может быть женщина, состоящая в браке, в возрасте от 20 до 35 лет, не имеющая медицинских противопоказаний к суррогатному материнству, имеющая ребенка, и которая на момент заключения договора суррогатного материнства:

- не признавалась судом недееспособной или ограниченно дееспособной;
- не лишалась судом родительских прав и не была ограничена в них;
- не отстранялась от обязанностей опекуна, попечителя за ненадлежащее выполнение возложенных на нее обязанностей;
- не является бывшим усыновителем (удочерителем), если усыновление (удочерение) отменено судом по ее вине;
- не осуждалась за совершение тяжкого, особо тяжкого преступления против человека;
- не является подозреваемой или обвиняемой по уголовному делу.

Суррогатная мать не может одновременно быть донором яйцеклетки (яйцеклеток) в отношении женщины, заключившей с ней договор суррогатного материнства.

Полагаем, что установленные законом ограничения в целом соответствуют закрепленным в ст. 23 Конституции подходам, предусматривающим цели и пределы возможных ограничений прав и свобод граждан. Вместе с тем, что касается предельного возраста суррогатной матери, то его можно было бы повышать на основании решения соответствующей медицинской комиссии.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 г. № 1580 [10] определен перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности. Такими показаниями являются наличие решения суда о лишении родительских прав, а также беременность, наступившая в результате изнасилования. При наличии социальных показаний аборт может быть сделан, если беременность составляет не более 22 недель (по общему правилу – не более 12 недель).

Особенности правового регулирования в данной сфере в значительной степени обусловлены религиозными и историческими традициями общества.

В отечественных и зарубежных печатных средствах массовой информации, а также сети Интернет появляются публикации, связанные с реализацией гражданами своих соматических прав. Позитивно, что устои нашего общества более прочные, чем это, как мы сейчас наблюдаем, происходит на Западе, где распространенными стали практика заключения однополых браков, пропаганда гомосексуализма, усыновление (удочерение) детей однополыми семейными парами. При этом «стандартом» становится называть родителей – родитель № 1, родитель № 2.

По нашему мнению, пропаганда такого рода отношений должна быть исключена, так как в противном случае от ее влияния сложно уберечь детей. Но в то же время следует исключить негативные, на наш взгляд, примеры, когда граждане недопустимым образом реагируют на предусмотренную либо не запрещенную законом реализованную возможность в сфере соматических прав. В частности, прибегают к насилию, причинению телесных повреждений, публичным оскорблениям и т.п.

Например, право на смену половой принадлежности относится к числу соматических прав. Традиционно принято считать, что люди различаются по половому признаку на мужчин и женщин. Однако медицина выделяет наряду с женским и мужским полом также гермафродитизм (двуполость), евнухоидизм (бесполость, нет половых желез, нет сексуального поведения). Несмотря на то что смена половой принадлежности не получила такого распространения, как, например, трансплантация органов и тканей человека, она осуществляется во многих странах. Смена пола ведет к изменению идентификации человека. Так, по имеющимся сведениям, в 2012 году в Беларуси в связи с изменением своего пола новые паспорта получили пять человек [11]. В Советском Союзе в 1970 году в Риге в НИИ травматологии и ортопедии профессор В. Калнберз произвел операцию по перемене пола женщине и получил авторское свидетельство на способ осуществления операции как изобретение. Можно согласиться со следующим утверждением М. Н. Малейной: «Основанием для смены пола может быть не любопытство, не прихоть, не мода, а только строго медицинские показания – заболевание транссексуализмом». При этом данный автор ссылается на Международную классификацию болезней, в соответствии с которой транссексуализм определяется как «желание жить и быть принятым в качестве лица противополож-

ного пола, обычно сочетающееся с чувством неадекватности или дискомфорта от своего анатомического пола и желанием получить гормональное и хирургическое лечение с целью сделать свое тело как можно более соответствующим избранному полу» [12]. Изменение пола осуществляется, когда помощь психотерапевтов не дала положительных результатов.

Согласно ст. 19 Закона «О здравоохранении» изменение и коррекция половой принадлежности проводятся по желанию совершеннолетнего пациента в государственных организациях здравоохранения в порядке, определяемом Министерством здравоохранения. Так, Министерством здравоохранения Республики Беларусь 9 декабря 2010 г. принято постановление № 163 «О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности» [13]. Им утверждены Положение о Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения; Инструкция о порядке изменения и коррекции половой принадлежности по желанию совершеннолетнего пациента в государственных организациях здравоохранения; установлен состав Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения согласно приложению к названному постановлению.

Лицо, желающее сменить пол, проходит комплексное медико-психологическое исследование, необходимое для исключения других сексуальных, психических и соматических расстройств.

Таким образом, действующее белорусское законодательство предусматривает смену половой принадлежности. Понимаем, что большинство наших граждан негативно относятся к сексуальным меньшинствам вообще и не вполне одобрительно, в том числе к смене пола. Если бы такие операции были неправомерными и необоснованными, то за их производство должна была наступать ответственность, не говоря о том, что на их возможность проведения не могло быть указания и в законе. Однако, как видим, это не так. Более того, действующее законодательство обязывает уважать личную жизнь лиц, перенесших операции по изменению пола. Конституция Республики Беларусь закрепляет равенство всех перед законом и равную без всякой дискриминации защиту прав и законных интересов (ст. 14). Дискриминация (от лат. *discriminatio* – различение) – общеправовой термин, обозначающий обычно ущемление прав юридических или физических лиц. Дискриминация означает осуществление на уровне закона или на практике различия между людьми на основании их принадлежности к определенной группе. Смена пола предполагает, на наш взгляд, некоторое перераспределение прав и обязанностей человека, объема его ответственности в силу разных социальных ролей в обществе мужчины и женщины, существующих юридических гарантий.

В международных документах по правам человека предусматривается, что страна, их ратифицировавшая, обязана уважать и обеспечить всем людям, находящимся на ее территории и в пределах ее юрисдикции, права человека без каких-либо различий, таких, как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные взгляды, национальное или социальное происхождение, собственность, рождение или иной статус. Всеобщая декларация прав человека запретила все формы расовой и другой дискриминации. Не должно быть «...какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (ст. 2 Всеобщей декларации). Дискриминация запрещена в отношении «расы, пола, языка или религии» (ст. 1(3) Устава ООН).

Развитие медицины сделало технически возможным изменение биологического пола путем гормонального лечения и хирургической операции.

Смена пола выражается в изменении не только физических данных, но и внутреннего сознания, мировоззрения, смене социальной роли в обществе, семье. Одновременно меняется и отношение общества к личности. В связи с этим другой аспект исследования – перемена социального пола.

Существует ряд прав и обязанностей, в отношении осуществления которых могут возникнуть споры, например, воинская обязанность, право на занятие некоторых должностей, право на пенсию и др. Практика Европейского суда по правам человека развивается таким образом, что суд признает те социальные права, которыми обладает лицо соответствующего пола, т.е. если мужчина изменил пол и стал женщиной, то после изменения пола это лицо обладает теми права-

ми, которыми обладает женщина (например, более ранний выход на пенсию). Конечно, могут возникнуть вопросы с исполнением обязанностей, например воинской. Европейский суд по правам человека рассматривает непризнание новой половой принадлежности как нарушение права на уважение личной жизни человека.

В последнее время обоснованно указывается на наличие особенностей сохранения брачных отношений при смене пола одним из супругов и наступающими в связи с этим последствиями из-за с наличия в такой семье детей. Для зарубежных стран данная ситуация несколько «упрощается», так как в ряде государств разрешены однополые браки. У нас это является проблемой, которую необходимо решить в законодательстве. Так, подобный случай был описан в газете «Вечерний Могилев». При осмотре задержанного за кражу неожиданно обнаружилось, что лицо сменило пол (с женского на мужской). Этот человек проживал с другой женщиной, у которой было трое детей. Однако проблема не столько в пикантности ситуации, сколько в весьма, мягко говоря, вызывающих комментариях авторов статьи в указанной газете относительно смены пола этим лицом [14]. Однако если журналисты, которых учат в вузе писать свои статьи, соблюдая корректность, не могут сдерживать свои эмоции, то что можно требовать от «простых» граждан. Так, в одном из районных судов Минска рассматривалось дело по факту избиения гражданина М. после гей-вечеринки. Как сообщалось, его практически до смерти избил гражданин Л. на выходе из минского клуба. Врачи констатировали у него перелом черепа и кровоизлияние в мозг, около 20% головного мозга удалили. Он находился длительное время в больнице в тяжелом состоянии: у него не было постоянного сознания, в окружающем мире не ориентировался, питался через катетер, не двигался. Очевидец произошедшего утверждал, что М. ударили после словесного конфликта и оскорблений в его адрес и его знакомых, касающихся нетрадиционной сексуальной ориентации. Вначале виновное лицо в избиении М. было осуждено к мягкому наказанию и лишь после смерти М. дело было рассмотрено вновь и ему было назначено новое наказание.

16 октября 2014 года суд Центрального района признал Л. виновным в хулиганстве, причинении тяжкого телесного повреждения по неосторожности и приговорил к двум годам и восьми месяцам лишения свободы в колонии общего режима, хотя прокурор запрашивал семь лет колонии. 20 августа 2015 года Л. вышел на свободу по амнистии. После смерти потерпевшего уголовное дело было возобновлено в связи с «наступившими более тяжкими последствиями в виде смерти потерпевшего», когда стало известно, что смерть наступила от полученных телесных повреждений. На этот раз Л. было предъявлено обвинение в хулиганстве (ч. 1 ст. 339 УК) и причинении смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 144 УК).

В заключение отметим, что соматические права еще должны получить оценку их места и роли среди иных прав и свобод человека и гражданина, а также его обязанностей. Ряд направлений в этой области еще не получил своей четкой правовой регламентации. В обществе и науке существуют противоречивые взгляды и оценки. Дальнейшее развитие национального законодательства должно стать ответом на изменения, происходящие в медицинской, социальной, культурной сферах.

Список использованных источников

1. Крусс, В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / А. И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
2. Абашидзе, А. А. Новое поколение прав человека: соматические права / А. А. Абашидзе, А. М. Солнцев // Моск. журн. междунар. права. – 2009. – № 1 (73). – С. 69–82.
3. Старовойтова, О. Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. Э. Старовойтова. – СПб., 2006. – 42 с.
4. Ковлер, А. И. Антропология права / А. И. Ковлер. – М.: Норма, 2002. – 467 с.
5. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / С.А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
6. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 341-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 8. – 2/1893.
7. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII (ред. от 16.06.2014 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 159. – 2/1460.

8. Ситуация с абортми в Беларуси не хуже и не лучше, чем в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2015/09/30/ic_news_116_464250/.
9. Гончарик, А. ЭКО по льготному кредиту / А. Гончарик // Народ. воля. – 2013. – 1 крас.
10. Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 окт. 2008 г., № 1580 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 261. – 5/28595.
11. Пол изменить – это вам не трамвай пустить // Свободные новости плюс. – 2013. – 9 апр. – С. 7.
12. Международная классификация болезней (10-й пересмотр): классификация психических и поведенческих расстройств. – СПб., 1994. – С. 212.
13. О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности: постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 9 дек. 2010 г., № 163 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
14. Впервые в истории Беларуси под стражу взяли транссексуала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vecherniy-mogilev.by/2014/136/trans.html>. – Дата доступа: 02.07.2016.
15. Убийца Михаила Пищевского получил 3 года колонии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belnovosti.by/society/50106-280720161410.html>. – Дата доступа: 28.07.2016.

References

1. Kruss, V. I. (2000), "Personal ('Somatic') Human Rights in the Constitutional and Philosophical and Legal Dimension: Stating a Problem", *State and right*, no. 10, pp. 43–50.
2. Abashidze, A. A. and Solntsev, A. M. (2009), "A New Generation of Human Rights: Somatic Rights", *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], no. 1 (73), pp. 69–82.
3. Starovoitova, O. E. (2006), "Legal Mechanism for the Exercise and Protection of Somatic Human and Civil Rights in the Russian Federation: A Historical, Legal and Theoretical Analysis", Abstract of D. Sc. Dissertation, Theory and history of law and state; history of legal doctrines, St. Petersburg University of MIA RF, St. Petersburg, RU.
4. Kovler, A. I. (2002), *Anthropology of Law*, Norma, Moscow, RU.
5. Avak'yan, S. A. (2014), *Constitutional Law of Russia: A Course Textbook in 2 vol. Vol. 1*, 5nd ed., revised and enlarged, Norma: INFRA-M, Moscow, RU.
6. (2012), "Law of the Republic of Belarus No. 341-Z of 7 January 2012 on Assisted Reproductive Technologies", *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*, 18.01.2012, no. 8, 2/1893.
7. (2014), "Law of the Republic of Belarus No. 2435-XII of 18 June 1993 on Health Care (as amended on 16 June 2014)", *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*, 07.07.2008, no. 159, 2/1460.
8. (2015), "Situation of Abortion in Belarus is Neither Worse, Nor Better than in Europe", Available at: http://naviny.by/rubrics/society/2015/09/30/ic_news_116_464250/, (Accessed 17.10.2016).
9. Goncharik, A. (2013), "IVF at a preferential loan", *Narodnaya Volya*, 01.04.2013.
10. (2008), "Resolution No. 1580 of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of 23 October 2008 on Setting the List of Social Indications for Abortion and on Repealing Resolution No. 902 of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of 5 July 2002", *The National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*, 03.11.2008, no. 261, 5/28595.
11. (2013), "Changing Sex is Harder than Launching a Tramline", *Free News Plus*, april 9, p. 7.
12. (1994), *International Classification of Diseases (10th Revision): Mental and Behavioral Disorders*, St. Petersburg, RU.
13. (2013), "Resolution No. 163 of the Ministry of Health of the Republic of Belarus of 9 December 2010 on Certain Matters of Changing and Correcting Sex", Available at: <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num11/d11627.html>, (Accessed 17.10.2016).
14. (2014), "For the First Time Ever, a Transsexual Apprehended in Belarus", Available at: <http://www.vecherniy-mogilev.by/2014/136/trans.html>, (Accessed 02. 07. 2016).
15. "Mikhail Pishchevsky's Murderer Gets 3 Years of Prison Time", Available at: <http://www.belnovosti.by/society/50106-280720161410.html>, (Accessed 28.07.2016).

Информация об авторе

Василевич Дмитрий Григорьевич – канд. юрид. наук, доцент, начальник отдела. Генеральная прокуратура Республики Беларусь (ул. Интернациональная, 22, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Gregory_1@tut.by.

Information about the author

Vasilevich Dmitriy Grigoryevich, Ph. D. (Law), Assistant Professor, Head of Division, General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus (22 Internatsionalnaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Gregory_1@tut.by.

Для цитирования

Василевич, Д. Г. Соматические права человека и гражданина / Д. Г. Василевич // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 106–112.

For citation

Vasilevich D. G. Somatic Human and Civil Rights. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 106–112.

Ю. В. Кочурко

Национальная академия наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Рассматривается процесс становления судебной власти, исходя из исторических этапов ее развития. Автор проводит анализ правовых актов, регламентирующих порядок осуществления судебной власти, определяет основные периоды и направления ее совершенствования. Особое внимание уделяется развитию судебной власти в период действия Великого Княжества Литовского, Российской империи, Союза Советских Социалистических Республик, Республики Беларусь. Исходя из анализа нормативной базы, представлена общая характеристика судебных органов, осуществляющих правосудие на данных этапах развития судебной системы. Автор также рассматривает судебные реформы, характерные для определенных исторических периодов. Подводя итоги исследования, автор формулирует выводы, в которых излагает основные итоги судебных реформ и сформировавшуюся структуру судебных органов на различных исторических этапах.

Ключевые слова: судебная власть, суд, Статут, Судебные уставы, закон, Великое Княжество Литовское, Российская империя, Республика Беларусь.

Ju. V. Kochurko

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE JUDICIARY IN BELARUS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

The article considers the process of formation of the judiciary on the basis of the historical stages of its development. The author analyses legal acts regulating the exercise of the judicial power, determines the main periods and directions of its improvement. Special attention is paid to the development of the judiciary in the period of the Grand Duchy of Lithuania, Russian Empire, Union of Soviet Socialist Republics, and the Republic of Belarus. Based on the analysis of the regulatory framework, a general description of the judiciary carrying out justice at these stages of development of the judicial system. The author also examines judicial reform specific to certain historical periods. Summing up, the author formulates the conclusions which describe out the main outcomes of the judicial reforms, and established judicial institutions at different historical stages.

Keywords: judicial power, court, Statute, Judicial Regulations, the law, the Grand Duchy of Lithuania, Russian Empire, Republic of Belarus.

Введение. Суд, судебную власть принято рассматривать применительно к правам и свободам человека и гражданина, преимущественно с позиции их судебной защиты. Конституционные права и свободы человека и гражданина занимают особое место в праве.

Право представляет собой одно из самых сложных общественных явлений, поскольку так или иначе им затрагиваются интересы каждого человека, различных социальных групп населения. Как регулятор общественных отношений оно призвано соизмерять поведение граждан, государственных органов, организаций, должностных лиц, обеспечивать принятие правильных и справедливых решений, служить основой прочного правопорядка в обществе [1, с. 96].

Основная часть. Первый период истории права – время господства обычного права, при котором первоисточником права является природа человека (физическая и моральная), подчиненная таким же законам, что и природа органическая и неорганическая. Важнейшей формой выражения обычного права являются акты юридических сделок и судебные акты.

Следует отметить, что русское, в том числе и белорусское, право развивалось хотя и под влиянием византийской и немецкой культуры, но самостоятельно.

Переворот, произведенный в обществе христианством, кроме рецепции вызвал и самостоятельную законодательную деятельность. Закон появился уже в форме уставов, которые издавали Ярослав, его сыновья и последующие князья [2, с. 22].

С образованием Великого Княжества Литовского вопросы развития писаного права, а также судебной защиты приобрели новую значимость.

Великий князь Сигизмунд в 1522 г. издал специальный указ о введении в действие письменного кодекса законов. Однако, как свидетельствует история, на сейме был принят не весь проект представленного Статута. Текст Статута дорабатывался и только в 1528–1529 гг. был окончательно принят на Виленском сейме [3, с. 180].

Статут 1529 г. стал писанным кодексом права Великого Княжества Литовского. Анализ положений Статута позволяет сделать вывод, что уже в тот период придавалось огромное значение судебной защите, праву на рассмотрение дела судом на основании закона. Вместе с тем он не содержал четкого разделения судебной и исполнительной власти, но судебной власти придавалась определенная сила.

В Статуте 1566 г. Великого Княжества Литовского более четко обозначается право на судебную защиту, намечается тенденция отделения судебной власти от исполнительной, закреплено право человека на защиту в судебном порядке с помощью адвоката [4, с. 48]. Следует отметить, что положения данного Статута стали новым шагом в развитии и совершенствовании отношений, которые складывались между государством и гражданами при разрешении различного рода конфликтов. Признавалась эффективность судебной защиты.

Особое место в истории отведено Статуту 1588 г., в котором прослеживалось разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную.

Образование выборных судов открывало новую страницу в развитии правовой культуры общества, свидетельствовало о стремлении к постепенному совершенствованию судебной защиты. В нем также регламентировался порядок формирования и деятельности Главного Суда (Трибунала) – Высшего суда Великого Княжества Литовского [5, с. 115].

Статут 1588 г. внес значительный вклад в совершенствование права, развитие судебной системы и правосудия Беларуси, России, Польши, Украины, Латвии, Эстонии. Следует обратить внимание, что на территории Беларуси и Литвы он действовал и после распада Великого Княжества Литовского.

В результате трех разделов Речи Посполитой территория Беларуси вошла в состав Российской империи. В ходе замены существовавшего воеводско-поветового деления на губернии, провинции и уезды по великороссийскому образцу упразднялись и соответствующие административные учреждения. Города, получившие магдебургское право, первоначально сохранили имевшиеся судебные учреждения. Конкретную организацию судопроизводства на местах Екатерина II утвердила в апреле–мае 1773 г. В каждой провинции создавались земские суды, а в губерниях – губернские земские суды в качестве апелляционной инстанции для первых, которые должны были рассматривать дела на польском языке «и на их же праве» [6, с. 37]. Таким образом, суды продолжали руководствоваться в своей деятельности Статутом Великого Княжества Литовского 1588 г. Русское законодательство должно было употребляться только в случае «недостатка» в Статуте.

С развитием государства и права развивалась и судебная система. Судебными уставами 1864 г. уже широко употребляется термин «судебная власть», который ассоциировался с отправлением правосудия по гражданским и уголовным делам.

Судебные уставы – в дореволюционной России официальное название законов, утвержденных 20 ноября 1864 г.: «Учреждение судебных установлений», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства». Указанные уставы оформили проведение судебной реформы 1864 г.

А. Ф. Кони писал, что «судебная реформа в корне изменила судостроительство, процессуальное и отчасти материальное право Российской империи, она отделила судебные органы от административных и законодательных. Был введен суд присяжных» [7, с. 25].

В царской России действовал суд присяжных, который определил правовые гарантии равенства всех перед судом и законом, стал дальнейшим шагом в развитии европейской правовой культуры.

Исследование судебного реформирования в рассматриваемый период свидетельствует, что это были процессы наиболее последовательных и радикальных преобразований, объединенных единой целью: обеспечение перехода от полуфеодальных и крепостнических отношений к капиталистическим, развитию которых способствовала отмена крепостного права.

В генезисе судебной власти Республики Беларусь после 1917 г. можно выделить несколько этапов. 1917–1921 гг. характеризуются революционным сломом, упразднением старой судебной системы и созданием нового советского суда. Точкой отсчета становления судебной системы в Беларуси принято считать изданный СНК РСФСР 24 ноября 1917 г. Декрет о суде, которым упразднялась дореволюционная судебная система и учреждались новые суды, полномочия, система и структура которых в дальнейшем неоднократно подвергались реформированию. После образования Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – БССР) в январе 1919 г. наряду с народными судами функционировали Минский, Витебский и Могилевский революционные трибуналы. В декабре 1920 г. был учрежден Революционный трибунал Беларуси и Кассационный трибунал при Центральном Исполнительном Комитете БССР (далее – ЦИК БССР). Осенью 1922 г. они были упразднены и на их основе образованы Высший и Высший кассационный суды БССР [1, с. 204]. Таким образом, для первого периода истории советского суда характерна организационная раздвоенность судебной системы.

В 1922 г. была осуществлена первая кодификация права, учреждены прокуратура и адвокатура, проведена реформа суда, в результате которой система судов стала трехзвенной: народные суды, Высший суд и Высший кассационный суд. В 1931 г. было принято Положение о судостроительстве, которое закрепило двухзвенность судебной системы: народные суды и Верховный Суд республики. В 1938 г. окружные суды были реорганизованы в областные суды и в результате в стране установилась трехзвенная судебная система общих судов, действующая до настоящего времени [8, с. 87].

В 1958–1976 гг. были приняты Основы законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, Положение о военных трибуналах. На основе общесоюзного закона союзные республики приняли свои законодательные акты по судостроительству. В частности, в 1959 г. Верховный Совет БССР принял Закон «О судостроительстве БССР» [9, с. 56]. Полномочия судов союзных республик расширялись, а Верховного Суда Союза ССР – существенно сужались. Высший судебный орган страны, возглавляя по-прежнему всю систему судов, действовавших на территории СССР, стал пересматривать в порядке надзора решения приговоры и постановления Верховных судов союзных республик, если они противоречили общесоюзному законодательству или нарушали интересы других союзных республик.

Следующий этап развития суда в БССР охватывает 1986–1991 гг., начало перестроечного периода, расширения демократии и гласности, процесс проведения в стране правовой реформы, повышения роли суда, укрепления гарантий судопроизводства и улучшения деятельности всей системы юстиции. Законом СССР от 25 июня 1980 г. Верховный Совет СССР утвердил новую редакцию Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР и Положения о военных трибуналах.

В 1981 г. был принят Закон БССР «О судостроительстве в Белорусской ССР», который не привел к коренным изменениям в судостроительстве БССР. На момент принятия этого Закона уже функционировал Минский городской суд. В своей компетенции он был приравнен к областным судам. В судебную систему БССР входили Верховный Суд, областные суды, Минский городской суд и районные (городские) народные суды.

В современном белорусском законодательстве термин «судебная власть» впервые употреблен в Декларации Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. «О государственном суверенитете Республики Беларусь». В указанной Декларации закреплено, что разграничение законодательной, исполнительной и судебной власти является важнейшим принципом существования Республики Беларусь как правового государства [10].

В Законе Республики Беларусь от 27 февраля 1991 г. «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь» уже было установлено, что государственная власть в Республике Беларусь формируется и осуществляется в трех структурах – законодательной, исполнительной и судебной. Органы законодательной (представительной), исполнительной и судебной власти в пределах своей компетенции осуществляют свои полномочия самостоятельно и независимо друг от друга [11].

Важное значение в обеспечении эффективности судебной системы принадлежит Концепции судебно-правовой реформы 1992 г. [12, с. 311], которая предложила реформировать судебную сис-

тему на началах: децентрализации за счет функционального разделения организационных форм судебной власти; максимального приближения суда к населению; обеспечения компетентности и профессионализма в судебной деятельности; сочетания единоличного и коллегиального порядка рассмотрения дел; участие народа в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей и др.

На конституционном уровне понятие «судебная власть» закреплено в Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. [13], согласно которой государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Конституция Республики Беларусь провозгласила самостоятельность и независимость судебной власти как необходимое условие функционирования правового государства.

В главе 6 Конституции Республики Беларусь определено, что судебная власть принадлежит судам, которые действуют на основе принципов территориальности и специализации.

Важный шаг в регулировании вопросов, связанных с судостроительством, – это принятие Закона Республики Беларусь от 13 января 1995 г. «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь» [14], а затем и Кодекса Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей» [15]. Данные законодательные акты закрепили систему судов, их полномочия и порядок деятельности.

Так, в Республике Беларусь существовало две системы судов – общие суды и хозяйственные суды. Компетенция между судами разделялась в соответствии с установленной подведомственностью. Система общих судов возглавлялась Верховным судом Республики Беларусь, система хозяйственных судов – Высшим Хозяйственным судом Республики Беларусь. В систему судов общей юрисдикции также входили Белорусский военный суд и межгарнизонные военные суды.

Дальнейшее совершенствование судебной системы Республики Беларусь произошло в 2014 г. В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» [16] произошло объединение общих и хозяйственных судов в единую систему судов общей юрисдикции. Так, хозяйственные суды переименованы в экономические суды областей и г. Минска. Высший Хозяйственный суд присоединился к Верховному суду. Вся система судов общей юрисдикции возглавляется Верховным судом, в состав которого входит и судебная коллегия по экономическим делам [16]. За экономическими судами сохраняется компетенция хозяйственных судов. Белорусский военный суд и межгарнизонные военные суды были упразднены.

Данные изменения способствуют обеспечению единства судебной практики, развитию специализации судов и судей при рассмотрении дел, улучшают кадровое обеспечение судов.

Заключение. На основании проведенного исследования становления и развития судебной власти на территории Беларуси можно сделать следующие выводы.

В Великом Княжестве Литовском судебная реформа XVI в. значительно усовершенствовала судебную систему государства. Она внесла прогрессивные сдвиги в судебный строй и судопроизводство. Были реформированы имеющиеся и созданы новые суды. Они были выборными и создавались на основании закрепления принципа разделения властей. Судебная реформа в большей степени расширяла права шляхты, но она также касалась и прав широких слоев населения.

В Российской империи судебная реформа 1864 г. способствовала ее капиталистической модернизации, обеспечивая правовое разрешение конфликтов в обществе. Она сама по себе представляла правовую модернизацию, которая оказалась впереди всего процесса преобразований.

В период действия СССР судебная система не претерпела коренных изменений. Суды находились под контролем партийных и государственных исполнительных органов.

В Республике Беларусь в период с 1991 г. и по настоящее время в законодательстве определено разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Создана система общих и хозяйственных судов.

В 2014 г. было проведено реформирование судебной системы Республики Беларусь, в частности, произведено объединение общих и хозяйственных судов. Результат данного объединения – это достижение единства судебной практики применения законодательства и толкования норм материального права, создание эффективной системы специализированных судов, возглавляемой единым высшим судебным органом.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь (науч.-практ. коммент.) / Г. А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2001. – 488 с.
2. Филиппик, Р. И. Историко-правовые аспекты возникновения и развития права на судебную защиту в процессе эволюции судебной власти в Беларуси / Р. И. Филиппик // Вестн. Высшего Конституционного Суда Респ. Беларусь. – 2004. – № 2. – С. 22–29.
3. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: са старажытных часоў да нашых дзён: вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо; пад рэд. А. Ф. Вішнеўскага. – Мінск: Акадэмія МУС, 1998. – 311 с.
4. Судостройство: учеб. / А. А. Данилевич [и др.]; под ред. А. А. Данилевича, И. И. Мартинович. – Минск: Амалфея, 2002. – 458 с.
5. Бори́ко, С. В. Судостройство: учеб. / С. В. Бори́ко. – Минск: Амалфея, 2000. – 304 с.
6. Би́бילו, В. Н. Судостройство в Республике Беларусь / В. Н. Би́бло. – Минск: Право и экономика, 2000. – 384 с.
7. Чи́ркин, В. Е. Государствование: учеб. / В. Е. Чи́ркин. – М.: Юрист, 1999. – 400 с.
8. Судостройство: учеб. / А. А. Данилевич [и др.]; под ред. А. А. Данилевича, И. И. Мартинович. – Минск: Амалфея, 2002. – 580 с.
9. Де́мичев, Д. М. Конституционное право: учеб. пособие / Д. М. Де́мичев. – Минск: Выш. шк., 2004. – 351 с.
10. О государственном суверенитете Республики Беларусь: Декларация Верховного Совета Республики Беларусь, 27 июля 1990 г., № 193-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 сент. 1991 г., 1085-XII // ИПС Эталон (6.1) Законодательство Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
11. Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 27 февр. 1991 г., № 651-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 нояб. 1991 г., 1240-XII (утратил силу) // ИПС Эталон (6.1) Законодательство Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
12. Халипов, В. Ф. Энциклопедия власти / В. Ф. Халипов. – М.: Юрист, 2005. – 568 с.
13. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 48 с.
14. О судостройстве и статусе судей в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 1995 г., № 3514-XII (утратил силу) // ИПС Эталон (6.1) Законодательство Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
15. О судостройстве и статусе судей: Кодекс Респ. Беларусь, 29 июня 2006 г., № 139-3: [принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 1998 г.]: в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г., № 121-3 // ИПС Эталон (6.1) Законодательство Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
16. О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2013 г., № 6 // ИПС Эталон (6.1) Законодательство Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

References

1. Vasilevich, G. A. (2001), *Konstitutsiya Respubliki Belarus' (nauch.-prakt. komment.)* [The Constitution of the Republic of Belarus (scientific and practical commentary)], Pravo i ekonomika, Minsk, BY.
2. Filipchik, R. I. (2004), "Historical and legal aspects of the origin and development of the right to judicial protection in the evolution of the judiciary in Belarus", *Vestnik Vysshego Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus'* [Bulletin of the Supreme Court of the Republic of Belarus the Constitutional], no. 2, pp. 22–29.
3. Vishneŭski, A. F. and Yukho, Ya. A. (1998), *Gistoryya dzyarzhavy i prava Belarusi ŭ dakumentakh i materyyalakh: sa starazhytnykh chasoŭ da nashykh dzen: vuchebny dapamozhnik* [History of state and law in Belarus, the documents and materials: from ancient times to the present day: a training manual], in ed. Vishneŭski, A. F., Akademiya MUS, Minsk, BY.
4. Danilevich, A. A., Zaitseva, L. L., Martinovich, I. I. and Soltanovich, A. V. (2002), *Sudoustroistvo : uchebnik dlya vuzov* [Judicial system: a textbook for high schools], in ed. Danilevich, A. A. and Martinovich, I. I., Amalfeya, Minsk, BY.
5. Boriko, S. V. (2000), *Sudoustroistvo: uchebnik* [Judicial system: a textbook], Amalfeya, Minsk, BY.
6. Bibilo, V. N. (2000), *Sudoustroistvo v Respublike Belarus'* [The judicial system in the Republic of Belarus], Pravo i ekonomika, Minsk, BY.
7. Chirkin V. E. (1999), *Gosudarstvovedenie: uchebnik* [Gosudarstvovedenie: textbook], Yurist, Moscow, RU.
8. Danilevich, A. A., Zaitseva, L. L., Martinovich, I. I. and Soltanovich, A. V. (2002), *Sudoustroistvo : uchebnik dlya vuzov* [Judicial system: a textbook for high schools], in ed. Danilevich, A. A. and Martinovich, I. I., Amalfeya, Minsk, BY.
9. Demichev, D. M. (2004), *Konstitutsionnoe pravo: uchebnoe posobie* [Constitutional law: a tutorial], Vysheishaya shkola, Minsk, BY.
10. (2007), "On the State Sovereignty of the Republic of Belarus: The Declaration of the Supreme Council of Belarus, July 27, 1990, number 193-XII: In red. Rep Law. Belarus on 19 September. 1991, at 1085-XII", Available at: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org66/master/text1775.htm>, (Accessed 7 May 2016).
11. (2007), "On the basic principles of democracy in the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, 27 February. 1991, number 651-XII: In red. Rep Law. Belarus on Nov 11. 1991, 1240-XII (repealed)", Available at: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1478.htm>, (Accessed 7 May 2016).

12. Khalipov, V. F. (2005), *Entsiklopediya vlasti* [Encyclopedia of power], Yurist, Moscow, RU.
13. (2011), *Konstitutsiya Respubliki Belarus': s izmeneniyami i dopolnениyami, prinyatymi na respublikanskikh referendumakh 24 noyabrya 1996 g. i 17 oktyabrya 2004 g.* [The Constitution: with amendments and additions adopted at the national referenda on November 24, 1996 and October 17, 2004], Amalfeya, Minsk, BY.
14. (2007), "On the Judicial System and Status of Judges in the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, January 13, 1995, number 3514-XII (repealed)", Available at: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/text50/index.htm>, (Accessed 7 May 2016).
15. (2014), "On the Judicial System and Status of Judges: Code Resp. Belarus, June 29, 2006, number 139-W: [adopted by the House of Representatives 31 May 2006: Approve. Council Rep. June 16, 1998] as amended. Rep Law. Belarus on January 4, 2014, number 121-W)", Available at: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414672#pos=1;-172, (Accessed 7 May 2016).
16. (2013), "On the improvement of the judicial system of the Republic of Belarus: Decree of the President of Rep. Belarus, Nov 29. 2013., Number 6", Available at: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=Pd1300006&p1=1>, (Accessed 7 May 2016).

Информация об авторе

Кочурко Юлия Васильевна – канд. юрид. наук, начальник управления научно-организационной, аналитической и правовой работы. Национальная академия наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kochurkojulia@tut.by.

Information about the author

Kochurko Julia Vasilievna – Ph. D. (Law), Head of scientific-organizational, analytical and legal work. National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave, Minsk 220072, Belarus). E-mail: kochurkojulia@tut.by.

Для цитирования

Кочурко, Ю. В. Становление и развитие судебной власти на территории Беларуси : исторический и правовой аспекты / Ю. В. Кочурко // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 113–118.

For citation

Kochurko Ju. V. The formation and development of the judiciary in Belarus: historical and legal aspects. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no 1, pp. 113–118.

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК [339.924:339.7](47+57)

Поступила в редакцию 02.02.2016

Received 02.02.2016

А. В. Сибирская

Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВАЛЮТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЕАЭС:
АНАЛИЗ КРИТЕРИЕВ КОНВЕРГЕНЦИИ**

Страны ЕАЭС продвигаются по пути экономической интеграции, снимая все барьеры для движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала. Либерализация и гармонизация законодательства в финансовой сфере, а также степень развитости рынков выступают одним из главных условий построения полноценного экономического союза. Таким образом, предметом данной статьи выступает финансовая деятельность Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан. Цель статьи – проведение анализа и выявление возможных перспектив создания валютного союза путем осуществления согласованного регулирования и углубления экономической интеграции государств ЕАЭС.

Статья посвящена проблемам валютной интеграции стран ЕАЭС. Рассматриваются основные показатели конвергенции стран, описанные в теории валютных зон и в нормативных документах, такие как движение капитала, уровень инфляции, открытость экономики, ставка рефинансирования, государственный бюджет и государственный долг. В заключении сделаны выводы о готовности стран к валютной интеграции. В целях дальнейшей интеграции и создания валютного союза необходима полная гармонизация всех сфер экономики. В первую очередь целесообразно обратить внимание на показатели конвергенции, прописанные в Договоре о создании ЕАЭС.

В процессе исследования развитости финансовых рынков были использованы методы логического, статистического анализа и синтеза, сравнительного и исторического анализа.

Ключевые слова: валютная интеграция, ЕАЭС, оптимальные валютные зоны, условия конвергенции.

A. V. Sibirskaya

Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

**PROSPECTS OF MONETARY INTEGRATION WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION:
CONVERGENCE CRITERIA ANALYSIS**

The EAEU countries are moving towards economic integration, lifting all barriers to the movement of goods, services, labor and capital. Liberalized and harmonized legal framework in the financial sector and the degree of development of the markets are among major conditions for the establishment of a full-fledged economic union. Therefore, this article's subject matter is the financial activity of Belarus, Russia and Kazakhstan. The article seeks to analyze and identify prospects of establishing a monetary union through coordinated regulation and deeper economic integration of the EAEU states.

The article is devoted to problems of monetary integration of the EAEU countries. It addresses main indicators of convergence between the countries, as described in the theory of currency areas and in normative documents, such as the movement of capital, inflation, openness of the economy, refinancing rate, state budget and public debt. Conclusions are made that the countries are ready for monetary integration. All economic sectors are to be fully harmonized to achieve further integration and form a monetary union. First of all, attention should be drawn to the convergence indicators specified in the EAEU Treaty.

The logical and statistical analysis and synthesis methods and comparative and historical analysis methods were used to study the development level of the financial markets.

Keywords: monetary integration; EAEU; optimum currency areas; convergence conditions.

Введение. Для создания валютного союза группы стран является необходимым наличие ряда факторов, действующих при этом одновременно. Исследование этих факторов первым начал Р. Манделл, который получил Нобелевскую премию за создание теории оптимальных валютных зон. Последователи Р. Манделла дополнили ТОВЗ другими факторами: конвергенция инфляции (Дж. Флеминг), безработица (Р. Огородник), степень открытости экономики (Р. МакКинон) и т.д.

Цель статьи – проведение анализа и выводы о возможности стран ЕАЭС к созданию валютного союза.

Для стран ЕАЭС интеграция на сегодняшний момент является весьма актуальным вопросом. После распада СССР страны постсоветского пространства ввиду низкой диверсификации производства осознали необходимость и преимущества интеграционных объединений. Три страны из пяти членов ЕАЭС уже создали единое экономическое пространство (Россия, Беларусь и Казахстан). Эти же страны в мае 2014 года подписали Договор о Евразийском экономическом союзе (далее Договор), который вступил в силу с 1 января 2015 года. Договор предусматривает создание свободных условий для движения товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов стран-участниц, что означает полную открытость финансового, в том числе валютного рынка Республики Беларусь (ст. 64).

Кроме вышеописанных показателей, следует учитывать и показатели денежно-кредитной бюджетной политики государства, такие, как уровень инфляции, ставок рефинансирования стран-участниц, дефицит государственного бюджета и госдолг.

Таким образом, кроме критериев ТОВЗ, существует необходимость изучения и других критериев конвергенции для создания монитарного союза.

Объем инвестиций, поступивших в страну, в т.ч. ПИИ.

Рассмотрим мобильность капитала по иностранным инвестициям, поступающим в страны ЕАЭС, и, в частности, внутри сообщества.

Анализ показал, что наибольший удельный вес в объеме иностранных инвестиций имеют прямые иностранные инвестиции (табл. 1). Для более точного изучения мобильности капитала внутри сообщества рассмотрим удельный вес иностранных инвестиций из стран ЕАЭС.

Таблица 1. Иностранные инвестиции, поступившие в страны ЕАЭС за 2010–2014 гг., тыс. долл. США

Страна	Годы									
	2010		2011		2012		2013		2014	
	ПИИ, всего	в т.ч. из ЕАЭС	ПИИ, всего	в т.ч. из ЕАЭС	ПИИ, всего	в т.ч. из ЕАЭС	ПИИ, всего	в т.ч. из ЕАЭС	ПИИ, всего	в т.ч. из ЕАЭС
Республика Армения	535,7	396,1	703,2	363,3	598,5	90,6	304,4	72,5	...	...
Республика Беларусь	5569,4	5055,1	13248,0	7206,4	10358,4	5035,1	11083,5	5815,7	10168,9	5114,8
Российская Федерация	43168,0	68,0	55084,0	149,0	50588,0	456,0	69219,0	507,0	22857,0	460,0
Республика Казахстан	22246,0	230,1	26467,0	1090,6	28885,0	1187,7	24012,0	1404,7	23888	1712,2
Кыргызская Республика	666,1	138,8	849,2	42,8	590,7	59,7	964,5	123,9	...	...

Источник: составлено автором по [1–5].

В Республике Армения за анализируемый период доля иностранных инвестиций из стран ЕАЭС значительно сократилась (с 90 до 51 %). Практически вся сумма иностранных инвестиций поступает из Российской Федерации в отрасли энергетики и газа. Из стран вне сообщества значительный вес имеют инвестиции из Германии (в 2013 году – 9,4 %), направленные в отрасли горной промышленности, и из Франции (в 2013 году – 8,8 %), направленные в отрасли алкогольной продукции и телекоммуникаций.

В Кыргызской Республике привлечение иностранных инвестиций является одним из приоритетных направлений макроэкономического развития страны. Основные поступления инвестиций в страну приходятся из стран СНГ (в основном Российской Федерации и Республики Казахстан). На долю этих стран приходится более 20 % всех иностранных инвестиций, поступающих в страну (рис. 1).

Незначительный удельный вес иностранных инвестиций из стран ЕАЭС имеют Российская Федерация и Республика Казахстан. Как и с мобильностью трудовых ресурсов, эти страны больше инвестируют в страны сообщества, чем принимают инвестиции из этих стран (рис. 1).

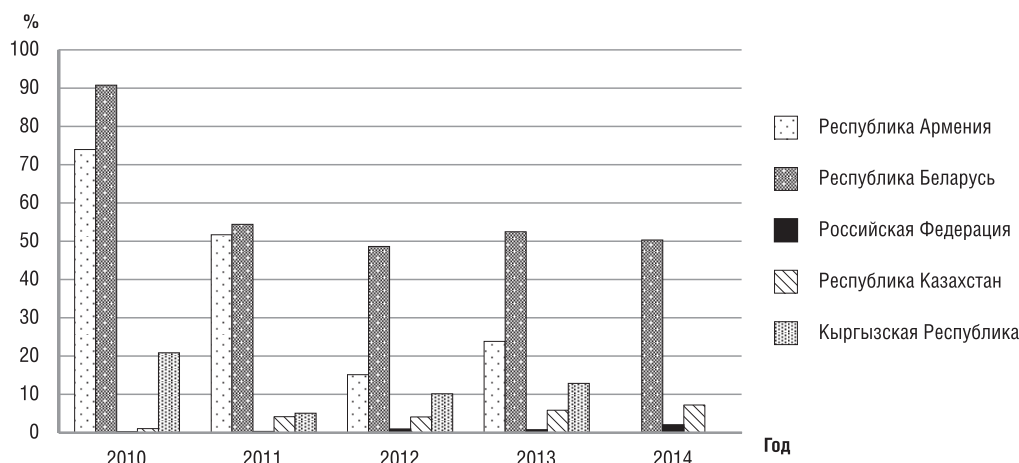

Рис. 1. Доля стран ЕАЭС в общей сумме иностранных инвестиций внутри сообщества за 2010–2014 гг., % (источник: составлено автором по [1–5])

Fig. 1. Proportion of EAEU countries in the total amount of foreign investment within the community in 2010–2014, %

Сходство темпов инфляции.

В начале 1970-х гг. Дж. Флемингом был выдвинут критерий схождения темпов инфляции в теории оптимальных валютных зон. В своей работе он определил ряд условий, способствующих установлению равных темпов инфляции между странами валютного союза, например, сходство темпов экономического роста, уровня занятости и т. д.

Дж. Флеминг считал, что различные темпы инфляции влекут различные уровни цен, и, соответственно, различные уровни покупательной способности национальных валют.

Учитывая опыт уже функционирующего экономического пространства трех стран ЕАЭС, критерии схождения темпов инфляции прописаны в Договоре: годовая инфляция не должна превышать 5 % наименьшего показателя. Например, в Европейском союзе критерием конвергенции прописан другой уровень колебаний – не более 1,5 % среднего показателя инфляции трех государств-членов, цены в которых отличаются наибольшей стабильностью.

Согласно критериям ТОВЗ и условиям конвергенции, прописанным в Договоре, колебания между уровнями инфляции превышают допустимые и находятся в пределах между 3,9 % (минимальное значение в 2010 г.) и 100,7 % (максимальное значение в 2011 г.). Уровень инфляции анализируемых стран нельзя назвать стабильным.

Относительной стабильностью отличается уровень инфляции в Армении и в Казахстане.

Таблица 2. Темпы инфляции стран ЕАЭС за 2008–2014 гг., %

Страна	Годы						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Республика Армения	109	103,4	108,2	107,7	102,6	105,8	103
Республика Беларусь	113,3	110,1	109,9	208,7	121,8	116,5	116,2
Российская Федерация	114	112	107	108	105	106,8	111,4
Республика Казахстан	117	107	107	108	105	105,8	107,4
Кыргызская Республика	125	107	108	117	103	106,6	110,5
Коридор колебаний	16	8,6	2,9	101	19,2	10,7	13,2

Источник: составлено автором по [1–5].

В Кыргызской Республике замедление темпов инфляции обусловлено снижением цен на продовольственную продукцию, в частности, хлебобулочные изделия и крупы.

В Беларуси с 2005 по 2011 год был достигнут и поддерживался низкий уровень инфляции благодаря «курсовому якорю», в качестве которого использовался американский доллар, а затем и российский рубль. Сдерживание роста инфляции осуществлялось инструментами монетарной

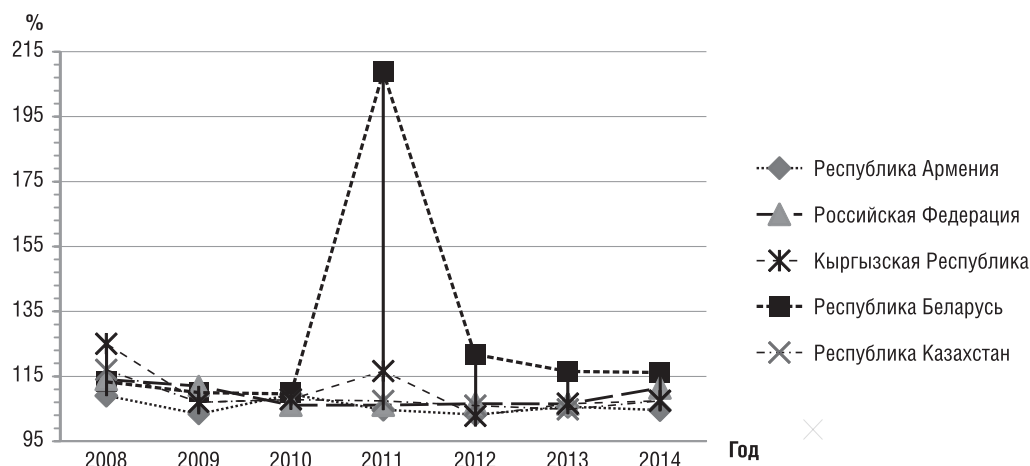

Рис. 2 Колебания между уровнями инфляции стран ЕАЭС за 2008–2014 гг., % (источник: составлено автором по [1–5])

Fig. 2. Fluctuations between the EAEU countries' inflation rates in 2008–2014, %

политики: замедление роста наличной денежной массы и увеличение депозитов в белорусских рублях физических лиц. Уровень инфляции в Республике Беларусь в 2008–2010 гг. практически достиг уровня инфляции стран-участниц ЕАЭС.

Инфляция для Казахстана на начальном периоде развития рыночной экономики, как и у остальных стран, являлась серьезной проблемой. В 1990-х гг. она превышала 2000 % в год. Однако правительству Казахстана удалось стабилизировать показатели инфляции вследствие жесткой денежно-кредитной политики и снизить уровень инфляции в среднем до 7–8 %.

Увеличению в 2011 году инфляции на 0,5 % послужила так называемая «гречневая лихорадка», которая повлекла за собой увеличение цен и на остальные продукты питания.

Экономика Российской Федерации в 2008 году пострадала от мирового валютного кризиса. Инфляция стала снижаться только ко второй половине 2011 года. Положительную роль в снижении темпов роста инфляции сыграли принятые Правительством Российской Федерации в конце 2010 – начале 2011 года меры по насыщению продовольственных рынков, в том числе по стимулированию импорта, а также стабильность курса рубля и снижение мировых цен на зерно и большинство видов продовольствия с середины первого полугодия 2011 года.

Коридор колебаний уровней инфляции составляет более 5 %. Наибольшая амплитуда колебаний наблюдается в Республике Беларусь. Если рассмотреть страны ЕАЭС без Республики Беларусь (как страны с максимальной амплитудой колебаний), то коридор колебаний будет превышать 5 %. Только к 2012 году он снизился до 2 %, а к 2013 – до 1,7 %.

Степень открытости экономики.

На основе анализа трудов Р. Манделла Р. МакКинон определил, что критерием оптимальности является высокая степень открытости экономики, а оптимальной валютной зоной – группа стран, экономики которых близки к взаимной открытости [6]. Стране экспортно-ориентированной удобнее зафиксировать свой валютный курс к валюте страны – основному торговому партнеру, особенно когда этот торговый партнер обладает большой и стабильной экономикой. Он также изучал необходимость внутренней ценовой стабильности и приемлемость плавающих валютных курсов при разной степени открытости экономики и пришел к выводу, что плавающие валютные курсы становятся менее эффективными при переходе экономики от закрытой к открытой и ведут к внешней ценовой стабильности.

Как свидетельствует показатель экспортной квоты, экономики стран ЕАЭС открытые. В большей степени открытость экономики наблюдается в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Республике Беларусь (табл. 3).

Как свидетельствуют показатели импортной квоты, Республика Армения, Республика Беларусь и до 2012 года Кыргызская Республика – импортозависимые страны.

Таблица 3. Показатели открытости экономик стран ЕАЭС за 2008–2014 гг., %

Страна	Годы						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Импортная квота							
Республика Армения	37,9	38,6	39,4	42,3	43,0	39,4	38,0
Республика Беларусь	67,3	60,8	66,6	80,0	76,8	64,7	57,8
Российская Федерация	17,5	15,7	16,3	17,0	16,6	16,4	16,6
Республика Казахстан	28,4	24,6	21,0	19,7	22,7	21,0	19,4
Кыргызская Республика	72,0	67,2	60,2	69,9	17,0	81,6	77,5
Экспортная квота							
Республика Армения	9,1	8,2	10,9	13,6	13,9	13,3	13,3
Республика Беларусь	59,6	50,0	53,1	78,0	81,5	61,4	57,2
Российская Федерация	28,3	24,8	26,2	27,4	26,3	25,2	26,7
Республика Казахстан	53,3	37,5	40,7	46,6	42,5	36,5	36,9
Кыргызская Республика	32,8	37,0	32,8	36,8	25,9	27,3	27,3
Внешнеторговая квота							
Республика Армения	47,0	46,8	50,3	56,0	57,0	53,7	50,4
Республика Беларусь	126,9	110,8	119,7	157,9	158,3	126,1	115,0
Российская Федерация	45,9	40,5	42,5	44,4	42,9	41,6	43,3
Республика Казахстан	81,7	62,1	61,7	66,3	65,2	57,6	56,3
Кыргызская Республика	104,9	104,1	93,0	106,7	99,5	108,9	102,9

Источник: составлено автором по [1–5].

По показателям внешнеторговой квоты можно судить о значительной зависимости от мировой торговли Республики Беларусь и Кыргызской Республики. Основной внешнеторговый оборот Кыргызской Республики приходится на страны ЕАЭС (более 50 %). В Республике Беларусь также более половины внешнеторгового оборота приходится на страны ЕАЭС, в основном – Российскую Федерацию.

Дефицит государственного бюджета и государственный долг.

Одним из критериев конвергенции в Договоре определен дефицит государственного бюджета, который не должен превышать 3 % от ВВП. Государственный долг, согласно Договору, не должен превышать 50 % ВВП.

Линией на рис. 3 обозначена предельная граница, согласно условиям конвергенции.

Таким образом, можно сделать вывод, что в пределах 3 % к ВВП на протяжении анализируемого периода находится дефицит государственного бюджета Беларуси и Казахстана. Во всех странах ЕАЭС дефицит государственного бюджета не превышал нормы конвергенции в течение 2013–2014 гг.

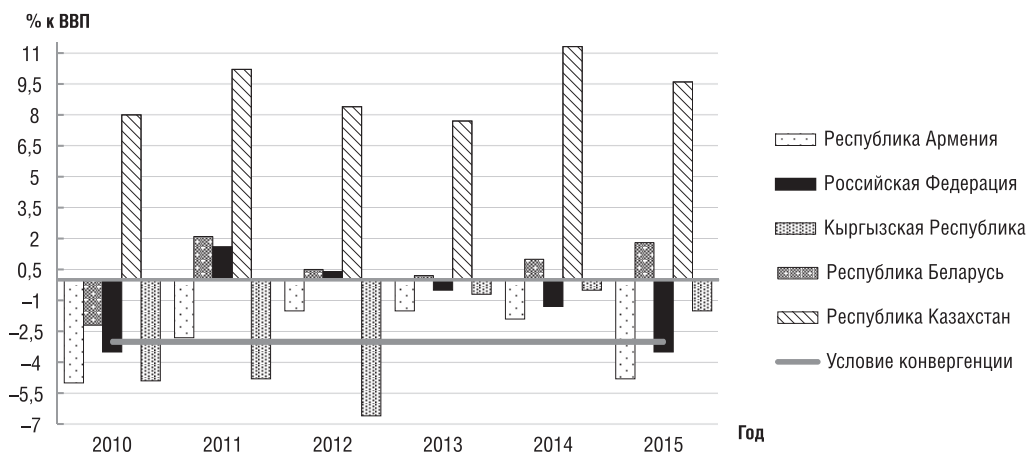

Рис. 3. Дефицит государственного бюджета стран ЕАЭС за 2010–2014 гг., % к ВВП (источник: составлено автором по [1–5])

Fig. 3. State budget deficit in the EAEU countries in 2010–2014, % of GDP

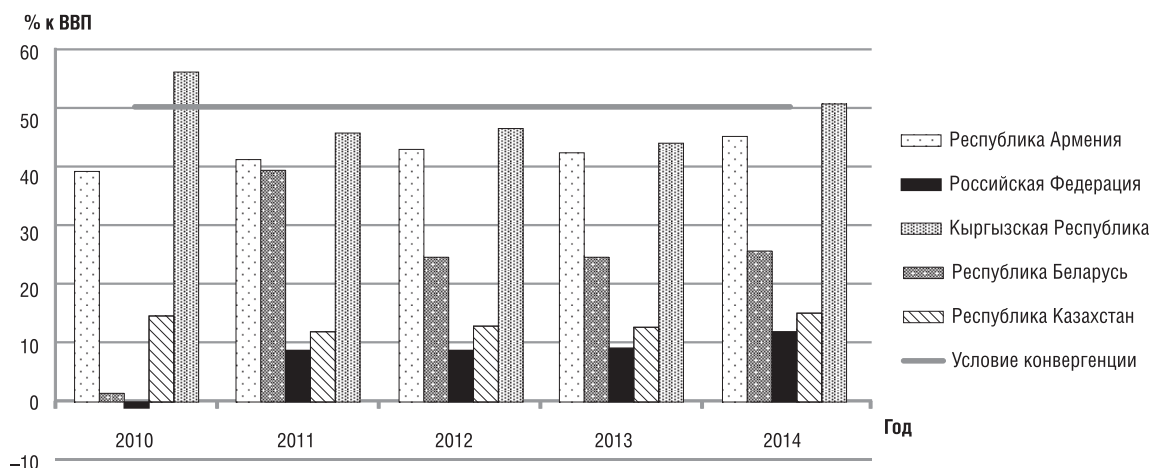

Рис. 4. Государственный долг стран ЕАЭС за 2010–2014 гг., % к ВВП (источник: составлено автором по [1–5])

Fig. 4. Government debt in the EAEU countries in 2010–2014, % of GDP

В Республике Казахстан наблюдается профицит на протяжении всего анализируемого периода. В Республике Беларусь профицит наблюдался только в 2014 году.

В Кыргызской Республике, дефицит государственного бюджета превышал 3 % к ВВП на протяжении 2010–2012 гг., а с 2013 г. данный показатель находится в пределах условий конвергенции.

Государственный долг среди стран ЕАЭС превышал 50 % ВВП только в Кыргызской Республике в 2010 году. В 2011 году он уже снизился на 10,3 % и составил 45,6 % к ВВП, что находится в пределах норм конвергенции, установленных Договором. В 2014 году снова уровень государственного долга к ВВП превысил максимальное значение, определенное Договором. По остальным странам можно отметить, что государственный долг находится в пределах норм конвергенции (не более 50 % от ВВП) (рис. 4).

Ставка рефинансирования.

Значимым инструментом валютной интеграции является денежно-кредитная политика. Для создания успешно функционирующего валютного союза необходима унификация инструментов денежно-кредитной и фискальной политики стран-участниц. Одним из инструментов денежно-кредитной политики является ставка рефинансирования.

Низкая ставка рефинансирования дает возможность кредитования субъектов хозяйствования: кредиты более привлекательны и доступны.

В Республике Беларусь ставка рефинансирования значительно выше, чем в остальных странах ЕАЭС. В случае унификации ставок рефинансирования резкое снижение ставки приведет к негативным последствиям: увеличение привлекательности кредитов провоцирует увеличение спроса или предложения и нарушение макроэкономического равновесия. Унификация ставки рефинансирования для Республики Беларусь возможна только постепенная и в совокупности с другими инструментами денежно-кредитной политики.

Кроме того, ставка рефинансирования отличается крайней нестабильностью в Республике Беларусь и Кыргызской Республике, т. к. она напрямую зависит от уровня инфляции. В этих странах за анализируемый период наблюдаются скачки роста цен (об этом свидетельствует проведенный анализ уровня инфляции).

В Республике Казахстан за анализируемый период не наблюдается существенных изменений в инфляции (в среднем 7,5–9,8 %), также относительно стабильная ставка рефинансирования, имеющая тенденцию к снижению: с 11 до 5,5 % (рис. 4).

Низкая ставка рефинансирования дает возможность развития частного сектора – кредиты более доступны, что благоприятно для предприятий, нуждающихся в оборотных средствах. Однако насильственное снижение ставок и их унификация при формировании валютного союза могут привести к негативным последствиям.

Закключение. Исходя из проведенного анализа можно сделать следующие выводы о перспективах дальнейших интеграционных процессов стран ЕАЭС. Из всех анализируемых показателей на

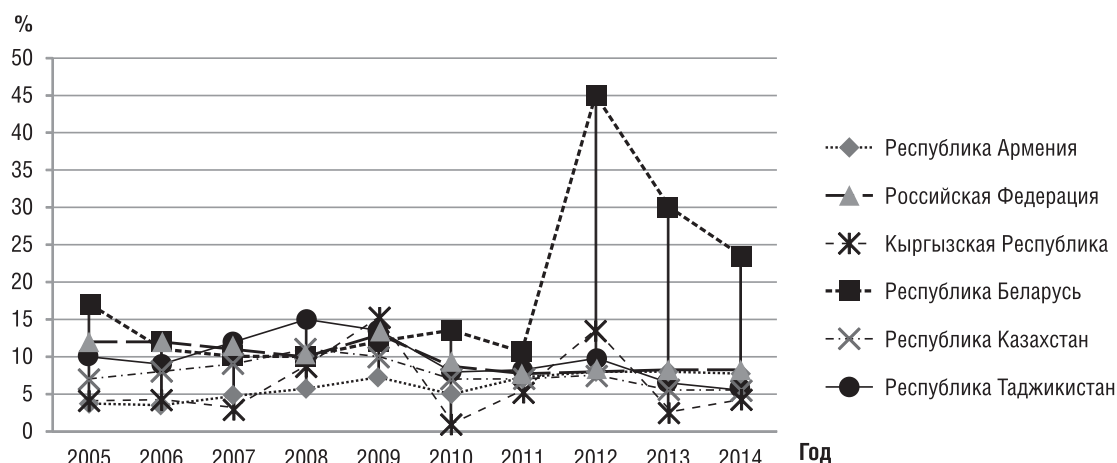

Рис. 5. Ставки рефинансирования стран ЕАЭС на 1 января за 2005–2014 гг., % (источник: составлено автором по [1–5])

Fig. 5. Refinancing rate in the EAEU countries as of January 1 in 2005–2014, %

возможность и успешность создания монетарного союза указывают только показатели открытости экономики. Наибольший удельный вес внешнеэкономической деятельности приходится на страны сообщества, в частности, Российскую Федерацию и Республику Казахстан. Отчасти причиной этому является слабая диверсификация экономики после распада СССР. По остальным экономическим и финансовым показателям создание монетарного союза окажет неблагоприятные последствия для экономик стран: различные темпы инфляции не способствуют выравниванию цен, как того требует единая денежно-кредитная политика; дефицит государственного бюджета в некоторых странах превышает максимально допустимое значение, а государственный долг в ряде стран либо превышает, либо близок к максимально допустимому значению.

Валютный союз как новый уровень интеграционных процессов является важным и необходимым шагом для стран ЕАЭС, но не представляется возможным на сегодняшний день. Для успешного функционирования валютного союза необходимо выравнивание экономических показателей, как того требуют теория оптимальных валютных зон и условия конвергенции, прописанные в Договоре.

Список использованных источников

1. Ingram, J. The case for European monetary integration / J. Ingram // Princeton Essays in international Finance. – 1973. – № 98. – P. 56–78.
2. Социально-экономическое положение государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства: стат. бюл.; Евразийская экономическая комиссия. – М., 2016. – 148 с.
3. Сибирская, А. В. Формирование механизма валютной интеграции в странах Единого экономического пространства / А. В. Сибирская. – Минск : Право и экономика, 2014. – 175 с.
4. Сибирская, А. В. Валютная интеграция и реализация национального суверенитета Республики Беларусь / А. В. Сибирская. – Минск : Право и экономика, 2016. – 410 с.
5. Эскидаров, М. А. Проблемы интеграции финансовых рынков стран ЕЭП / М. А. Эскидаров // Вестн. финансового ун-та. – 2014. – № 1. – С. 13–19.
6. Колесников, С. Д. Валютное регулирование в условиях экономической интеграции / С. Д. Колесников. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2006. – 265 с.
7. Мясникович, М. В. Национальная безопасность Республики Беларусь: приоритетные направления социально-экономического инновационного развития: сб. науч. тр. / М. В. Мясникович. – Минск: Белорус. наука, 2006. – 299 с.
8. Мясникович, М. В. Интеграция: практика, право, экономика / М. В. Мясникович // Стратегия развития экономики Беларуси: факторы формирования и инструменты реализации: докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр., 2015 г. – Минск: Право и экономика, 2015. – С. 28–36.
9. Mongelli, F. European Economic and Monetary Integration, and the Optimum Currency Area Theory/ F. Mongelli // European Economy. – 2008. – P. 1–58.
10. Mussa, M. Political & Institutional Commitment to a Common Currency/ M. Mussa // American Economic Review. – 1987. – № 87. – P. 217–221.
11. Barro, R. Economic Growth and Convergence / R. Barro. – San Francisco, 1994. – 29 p.
12. Fleming, J. M. Domestic Financial Policies under Fixed & under Floating Exchange Rates / J. M. Fleming // IMF Staff Papers. – 1962. – № 9. – P. 369–379.
13. Hall Stephen, G. Bretton-Woods Systems, Old And New, And The Rotation Of Exchange-Rate Regimes / G. Hall Stephen. – Manchester School, University of Manchester. – 2011. – Vol. 79 (2). – P. 293–371.

14. Report for Selected Countries and Subjects [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx?pr.x=56&pr.y=2&sy=2000&ey=2014&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=913%2C922%2C916&s=NGDPD%2CPCPI%2CTM_RPCH%2CTMG_RPCH%2CTX_RPCH%2CTXG_RPCH%2CGGSB%2CGGXWDN_NGDP%2CGGXWDG_NGDP%2BCA&grp=0&a=#csl.

15. Пупликов, С. И. Методология и механизмы взаимодействия и развития мировой и национальной валютных систем / С. И. Пупликов. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 272 с.

16. Показатель финансового рынка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.GD.ZS/countries>.

References

1. Ingram, J. (1973), "The Case for European Monetary Integration", *Princeton Essays in international Finance*, no. 98, pp. 56–78.

2. (2016), *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie gosudarstv – chlenov Tamozhennogo soyuza i Edinogo ekonomicheskogo prostranstva: statisticheskii byulleten'* [The Socio-economic Situation of the Member States of the Customs Union and the Single Economic Space: A Statistical Bulletin], Moscow, RU.

3. Sibirskaya, A. V. (2014), *Formirovanie mekhanizma valyutnoi integratsii v stranakh Edinogo Ekonomicheskogo Prostranstva* [Formation of the Monetary Integration Mechanism in the Single Economic Space Countries], Law and Economics, Minsk, BY.

4. Sibirskaya, A. V. and Pochechina, V. V. (2016), *Valyutnaya integratsiya i realizatsiya natsional'nogo suvereniteta Respubliki Belarus'* [Monetary Integration and the Implementation of National Sovereignty of the Republic of Belarus], Law and Economics, Minsk, BY.

5. Eskidarov, M. A. (2014), "Problems of Integrating SES Financial Markets", *Vestnik finansovogo instituta* [Bulletin of the Financial University], no. 1, pp. 13–19.

6. Kolesnikov, S. D. (2006), *Valyutnoe regulirovanie v usloviyakh ekonomicheskoi integratsii* [Monetary Regulation in the Context of Economic Integration], Law and Economics, Minsk, BY.

7. Myasnikov, M. V. (2006), *Natsional'naya bezopasnost' Respubliki Belarus': prioritetye napravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo innovatsionnogo razvitiya: sbornik nauchnykh trudov* [National Security of the Republic of Belarus: Priority Areas for Social and Economic Innovative Development: Collection of Scientific Works], Belarusian Science, Minsk, BY.

8. Myasnikov, M. V. (2015), "Integratsiya: praktika, pravo, jekonomika", *Strategiya razvitiya jekonomiki Belarusi: faktory formirovaniya i instrumenty realizatsii: doklady Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Integration: Practice, Law, Economy. The Strategy of Economic Development of Belarus: Formation Factors and Implementation Tools: Reports at the International Scientific and Practical Conference], Law and Economics, Minsk, BY, pp. 28–36.

9. Mongelli, F. (2008), "European Economic and Monetary Integration, and the Optimum Currency Area Theory", *European Economy*, pp. 1–58.

10. Mussa, M. (1987), "Political & Institutional Commitment to a Common Currency", *American Economic Review*, no. 87, pp. 217–221.

11. Barro, R. (1994), *Economic Growth and Convergence*, San Francisco, US.

12. Fleming, J. M. (1962), "Domestic Financial Policies under Fixed & under Floating Exchange Rates", *IMF Staff Papers*, no. 9, pp. 369–379.

13. Hall Stephen, G. (2011), "Bretton-Woods Systems, Old And New, And The Rotation Of Exchange-Rate Regimes", *Manchester School, University of Manchester*, vol. 79 (2), pp. 293–371.

14. "Report for Selected Countries and Subjects", Available at: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx?pr.x=56&pr.y=2&sy=2000&ey=2014&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=913%2C922%2C916&s=NGDPD%2CPCPI%2CTM_RPCH%2CTMG_RPCH%2CTX_RPCH%2CTXG_RPCH%2CGGSB%2CGGXWDN_NGDP%2CGGXWDG_NGDP%2BCA&grp=0&a=#csl, (Accessed 17.11.2016).

15. Puplikov, S. I. (2012), *Metodologiya i mekhanizmy vzaimodeistviya i razvitiya mirovoi i natsional'noi valyutnykh sistem* [Methodology and Mechanisms for Cooperation and Development of the Global and National Monetary Systems], Belarus. Navuka, Minsk, BY.

16. "Financial Market Indicator", Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.GD.ZS/countries>, (Accessed 17.11.2016).

Информация об авторе

Сибирская Альбина Васильевна – магистр экон. наук, науч. сотрудник. ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Kordik2004@mail.ru.

Information about the author

Sibirskaya Albina Vasilyevna, MA (Econ.), Scientific Researcher, Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Kordik2004@mail.ru.

Для цитирования

Сибирская, А. В. Перспективы валютной интеграции в условиях ЕАЭС: анализ критериев конвергенции / А. В. Сибирская // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 119–126.

For citation

Sibirskaya A. V. Prospects of Monetary Integration within the Eurasian Economic Union: Convergence Criteria Analysis. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 119–126.

РЭЦЭНЗІІ

REVIEWS

Поступила в редакцию 15.11.2016

Received 15.11.2016

Г. А. Василевич, Т. М. Киселёва

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Рецензируемый учебник* подготовлен профессором кафедры теории государства и права Университета им. О. Е. Кутафина, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации В. В. Лазаревым и доцентом кафедры теории государства и права Университета им. О. Е. Кутафина, доктором юридических наук, доцентом С. В. Липенем. Содержание учебника соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Издание включает в себя все базовые темы учебного курса «Теория государства и права», которые последовательно раскрываются в четырех разделах.

Раздел I «Введение в теорию государства и права» посвящен определению понятия общей теории права как системы знаний о наиболее общих закономерностях государства и права, о возникновении, сущности, функционировании и развитии государственно-правовых явлений, в нем также раскрываются предмет, методология теории государства и права, определяется место теории государства и права в системе юридических наук и дисциплин. В данном разделе также нашли отражение такие важные вопросы, как возникновение и историческое развитие государственности.

В разделе II «Теория государства» рецензируемого учебника рассматриваются все основные характеристики государства. Раскрывается понятие государства и его признаки, рассматриваются функции и механизм государства. Особое внимание уделяется формам государства, при этом при раскрытии форм правления, форм государственного устройства и политического режима приводятся не только исторические примеры, но анализируются современные государства. Заслуживает высокой оценки анализ современных подходов к пониманию категории «формы государства».

Раздел III «Теория права» посвящен анализу базовых вопросов сущности и назначения права. Здесь нашли отражение вопросы места права в системе социальных норм, различные подходы к пониманию права, представлено определение сущности права. В данном разделе также дается характеристика основных правовых систем современности с учетом последних изменений, отдельно рассматриваются особенности российской правовой системы. Значительное внимание уделяется вопросу определения понятия и видов источников права, подробно рассматриваются отдельные источники права, в том числе те, в отношении которых не сложилось однозначного мнения, например, достижения современной правовой науки, решения Конституционного суда и прочие. Необходимое внимание уделено понятию и элементам правовых отношений, основаниям их возникновения.

В издании получили отражение и вопросы реализации правовых норм, что свидетельствует не только о теоретической, но и практической значимости рецензируемого учебника. Рассматриваются вопросы правотворчества, действия правовых норм во времени, пространстве, по кругу лиц, проблемы реализации права, толкования правовых норм, а также нарушения норм права и привлечения к юридической ответственности.

* Лазарев, В. В. Теория государства и права : учеб. для акад. бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 521 с.

Отличительной особенностью учебника является выделение в качестве самостоятельного раздела вопросов взаимоотношения личности, общества и государства, что отражено в разделе IV «Общество и государство. Право и личность». Здесь рассматриваются вопросы определения места государства в политической системе, в том числе проблемы и перспективы его взаимодействия с иными элементами политической системы. Отдельная глава посвящена взаимосвязи и взаимодополняемости государства и права.

Достоинством учебника является сопровождение каждой темы обзором специальной литературы, а также перечнем вопросов для самостоятельного контроля. Отметим, что такие вопросы не ограничиваются требованием воспроизведения изложенного в учебнике материала, а часто ориентируют студентов на самостоятельные размышления и дополнительные исследования. Кроме того, учебник содержит алфавитно-предметный и именной указатели.

В издании раскрываются не только основные, базовые вопросы теории государства и права, но обозначаются проблемы в понимании отдельных правовых явлений, их воплощении в реальной жизни, развитии теоретических положений с учетом изменения общества и т.д. При раскрытии теоретических положений приводятся мнения различных ученых, дается их оценка. Учебник содержит большое количество примеров и пояснений, что позволяет использовать его для самостоятельной работы студентов.

Рецензируемое 5-е издание учебника в полной мере отражает достижения современной юридической науки, нормы законодательства с учетом последних изменений и дополнений, а также правоприменительную практику.

Отличительной особенностью учебника является включение в него не только материала для базового, но и для более углубленного уровня изучения теории государства и права. При этом материал для базового уровня и материал для углубленного уровня различаются по шрифту. Такая разноуровневая подача материала делает возможным использование учебника не только студентами начальных курсов, но и магистрантами, аспирантами и соискателями.

Стиль рецензируемого учебника отличается простотой и логичностью изложения, что обеспечивает доступность понимания и усвоения вопросов курса теории государства и права любой сложности.

Проведенный анализ содержания, оригинальный подход к подаче материала, стиль изложения, нестандартный подход к решению отдельных проблем теории государства и права позволяют рекомендовать учебник В. В. Лазарева и С. В. Липеня «Теория государства и права» для изучения теории государства и права не только российскими студентами юридического профиля, но и студентами Республики Беларусь и других стран-участников СНГ. Кроме того, издание будет полезно для магистрантов, аспирантов (адъюнктов), профессорско-преподавательского состава, научных работников, занимающихся проблемами теории государства и права.

Информация об авторах

Василевич Григорий Алексеевич – д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой конституционного права юрид. факультета БГУ. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Gregory_1@tut.by.

Киселёва Татьяна Маратовна – канд. юрид. наук, доцент. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : dekanatlaw@bsu.by.

Information about the authors

Vasilevich Grigoriy Alekseyevich, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law, Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Gregory_1@tut.by.

Kiseliova Tatiana Maratovna, Ph. D. (Law), Assistant Professor, Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: dekanatlaw@bsu.by.

Для цитирования

Василевич, Г. А. Фундаментальные основы теории государства и права / Г. А. Василевич, Т. М. Киселёва // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 1. – С. 127–128.

For citation

Vasilevich G. A., Kiseliova T. M. Fundamentals of the Theory of the State and Law. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 1, pp. 127–128.